Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 27 (66). № 3

Серия «Исторические науки»

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского

Симферополь, 2014

ISSN 1606-3715
Свидетельство о регистрации – серия КВ № 15712-4183Р
от 28 сентября 2009 года

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:

Багров Н. В. – д. г. н, проф., академик НАН Украины, (главный редактор)
Шульгин В. Ф. – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)
Дзедолик И. В. – д. ф.-м. н, доц. (отв. секретарь)

Члены совета (редакторы серий):

Бержанский В. Н. – д. ф.-м. н., проф.
Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф.
Вахрушев Б. А. – д. г. н., проф.
Казарин В. П. – д. филол. н., проф.
Климчук С. В. – д. э. н., доц.
Копачевский Н. Д. – д. ф.-м. н., проф.
Непомнящий А. А. – д. ист. н., проф.
Подсолонко В. А. – д. э. н., проф.
Темурьянц Н. А. – д. б. н., проф.
Ротань В. Г. – д. ю. н., проф.
Шоркин А. Д. – д. филос. н., проф.

Редакционный совет серии «Исторические науки»:

Непомнящий А. А., доктор исторических наук, профессор (редактор серии) (aan@home.cris.net)
Герцен А. Г., кандидат исторических наук, профессор (ответственный секретарь)
Бачинская Е. А., доктор исторических наук, профессор
Ганкевич В. Ю., доктор исторических наук, профессор
Петрова Э. Б., доктор исторических наук, профессор
Платонова Н. И., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Смынтына Е. В., доктор исторических наук, профессор
Тихонов И. В., доктор исторических наук, доцент
Тункина И. В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Филимонов С. Б., доктор исторических наук, профессор
Хмарский В. М., доктор исторических наук, профессор
Храпунов И. Н., доктор исторических наук, профессор
Щевелев С. С., доктор исторических наук, профессор

Печатается по решению Ученого Совета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, протокол № 10 от 14.11.2014 г.

Подписано в печать 17.11.2014 г. Формат 70х100 1/16. 7,23 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 12/14-УЗ.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського»
Науковий журнал. Серія «Історичні науки». Том 26 (65), № 1
Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2013
Журнал заснований у 1918 р.
Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007
Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007
http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html

© Таврический национальный университет, 2014 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 27 (66), № 3. 2014 г. С. 3–13.

УДК 930.253:069 (477.75)

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В СЕВАСТОПОЛЕ

Акимченков В. В.

Союз краеведов Республики Крым, Симферополь, Российская Федерация
E-mail.: viktor_akimchenkov@mail.ru

Рассмотрена источниковая база по истории музейного дела в Севастополе в 20–30-е годы XX века. Первую группу составляют опубликованные законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству, отчеты Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, документы центральных и местных партийных, советских, хозяйственных органов, регламентировавших деятельность музеев. К следующей группе источников относятся опубликованные материалы музейных съездов, конференций, отчеты музеев, членов краеведческих обществ, статьи по общим вопросам развития музейного дела и деятельности отдельных музеев Крыма, Севастополя, опубликованные в центральных периодических изданиях станы. Основной массив организационно-распорядительной, отчетной документации центральных и региональных органов управления музейным делом и охраной памятников остается неопубликованным, поэтому наиболее существенным является пласт документов по музейному строительству хранящийся в центральных архивах Российской Федерации. Большая их часть сосредоточена в коллекции по музейному строительству РСФСР Отдела письменных источников Государственного Исторического музея Российской Федерации (ОПИ ГИМ РФ, г. Москва). Вторая часть документов Музейного отдела Наркомпроса РСФСР хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва).

На примере ранее неопубликованных документов, выявленных в фондах ГАРФ, показаны процессы музейного строительства, протекавшие на территории Крыма в 20-е годы XX века. Так, в частности, письмо директора Севастопольского музея краеведения П. П. Бабенчикова в адрес Главнауки Наркомпроса РСФСР дает возможность восстановить степень научной коммуникации севастопольских краеведов с учеными Москвы и Ленинграда. А также является одним из немногих, дошедших до нас источников, которые относятся непосредственно к деятельности Музей краеведения, ведь архив музея был утерян в конце 80-х годов XX века. Данные источники позволяют сделать вывод о том, что процесс музейного строительства в Севастополе проходило в рамках общегосударственной политики. В тоже время, в условиях дальнейшей идеологизации музейной сферы во второй половине 20-х годов XX века, сотрудники севастопольских музеев проводили модернизацию экспозиций, сохраняя научные основы подачи материалов. Однако в 30-е годы XX века начался процесс подчинения исследовательских задач пропагандистским целям, что усложнило для музейных работников полноценные научные изыскания.

Ключевые слова: П. П. Бабенчиков, Государственный архив Российской Федерации, Главнаука Наркомпроса РСФСР, Главмузей, Отдел письменных источников Государственного Исторического музея РФ, Севастопольский музей краеведения, Музейный отдел Наркомпроса РСФСР, КрымОХРИС.

В годы первых довоенных пятилеток в Советском Союзе развернулось наступление социализма по всему фронту. Аграрная страна, пережившая годы революционного лихолетья и гражданской войны, постепенно превращалась в передовую индустриальную державу. Была осуществлена коллективизация сельского хозяйства, ликвидированы «эксплуататорские классы», достигнуты огромные успехи в осуществлении культурной революции, ликвидирована неграмотность, выросла широкая сеть научных, учебных, культурно-просветительских учреждений, создана новая советская интеллигенция, значительно поднялся культурный уровень в национальных республиках. Данный этап в истории российской государственности не мог не отразиться на музейном строительстве, на всей деятельности музеев.

Спектр источниковой базы по истории музейного дела в Севастополе в 20–30-е годы XX века достаточно разнообразен. Первую группу составляют опубликованные законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству, отчеты Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Музейный отдел) Наркомпроса РСФСР, документы центральных и местных партийных, советских, хозяйственных органов, регламентировавших деятельность музеев, представленные в Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, Еженедельнике НКП РСФСР и т. д. Эти документы дают возможность проанализировать процесс построения в молодом Советском государстве вертикали управления музейным строительством и охраной памятников.

К следующей группе источников относятся опубликованные материалы музейных съездов, конференций, отчеты музеев, членов краеведческих обществ, статьи по общим вопросам развития музейного дела и деятельности отдельных музеев Крыма, Севастополя, опубликованные в центральных периодических изданиях, таких как «Крым», «Краеведение», «Известия Центрального Бюро Краеведения», «Жизнь искусства» и др.

Основной массив организационно-распорядительной, отчетной документации центральных и региональных органов управления музейным делом и охраной памятников остается неопубликованным, поэтому наиболее существенным является пласт документации по музейному строительству хранящийся в центральных архивах Российской Федерации. Это группа документов, возникшая в результате деятельности Отдела по делам музеев и охране памятников искусств и старины (Музейного отдела) Наркомпроса РСФСР в 1918–1930 годы. Большая их часть сосредоточена в коллекции по музейному строительству РСФСР Отдела письменных источников Государственного Исторического музея Российской Федерации (ОПИ ГИМ РФ). Вторая часть документов Музейного отдела Наркомпроса РСФСР хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) [1]. Группа источников по руководству музеями Крыма и Севастополя в данной коллекции наиболее значительна. Прежде всего, это переписка Музейного отдела с музеями Крыма и Севастополя за 1921–1925 годы по различным административно-хозяйственным вопросам. Особый интерес представляют обращения региональных руководителей в центральные органы для урегулирования вопросов охраны памятников, субсидирования музеев, порядка проведения в жизнь утвержденных постановлений. В частности, в делах ГАРФ содержится переписка Музейного отдела Наркомпроса РСФСР и Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС) за 1922 год по вопросу о переводе музеев Крыма на государственный бюджет [2], ходатайство, датированное 1923 годом, в Севастопольский КрымОХРИС о передаче в его ведение доходных совхозов Геогиевского монастыря, хутора Александриада и Инкермана для исполнения декрета о специальных средствах на охрану памятников [3], переписка по поводу организации в Севастополе дома-музея Л. Н. Толстого [4] и т. д.

В фондах ОПИ ГИМ РФ представлены материалы музейных учреждений за 1920–1927 год, сгруппированные по региональному принципу. В каждом отделе отражена деятельность определенного органа или музеев отдельного района [5]. По

содержанию их можно разделить на отчетные (основная часть), организационно-распорядительные и текущую переписку. Особую ценность представляют ранние отчеты Крымского и Севастопольского комитетов по делам музеев. В частности, отчет с приложениями о первых мероприятиях Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС) конца 1920 – начала 1921 года [6] и отчет о деятельности Севастопольского ОХРИСа за 1922 год [7]. Музейной документации 20-х годов XX века в Государственном архиве Республики Крым и Государственном архиве города Севастополя практически не сохранилось.

Также большую значимость представляют материалы трех Крымских конференций музейных работников: протоколы I съезда Крымского комитета по музейному делу в 1922 году [8], резолюции III Крымской конференции 1924 год [9], материалы IV Крымской областной музейной конференции 1926 года [10]. Кроме того, весьма информативны дела севастопольских музеев. Материалы по Херсонесскому музею выделаны в отдельное дело [11], а документы прочих музеев составляют отдельное дело. В основном это годовые отчеты музейных учреждений Севастополя, большинство из которых относятся к Военно-Историческому музею за 1924–1927 годы [12]. Уникален по своему значению единственный сохранившийся отчет о деятельности Севастопольского музея краеведения за 1924–1926 годы [13]. По другим музеям материала гораздо меньше. Это объясняется тем, что непосредственную отчетность в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР представляли лишь те музеи, которые находились на государственном бюджете.

На сегодняшний день история Севастопольского музея краеведения изучена, а история его деятельности, начинания севастопольских краеведов 20-х годов XX века обобщены в виде отдельной монографии, об успешности и своевременности которой свидетельствуют рецензии в научной периодике [14]. Однако в центральных архивах Российской Федерации находится масса документов касающихся этого уникального явления в научной жизни Крымского полуострова, через призму которых можно по-иному взглянуть на процессы музейного строительства, протекавшие в Крыму в 20-е годы XX века. Так, в частности, нами выявлено письмо директора СМК Павла Петровича Бабенчикова в адрес Главного управления научными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса РСФСР (Главнаука Наркомпроса РСФСР). Этот документ уникален тем, что дает возможность восстановить степень научной коммуникации севастопольских краеведов с учеными Москвы и Ленинграда. А также является одним из тех, немногих, дошедших до нас источников, которые касаются непосредственно деятельности Музей краеведения, ведь архив музея был утерян, по-видимому, еще в конце 80-х годов XX века. С тех пор ведется скрупулезная работа по сбору документов хранившихся в его фондах. Первоначально, в далекие для нас 70-е годы XX века, этим был занят кандидат исторических наук Евгений Владимирович Веймарн и краевед Елена Борисовна Демешкан, после чего пальма первенства, в этом деле, перешла сотрудникам Межшкольного краеведческого музея при Севастопольской станции юных туристов. С 2010 года нами предпринимались попытки разыскания утерянных документов в архивах Москвы, Симферополя и Севастополя. Результатом работ стало издание обобщающей

монографии «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939)» [15]. Однако вопрос относительно судьбы архива и книжного собрания Музея краеведения, насчитывавшего к концу 1926 года более 700 томов, остается открытым. Данная статья – всего лишь очередной шаг на пути к пониманию многогранной деятельности этого уникального музейного, научного и педагогического учреждения.

В апреле 1925 года заведующий музеем П. П. Бабенчиков направил письмо в Главнауку Наркомпроса РСФСР с просьбой закрепить за музеем переданное ему помещение. Этот источник дает понимание значимости, которую приобрел музей в Севастополе, раскрывает результаты научных исследований его сотрудников и показывает степень взаимоотношений с Российской академии наук. В этой связи приведем полное содержание текста письма:

«Согласно распоряжению п/о Мунк Севастопольского местхоза за № 16698 от 30 декабря 1924 года, действовавшего с согласия председателя Севаст.[опольского] Исполкома, заведующего общим отделом исполкома, заведующего отделом народного образования и уполномоченного СевОХРИСа – Севастопольский музей краеведения получил новое помещение, освободившееся по переезде Дома Просвещения в другой дом, состоящее из 5 комнат с отдельным входом, и немедленно приступил к развертыванию своих коллекций, отдав старое помещение в антресолях по 5 маленьких комнат под лабораторию, историко-археологическую, этнографо-производственную, экологическую, чертежную, читальню, столярно-плотницкую.

В настоящее время все новые помещения заняты сплошь экспонатами, и в лабораториях ведется усиленная работа по расширению дела. Музей, сумевший и в чердачном помещении, без поддержки и субсидий завоевать себе некоторую известность, в условиях нового помещения без труда развернется по масштабу образцового краеведческого музея, являясь в тоже время и прочно спаянной организацией людей, бескорыстно преданных делу (40 человек).

Однако, очевидная полезность музея, обслуживающего широкие пролетарские массы, инструктирующего школы, руководящего краеведческим семинарием по переподготовке учителей, являющегося центром экскурсионного дела – не всеми оценивается по достоинству. Заведующий школой I и II ступени (имени Союза Всерабпроса), находящейся в том же доме, желая расширить помещение своей школы для того, чтобы детям было где побегать; заявил притязание на две лучшие комнаты музея, собираясь таким образом лишить музей не только заполненных помещений, ставя его этим в безвыходное положение, но лишить его и отдельного входа и создать невозможность охраны музейного имущества, собранного и смонтированного с огромным трудом. Но говоря уже о том, что не приходится сравнивать по ценности краеведческий музей с заурядной, посредственной школой, коих в Севастополе много, надо указать и то, что школа эта имеет полную возможность расширяться, т. к. целый ряд комнат в ее пределах занят частными квартирантами, и 6 помещений в школе совершенно пустуют.

Эти притязания на музейное помещение не имели бы никакого значения, и ордер п/о Мунк служил бы полной гарантией от угроз вторжения, но заведующий вышеупомянутой школой в тоже время и председатель Сев.[астопольского]

отд.[еления] Союза Всерабпрос и соответственно, имеет большой вес, по крайней мере настолько, что музей отнюдь не уверен, что ни сегодня-завтра его выбросят из нового помещения, что погубит многое из ценных коллекций и прекратит саму возможность дальнейшей работы, нанося вместе с тем и тяжелый моральный удар.

В виду всего вышеизложенного, Севастопольский музей краеведения просит Вас спасти положение и закрепить за ним занятые им, согласно вышеупомянутому ордеру п/о Мунк Сев.[астопольского] местхоза, помещение, дабы избавить музей от всяких вообще притязаний, которые весьма возмущают в условиях провинциальной действительности, и дать ему возможность расти и развивать успешно начатое дело. Профессора [А. С.] Башкиров и [И. Н.] Бороздин и научный сотрудник Российского Исторического музея Бабенчиков М. В.[1], наблюдавшие работу Сев.[астопольского] Музея вблизи, могут дать о нем более подробные сведения, в случае [если] таковые экстренно потребуются[2].

Несмотря на кратковременное существование <…> Сев.[астопольским] музеем краеведения дважды даны подробные отчеты о его работе в Центральное Бюро Краеведения при Российской Академии наук (Ленинградское отделение), по отзыву

[1]**Бабенчиков Михаил Васильевич** (1890–1957) – советский искусствовед, театральный, литературный и художественный критик, преподаватель, писатель, поэт, художник, автор многих статей и не менее 7 книг об изобразительном искусстве и воспоминаний о многих известных писателях, художниках и актерах. Сын художника, педагога Василия Петровича Бабенчикова. С 1910 г. занимался в Институте теории искусства. Публиковать статьи, о театральных событиях и футуристах, начал в журналах «Современник», «Новая студия» (в 1912), альманахе «Очарованный странник» (1913). В 1912 г. стал преподавать историю декоративного искусства на Женских архитектурных курсах Е. Ф. Багаевой, а с 1917 г. – в высшем училище декоративных искусств. С 1914 г. секретарь правления лазарета Деятелей искусства Петрограда (общество устраивало благотворительные литературно-музыкальные вечера и выставки). Сразу после революции стал членом Петроградской коллегии Театрального отдела Наркомпроса, затем директором Главного комитета по делам музеев и охране памятников искусств, старины, народного быта и природы (Главмузей) (?). В 1917 г. помогал А. Блоку в работе редактора отчетов Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданских, так и военных и морских ведомств (Временного правительства). В 1920–1921 гг. заведующий Ярославского губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников старины и искусства (среди прочего – член комитета Рыбинского художественно-исторического музея, прочитал курс музееведения сотрудникам Ростовского отделения Московского археологического института) и одновременно исполнял функции директора Ярославских музеев. В 1921 г. оставил за собой только заведование организуемой им Ярославской художественной галереей. В 1922 г., судя по публикациям, уже вернулся в Петроград или уже переехал в Москву. В 1930 г. работал в отделе бытовой иллюстрации Государственного исторического музея. Известен, по крайней мере, один случай консультирования постановки спектакля. В 1931 г. консультант по фильму «Мертвый дом» («Межрабпомфильм»; по роману Ф. М. Достоевского). Участвовал в организации выставки достижений советского кино для зарубежных стран (1932). Консультант по строительству Дворца Советов (около 1931–1934). Участвовал в художественном оформлении книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства» (1934). Попал под репрессии. В конце жизни работал в Московском художественно-промышленном училище. (См. подробнее: Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ, г. Москва), ф. 2094, 1101 ед. хр).

[2]Научные изыскания сотрудников Севастопольского музея краеведения привлекали внимание таких известных ученых, как В. А. Городцов, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский, И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров, которые называли работу музея «исключительно образцовой и даже научной» и стали почетными членами Музея краеведения. Также за деятельностью музея следил председатель Президиума Центрального бюро краеведения, академик С. Ф. Ольденбург. (Ист.: ОПИ ГИМ РФ, ф. 54, д. 1007, лл. 111 об.–112).

которой музей, «являясь одним – ответственным в Севастопольском округе, является вообще весьма ценным и интересным и образцовым по своей идейной структуре и по своей работе»[1].

На последнем Краеведческом съезде доклад по Крыму был поручен сотруднику Севастопольского музея.

Все это создает уверенность, что Сев.[астопольский] музей краевед.[ения] стоит на правильном пути и имеет право надеяться, что Главнаука не откажет ему в своем покровительстве [16].

Вскоре после этого за музей вступился К. Мидлер, который был командирован в Крым для изучения положения музеев полуострова, отчитавшись затем в Главнауку Наркомпроса РСФСР:

«В течение июля и августа месяцев 1924 г. я по поручению и командировке Главнауки участвовал в работе и <…> КрымОХРИСа ознакомившись с состоянием и планом деятельности всех музеев Крыма, я обратил внимание на начинания Севастопольского музея краеведения во главе с заведующим т. [П. П.] Бабенчиковым, который сумел в своей работе, отвечающей требованиям и задачам правильного современного краеведческого строительства, привлечь интерес молодежи, чрезвычайно горячо помогающей ему в организации музея на крымской музейной конференции, состоявшейся осенью [19]24 г. В Севастополе ценность этого молодого музея и всех его работников неоднократно отмечалась. Музей этот заслуживает поддержки и внимания со стороны музейного отдела Главнауки» [17].

После обращения П. П. Бабенчикова от Главнауки Наркомпроса РСФСР в адрес КрымОХРИСа, на имя А. И. Полканова, поступило письмо следующего содержания: «В связи с поступлением от Севастопольского музея краеведения донесения о посягательствах со стороны заведующего школой 1 и 2 ступени имени Союза Всерабпроса на часть помещения музея, совершенно необходимого для успешной деятельности и развития названного музея Главнаука Наркомпроса просит Вас принять все меры и закрепить за Севастопольским музеем краеведения занимаемого помещения [18]». Это заступничество помогло сохранить здание за музеем.

В целом музейное строительство в Севастополе проходило в рамках общегосударственной политики. В тоже время, в условиях дальнейшей идеологизации музейной сферы во второй половине 20-х годов XX века, сотрудники севастопольских музеев проводили модернизацию экспозиций, сохраняя научные основы подачи материалов. Задачу своей работы они видели в пробуждении интереса посетителей к научным знаниям. К сожалению, в 30-е годы XX века начался процесс подчинения исследовательских задач пропагандистским целям, что усложнило для музейных работников полноценные научные изыскания.

[1] Письмо Центрального бюро краеведения направленное в адрес правления Дома просвещения в Севастополе, датированное 18 ноября 1924 года, хранится в фондах Межшкольного краеведческого музея им. Е. Н. Овена. Это единственный выявленный нами оригинал документа из бывшего архива Севастопольского музея краеведения под входящим номером «СМК № 14». (Полный текст документа см.: Акимченков В. В. «Академия в миниатюре» : Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / В. В. Акимченков ; под ред. А. А. Непомнящего ; Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – К. ; Симферополь : АнтиквА, 2012. – С. 28. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 17).

1. Участники Севастопольского музея краеведения за работой в залах Государственного Херсонеского историко-археологического музея (на фото К.Э. Гриневич, Е. В. Веймарн, Л. Н. Соловьев, В. Чепелев; 25 мая 1925 г.; из фондов Научного архива Национального заповедника «Херсонес Таврический»)

2. Актив Севастопольского музея краеведения в одном из залов Государственного Херсонеского историко-археологического музея (20-е годы XX века; из фондов Научного архива Национального заповедника «Херсонес Таврический»)

3. Участники Гераклейской экспедиции 1928 года. (В центре: Е. В. Веймарн, Н. И. Репников, Н. З. Федоров; из фондов Научного архива Национального заповедника «Херсонес Таврический»)

4. Участники Гераклейской экспедиции 1929 года. (Из фондов Научного архива Национального заповедника «Херсонес Таврический»)

Источниковая база по истории музейного дела в Севастополе в 20–30-е годы XX века разнообразна. Первую группу составляют опубликованные законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству, отчеты Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, документы центральных и местных партийных, советских, хозяйственных органов, регламентировавших деятельность музеев. К следующей группе источников относятся опубликованные материалы музейных съездов, конференций, отчеты музеев, членов краеведческих обществ, статьи по общим вопросам развития музейного дела и деятельности отдельных музеев Крыма, Севастополя, опубликованные в центральных периодических изданиях станы. Основной массив организационно-распорядительной, отчетной документации центральных и региональных органов управления музейным делом и охраной памятников остается неопубликованным, поэтому наиболее информативным являются источники, хранящиеся в центральных архивах Российской Федерации. Большая их часть сосредоточена в коллекции по музейному строительству РСФСР Отдела письменных источников Государственного Исторического музея Российской Федерации (ОПИ ГИМ РФ, г. Москва). Вторая часть документов Музейного отдела Наркомпроса РСФСР хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва).

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. А-2307, оп. 3, д. 160, 162, 316, 317 ; оп. 8, д. 9, 77 ; оп. 10, д. 189–193.

Gosudarstvennyj arxiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. A-2307, op. 3, d. 160, 162, 316, 317 ; op. 8, d. 9, 77 ; op. 10, d. 189–193.

2. Там же, оп. 3, д. 316, л. 161–163, 168–178, 182, 197, 200–208.

Tam zhe, op. 3, d. 316, l. 161–163, 168–178, 182, 197, 200–208.

3. Там же, оп. 9, д. 77, л. 39–40, 45–46 об.

Tam zhe, op. 9, d. 77, l. 39–40, 45–46 ob.

4. Там же, оп. 3, д. 317, л. 22, 28–31, 43.

Tam zhe, op. 3, d. 317, l. 22, 28–31, 43.

5. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея РФ (ОПИ ГИМ РФ), ф. 54, д. 671, 996–998, 1007–1008.

Otdel pismennyx istochnikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya RF (ORI GIM RF), f. 54, d. 671, 996–998, 1007–1008.

6. Там же, д. 996, л. 3–5 об. ; д. 997, л. 14–35.

Tam zhe, d. 996, l. 3–5 ob. ; d. 997, l. 14–35.

7. Там же, д. 1007, л. 17–18.

Tam zhe, d. 1007, l. 17–18.

8. Там же, д. 996, л. 88–101 об.

Tam zhe, d. 996, l. 88–101 ob.

9. Там же, л. 119–127.

Tam zhe, l. 119–127.

10. Там же, д. 671, л. 6–38 об.

Tam zhe, d. 671, l. 6–38 ob.

11. Там же, д. 1008, л. 111.

Tam zhe, d. 1008, l. 111.

12. Там же, д. 1007, л. 27–106.

Tam zhe, d. 1007, l. 27–106.

13. Там же, л. 110–114 об.

Tam zhe, l. 110–114 ob.

14. Севастьянов О. В. Невелика розповідь про велику справу / О. В. Севастьянов // Праці Центру пам'яткознавства / Центр пам`яткознавства НАН України і УТОПІК. – К., 2012. – Вип. 21. – С. 302–305 ; Юрочкін В. Ю. Достойне поповнення скарбниці кримського краєзнавства / В. Ю. Юрочкін // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия : «Исторические науки». – Симферополь, 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 152–155.

Sevastyanov O. V. Nevelika rozpovid pro veliku spravu / O. V. Sevastyanov // Praci Centru pam'yatkoznavstva / Centr pam`yatkoznavstva NAN Ukraïni i UTOPIK. – K., 2012. – Vyp. 21. – S. 302–305 ; Yurochkin V. Yu. Dostojne popovnennya skarbnici krimskogo kraєznavstva / V. Yu. Yurochkin // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya : «Istoricheskie nauki». – Simferopol, 2013. – T. 26 (65), № 2. – S. 152–155.

15. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре» : Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / В. В. Акимченков ; под ред. А. А. Непомнящего ; Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – К. ; Симферополь : АнтиквА, 2012. – 120 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 17).

Akimchenkov V. V. «Akademiya v miniatyure» : Sevastopolskij muzej kraevedeniya (1923–1939) / V. V. Akimchenkov ; pod red. A. A. Nepomnyashhego ; Tavricheskij nacionalnyj universitet im. V. I. Vernadskogo, Centr pamyatnikovedeniya NAN Ukrainy i UOOPIK. – K. ; Simferopol : AntikvA, 2012. – 120 s. – (Seriya : «Biobibliografiya krymovedeniya» ; vyp. 17).

16. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 10, д. 190, л. 37–38 об.

GARF, f. A-2307, op. 10, d. 190, l. 37–38 ob.

17. Там же, л. 48 об.

Tam zhe, l. 48 ob.

18. Там же, л. 36.

Tam zhe, l. 36.

Akimchenkov V. V. New sources on stories of museum matter in Sevastopol / V. V. Akimchenkov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Scince. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 3–13.

The istochnikovy base on stories of museum matter in Sevastopol in the 20-30th years of the XX century Is considered. The first group is made by the published laws, orders, explanations on museum construction, reports of Museum department of Narkompros RSFSR, documents of the central and local party, Soviet, economic organizations regulating activity of the museums. The published materials of museum congresses, conferences, reports of the museums, members of local history societies, articles on the general questions of development of museum business and activity of the separate museums of the Crimea, Sevastopol published in the central periodicals camps belong to the following group of sources. The main array of organizational and administrative, reporting documentation of the central and regional governing bodies of museum business and protection of monuments remains unpublished therefore the most essential is layer of documents on museum construction stored in the central archives of the Russian Federation. Their most part is concentrated in a collection on museum construction of RSFSR of Department of written sources of the State Historical Museum of the Russian Federation (OPI GIM RF, Moscow). The second part of documents of Museum department of Narkompros RSFSR is stored in funds of the State archive of the Russian Federation (GARF, Moscow). On the example of earlier unpublished documents revealed in GARF funds the processes of museum construction proceeding in the territory of the Crimea in the 20th years of the XX century are shown. So, in particular, letter of the director of the Sevastopol museum of study of local lore of P. P. Babenchikova to Glavnauki Narkompros gives to RSFSR the chance to restore extent of scientific communication of the Sevastopol local historians with scientists of Moscow and Leningrad. And also is one of the few, the sources which reached us who treat directly activity the Museum of study of local lore, after all the archive of the museum was lost in the late eighties of the XX century. These sources allow to draw a conclusion that passed process of museum construction in Sevastopol within nation-wide policy. In too time, in the conditions of further ideologization of the museum sphere in the second half of the 20th years of the XX century, the staff of the Sevastopol museums carried out modernization of expositions, keeping scientific bases of supply of materials. However in the 30th

years of the XX century process of submission of research tasks to the propaganda purposes that complicated full scientific researches for museum workers began.

Keywords: P. P. Babenchikov, State archive of the Russian Federation, Glavnauka Narkomprosa of RSFSR, Glavmuzey, Department of written sources of the State Historical museum Russian Federation, Sevastopol museum of local history, Museum department of Narkompros RSFSR, KRYMOKHRIS.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 27 (66), № 3. 2014 г. С. 14–19.

УДК 94:304.44(=512.145)-055.2”192/193”

УЧАСТИЕ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ПАРТИЙНОЙ, КУЛЬТУРНОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ КРЫМА С 1917 г. ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Бекмамбетова Э. М.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: sunrise@mail.ru

Революция 1917 г. фундаментально изменила положение женщин бывшей Российской империи. Лишенные ранее политических прав, терпящие серьезные ущемления в общественной жизни, теперь они впервые были уравнены в правах с мужчинами. Советская власть, активно проводившая политику эмансипации, предпринимала активные меры для включения женщин в общественно-политическую и культурную жизнь страны.

Период первых послереволюционных десятилетий особенно интересен для изучающих вопросы, связанные с положением женщин в обществе, так как данный период был отмечен серьезными, беспрецедентными реформами в общественном жизни, попытками революционного изменения роли женщины, открытия для неё путей к участию в социальной жизни.

Необходимость изучения процесса включения женщин в общественно-политическую и культурную жизнь обусловлена тем, что и поныне вопрос о положении женщины в обществе является темой для многочисленных дискуссий, а чтобы дать ответы на спорные вопросы и понять, как решить современные гендерные проблемы, необходимо обратиться к опыту прошлого.

Все вышесказанное актуально и для крымских татар. Вопрос истории участия крымскотатарских женщин в общественной жизни своего народа заслуживает отдельного внимания в связи с особенностями его культурно-исторического развития.

В истории участия крымскотатарских женщин в социальной жизни особый интерес представляет период 20-30-х годов XX века. Советская власть впервые в истории России уравняла мужчин и женщин в праве участвовать в политической жизни страны (ст.64 Конституции 1918г.), проводила политику привлечения последних к общественной, культурно-просветительской, партийной и политической деятельности.

В данной статье речь пойдет о наиболее известных крымскотатарских женщинах, которые в столь сложный и противоречивый период занимали значимое место в обществе, оказывая влияние на политическое развитие региона в целом.

Целесообразно начать с периода окончания февральской революции 1917 г., поскольку именно в этот период на политической арене появляются женщины. До событий 1917 года жизнь женщин в основном ограничивалась бытовыми и религи-

озными канонами. Это не давало мусульманской женщине активно участвовать в общественной жизни. Известный историк Сагит Фаизов пишет, что в 1917 году заявило о себе движение за эмансипацию мусульманок как общероссийское – со своей программой, общенациональными органами и общенациональной политикой. Одним из самых значимых регионов для него стал Крым [5].

7 апреля 1917 года, когда была провозглашена национально-территориальная автономия, были созданы Центральные исполкомы Крыма, созвавшие Всекрымский мусульманский конгресс. На нем был поднят вопрос о предоставлении свободы и равенства женщинам. В апреле и мае 1917 года во всех городах и селах Крыма были созданы женские комитеты.

В октябре 1917 года на I Курултае крымских татар из 76 избранных делегатов было 4 женщины, всего же присутствовало 20 мусульманок.

Указывая на женщин-делегатов I Курултая, Шемьи-заде Айдын в своей статье отмечает четырех женщин: Шефику Гаспринскую, Анифе Боданинскую, Хатидже Авджы, Ильхамий Тохтар [6, с. 4].

Наибольшее количество информации сохранилось о Шефике Гаспринской, которая в 1917 году была заместителем председателя Центального мусульманского женского комитета, однако, стоит отметить, что Шефика Гаспринская после 1918 года, вынуждена была уехать к мужу, который в это время становится премьер-министром Азербайджана. В 1920 году, в результате большевистского переворота, после смерти мужа Шефике Гаспринской удалось бежать с детьми в Турцию, где она и проживала вплоть до смерти в 1975 году.

Сохранились сведения об Айше Исхаковой, которая являлась председателем Центрального мусульманского исполкома. Также она присутствовала на собрании съезда I Курултая, однако делегатом не стала. До 1928 года Исхакова заведовала отделом этнографии Центрального музея Тавриды. Изучала этнографию народов Крыма, работала под руководством У. Боданинского и О. Акчокраклы в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии.

Об Анифе Боданинской известно значительно меньше, она родилась в Симферополе в 1900 году, была женой Али Боданинского. Была избрана делегатом Всекрымского мусульманского съезда, как и Ильхамий Тохтар и Хатидже Авджы, они были делегатами Всероссийского мусульманского съезда и членами мусульманского женского комитета [8, с. 5].

Говоря о 20-х годах, стоит отметить деятельность Бекировой Ребии Бекировны. Сведения, приводит о ней у Д. П. Урсу, свидетельствуя о том, что она являлась педагогом и общественным деятелем. С 1923 года – комсомолка, а в партии с 1927 года [3].

Из протоколов заседаний Крымского секретариата обкома партии известно, что Бекирова Ребия Бекировна родилась в 1904 году в семье кустаря, по национальности татарка. Окончила женский педагогический институт и получила квалификацию учителя I-й степени. Один год училась в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока).

Работала на комсомольской руководящей работе в качестве заместителя председателя Областного Бюро Юных Пионеров при ОК ВЛКСМ (Всесоюзный ленин-

ский коммунистический союз молодежи), на кооперативной работе в качестве члена правления ЦРК (Центральной ревизионной комиссии) и Крымского союза. На руководящей партийной работе в качестве Заведующей женотделом Бахчисарайского райкома партии, Заведующей сектором работниц и крестьянок и Заместителем Заведующей Отделом руководящих партийных органов Крымского Обкома ВКП(б). В 1931 году ее назначили заведующей женского сектора агитмассового отдела областного комитета [9, с. 7]. В 1932 году ее утвердили на должность заместителя Наркомпроса (Народного комиссара просвещения), вместе с тем, она была оставлена на работе в Областном комитете ВКП(б) [10, с. 90,102]. В 1933 году за умелую и активную работу по вовлечению женщин-татарок в общественную жизнь страны [13, с. 39] была награждена орденом Трудового Красного знамени в связи с 20-летием международного женского коммунистического дня [11, с. 61]. В 1934 году Ребия Бекирова была выдвинута на должность Народного комиссара Здравохранения. В 1937 году она была рекомендована в совет Наркомздрава (Народного комиссариата здравоохранения) РСФСР. Вместе с ней также выдвигали на эту должность Батырова Гульсум Джелиль, Галенин Константин Алексеевич, Громов Константин Георгиевич, Кадыров Келям Кадырович, Акулов Иван Никифорович. Но выбор пал именно на Ребию [13, с. 22–23].

Из характеристики Ребии Бекировны, отмечается, что в своей работе она проявила себя как опытный организатор, добилась значительных успехов в развитии дела здравоохранения в Крыму. Являлась членом Областного Комитета ВКП(б), и пользовалась авторитетом в качестве Народного Комиссара [13, с. 39].

Также хотелось бы отметить деятельность Батыровой Гульсум Джелиль, которая также была рекомендована в совет Наркомздрава. Она была уроженкой деревни Корбек (Изобильное) Алуштинского района, Крымской АССР, происходила из крестьянской бедняцкой семьи. С 1927 года она работала в Корбеклинской сельской амбулатории, в качестве фельдшерицы. С 1934 года являлась членом пленума Корбеклинского сельсовета, руководила культурно-бытовой секцией.

РК ВКП(б) поддержал кандидатуру Гульсум Батыровой и рекомендовало ее в состав Совета Наркомздрава РСФСР [13, с. 36].

Из обработанных архивных документов следует, что крымскотатарские женщины стремились к непосредственному участию в общественно-политической жизни общества. Хочется поделиться сохранившимися крупицами сведений о некоторых из них, чем есть документальные свидетельства, например:

Баирова В.С., член ВКП(б) с 1931 года, партбилет № 0941469, была заведующей отделом учащейся молодежи ОК ВЛКСМ.

Баяджиева Медине, член ВКП(б) с 1932 года, партбилет № 2994466, 1908 года рождения, образование низшее. Заведующая Маяк-Салынским СельПО.1 июня 1936 года из членов партии исключена за растрату кооперативных средств. За отсутствием уголовного преступления, была восстановлена в члены ВКП(б).

Османова Зоре Мустафаевна – кандидат в члены ВКП(б) с 1932 года [12, с. 186].

Как политически неграмотная из кандидатов ВКП (б) переведена в сочувствующие. Решением Алуштинского РК ВКП(б) решение о переводе отменено, в правах кандидата партии восстановлена.

Тифетулова Бабинар Аметшаевна – 1896 года рождения, кандидат в партию с 1934 года.

Ситуация резко меняется в период 30-х годов и наблюдается обратный процесс исключения из партии крымскотатарских женщин, приведем некоторых из них:

Зиядинова Фатьма, являлась кандидатом партии с 1931 года при Алуштинском РК ВКП(б). Кандидатская карточка № 4143, социальное положение – крестьянка, работала санитаркой в амбулатории. При обмене партдокументов, была переведена как политически неграмотная в сочувствующие, но решением ОК ВКП(б) восстановлена в кандидаты партии. После восстановления в кандидатах Зиядинова, будучи вызвана в Райком для получения кандидатского билета нового образца, категорически отказалась получить таковой. Решением Алуштинского РК ВКП(б), Зиядинова Фатьма из кандидатов партии была исключена [12, с. 188].

Билялова Эмине – кандидат с октября 1932 года, исключена.

Ягъяева Зайде – член ВКП(б) с октября 1932 года, крестьянка, 1886 года рождения. В момент исключения работала колхозницей в колхозе «Пролетарий», была исключена как балласт из партии, Бахчисарайским РК ВКП(б) [12, с. 7].

Куриева Эдие Абибула – кандидат в члены ВКП(б) с 1931 года. Ялтинским райкомом была исключена из партии как балласт.

Мемединова Эдие – кандидат в члены ВКП(б) с 1932 года. Подала заявление о выходе из партии, как пассивная и не могущая выполнять партийных обязанностей. Райкомом исключена как партбалласт.

Шабан Анифе – кандидат с 1932 года, отказалась от обмена партдокументов и на неоднократные вызовы не являлась. Исключена как пассивная [12, с. 22].

Затрагивая деятельность крымскотатарских женщин в указанный период, в политической жизни полуострова, стоит отметить, что в 1924-1925 годах по сведениям из ГА в АРК, из списка активных делегатов созыва 1924-1925 годов всего активных делегаток 30, из них татарок – 17, русских – 2, евреек – 2, караимок – 1, гречанок – 1.

12 человек из них крестьянок, учительниц – 4, домохозяек – 5, батрачек – 3, конторщиц и канцелярских служащих – 2, машинисток – 2, портных – 2. Из этих 30 человек, 13 человек беспартийных ко дню выпуска делегаток вступили в партию. Из них стоит выделить таких женщин: Найля Сеит Асан, Зылиха Болатова, Фатьма Ариф Меметова, Фетиева Муссаме, Чапчакчи Эдия, Фетиева Маня, Джемилева Инсаф, Усеинова Зайде, Ибраимова Эмине, Зейдуллаева Джевер, Эмир Усеинова Куртсуятан, Салединова Э., Эннова Мимине, Билялова Васдона, Халил Айша, Александрова Эмине Якуб, Чалбаш Хатиджа [8, с. 142].

Следует, что крымскотатарские женщины принимали активное участие в партийной общественно-политической жизни. Они впервые активно привлекались в органы партийного и государственного управления, занимали ответственные должности в органах здравоохранения и образования.

Предполагалось вовлечь татарок к советскому строительству, к сельскохозяйственному и промышленному производству, к органам народного образования [7, с. 3].

Освещая роль крымскотатарских женщин в культурно-просветительской жизни необходимо отметить то, что период 20-х годов считается «золотым веком» литературы, театра, науки, образования в Крыму.

В этот период следует выделить наиболее известных представительниц крымскотатарского народа, которые внесли свой вклад в дальнейшее развитие культуры и просвещения:

Аббасова Зейнеп Сеитаппазовна – (1906–1998), педагог, поэтесса, которая родилась в квартале Токъал-Джами г. Симферополя. В 20-е годы заведовала детским домом. С конца 30-х до 40-х года преподавала в 12-й и 13-й средних школах г. Симферополя. Писала стихотворения, которые опубликовались в газете «Яш къувет» («Юная сила») и журнале «Илери»(«Вперед»). В 1933 году в журнале «Къадынлык социализм елунда» («Путь женщины к социализму») была опубликована ее поэма «Той» («Свадьба»). В соавторстве подготовила ряд учебников по родному языку. В 1940 году окончила факультет крымскотатарского языка и литературы Крымского пединститута. После депортации проживала в Ферганской области. В 1989 году переехала в Крым в село Бештерек (Донское), затем жила в селе Дубки. Скончалась 14 июля 1998 года [4, с. 2]

Зулейха Чобан-заде – (1904–?), родилась в 1904 году в Карасубазаре (Белогорске), была сестрой поэта и филолога Бекира Чобан-заде. Д. П. Урсу в своей книге, посвященной жизни и деятельности поэта Бекира Чобан-заде [2, с. 172], пишет о ней, что она окончила Симферопольское женское педагогическое училище, проработав учительницей всю жизнь. В списке «социально чуждых» учителей, уволенных в 1933 году значилась и З. Чобан-заде, с мотивацией «не отказавшаяся на деле от своих национальных убеждений». Уволена была из городской школы №9. После ареста Бекира Чобан-заде, в 1937 году на нее поступил донос, был произведен обыск, при котором был обнаружен учебник по грамматике на арабском шрифте, автором которого являлся ее брат. Вскоре она была уволена.

Мулина Райме Сафаевна – (1908–1980), ученый, языковед, педагог.

Умерова Хатидже – (1900–?), народная сказительница.

Эмир-заде Асие – (1896–?), артистка, снималась в кинофильме «Алим».

Эфендиева Адавие – (1879–1950), мастер декоративно-прикладного искусства, крымская вышивальщица. В 1928 году приглашена Евпаторийским музеем в качестве специалиста по обучению технике крымскотатарской вышивки [3, с. 236].

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: в период между революцией и Великой Отечественной войной крымскотатарские женщины действительно активно принимали участие во многих сферах общественно-политической и культурно-просветительской жизни крымского полуострова, о чем говорят приведенные в данной статье факты, обнаруженные автором в архивных материалах.

Данная статья лишь в общих чертах освещает след, оставленный женщинами-крымскими татарками во многих сферах жизни Крыма. Данная тема лишь поверхностно затронута в историографии, источники, освещающие её, малочисленны,

факты приходится собирать по крупицам. Но, несмотря на это, многие данные ждут своего обнаружения, изучения и публикации.

Список использованных источников и литературы

1. Абдураимова З. Крымская татарска до и после революции 1917-го / З. Абдураимова // Диалог. – 2006. – 9 июня. – С. 10.

Abduraimova Z. Krimskaya tatarka do i posle revolycii 1917-go / Z. Abduraimova // Dialog. – 2006. – 9 ijunya. – S. 10.

2. Урсу Д. П. Бекир Чобан-заде: жизнь, судьба, эпоха: научное издание. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2004. – С. 172–173.

Ursu D. P. Bekir Choban-zade. Jizn. Sudba. Epoha: nauchnoe izdanie. – Simferopol: Krimuchpedgiz, 2004. – S. 172–173.

3. Урсу Д. П. Деятели крымскотатарской культуры: библиографический словарь. Симферополь. – 240 с.

Ursu D. P. Deyateli krimskotatarskoy kulturi: Bibliograficheskiy slovar. Simferopol. – 240 s.

4. Усеинова Г. Есть только миг между прошлым и будущим / Усеинова Г. // Голос Крыма. – 1998. – 26 июня. – С. 2.

Useinova G. Est tolko mig mejdu proshlim i budushim / Useinova G. // Golos Krima. – 1998. – 26 ijunya. – S. 2.

5. Фаизов С. Движение мусульманок Крыма за права женщин в 1917 году, контуры забытой свободы // URL: www.kirimtatar.com/;

Faizov S. Dvigenie musulmanok Krima za prava jenshin v 1917 godu, konturi zabitoy svobodi // URL: www.kirimtatar.com/;

6. Шемьи-заде А. Женщины в крымскотатарской революции начала XX века / Айдын Шемьи-заде // Полуостров. – 2010. – 16–22 апреля. – С.4.

Sem'i-zade Aidin. Jenshini v krimskotatarskoy revolycii nachala XX veka / Aidin Sem'i-zade // Poluostrov. – 2010. – 16–22 aprelya. – S.4.

7. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 195 (Отчеты, доклады, план работы Татарского бюро), л. 1-4.

GAARK, f. P-1, Op. 1, d. 195 (Otcheti, dokladi, plan raboti tatarskogo byro), l. 1-4.

8. Там же, д. 346 (Списки ответственных работников партийных и советских учреждений районов Крыма), л. 142.

Tam je, d. 346 (Spiski otvetstvennih rabotnikov partiynih i sovetskih uchrejdeniy raionov Krima), l. 142.

9. Там же, д. 1061 (Протоколы заседания секретариата областного комитета партии и материалы к ним), л. 7.

Tam je, d. 1061 (Protokoli zasediniya sekretariata oblastnogo komiteta partii i materiali k nim), l. 7.

10. Там же, д. 1139 (Протоколы заседания бюро областного комитета партии), л. 90, 102 .

Tam je, d.1139 (Protokoli zasedaniya byro oblastnogo komiteta partii), l. 90, 102 .

11. Там же, д. 1203 (Протоколы заседания секретариата областного комитета партии), л 61.

Tam je, d. 1203 (Protokoli zasedaniya secretariata oblastnogo komiteta partii), l. 61.

12. Там же, Д.1590 (Протоколы заседания бюро областного комитета партии), л. 7, 22, 183, 188, 200–201.

Tam je, d.1590 (Protokoli zasedaniya byro oblastnogo komiteta partii), l. 7, 22, 183, 188, 200-201.

13. Там же, д.1746 (Протокол заседания бюро областного комитета партии), л. 22–23, 36, 39.

Tam je, d. 1746 (Protokol zasedaniya byro oblastnogo komiteta partii), l. 22–23, 36, 39.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 27 (66), № 3. 2014 г. С. 20–31.

УДК 325.5(437)

ЧЕШСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В КРЫМУ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Дмитрук С. А.

Государственный университет телекоммуникаций, г. Киев, Украина
E-mail: dmytruksvitlana@ukr.net

Рассматривается проблема основания чешских поселений в Таврической губернии во второй половине XIX в. Раскрываются социально-экономические и культурные аспекты развития чешского этноса на полуострове в XX – начале XXI вв. Обозначены этнографические особенности чехов Крыма.
Ключевые слова: чехи, Крымский полуостров, переселение, экономика, культура, этнография.

В 1861 году в Крыму появились первые чешские колонисты, которые и основали одно из первых чешских поселений – Богемку.

Документальное подтверждение основания Богемки относится к 22 февраля 1862 г., когда Министерство государственных имуществ передало эту территорию в колониальное ведомство Опекунского комитета об иностранных поселенцах южного края Российской империи для поселения на этой земле чешских эмигрантов. На данной территории ранее существовало крымскотатарское поселение, которое было оставлено жителями в конце 50-х годов XIX в., в связи с эмиграцией в Турцию. В опустевшее село временно переселились болгарские колонисты, которые прожили здесь несколько месяцев. В самом начале эта колония именовалась Джадрой, но чехи настояли на ее переименовании в честь их бывшей родины Богемии [1].

Первыми жителями стали 60 чешских семей. Колонии было выделено свыше 2 тысяч десятин земли.

Поселившись в Богемке, чехи получили первую государственную финансовую помощь в размере 170 рублей на семью и по 100 рублей на человека от Опекунского комитета. Таврическое губернское правление распорядилось наделить чехов Богемки государственной землей по 12–15 десятин земли на человека [2].

На протяжении 1862–1864 годов формировался основной состав жителей чешской колонии из вновь прибывающих переселенцев. Это был самый массовый период эмиграции. Чехи приезжали в Богемку на протяжении 1865–1867, 1869–1871 гг., но в количественном составе их было значительно меньше. В начале 70-х годов XIX века приплыв населения из Чехии в Крым прекратился [3].

Чешские колонисты преодолели трудности 60-х годов XIX века, связанные с переселением и основанием колоний, и уже в 70-х годах XIX века благосостояние их значительно улучшилось. Чехи построили новые дома, реконструировали старые. Каждая семья уже имела в собственности достаточный земельный надел от 50–100 десятин и практически весь сельскохозяйственный инвентарь. В каждой чешской семье хозяева могли самостоятельно изготовить простейшие сельскохозяйственные орудия. Кухонную утварь, простую мебель. Основным занятием жителей Богемки являлось земледелие, или хлебопашество. Выращивание пшеницы имело первостепенное значение. Огородничество и садоводство носили подсобный характер. В хозяйстве чехи держали 1–2 коров, свиней, лошадей, различную птицу [4].

Социальный состав Богемки во второй половине XIX в. был представлен крестьянами, ремесленниками, учителями, торговцами и служащими. Ремесленными специальностями, распространенными в Богемке, были кузнец, столяр, сапожник, слесарь, портной и др. Имена многих мастеров сохранились до наших дней. Например, Винц Коларж и Плотц были отличными портными, Гурих, Швигель, Лишка – искусные «мебельщики», Суханек, Шоуба – старательными «обувщиками». Особое развитие в селе получило мукомольное производство [5].

Поселение Богемка было уличного типа, характерного для поселений степного Крыма и распространенного на всей территории Украины. В центре села находились молитвенный дом, церковно-приходская школа, дом сельской администрации. Дома чехов были трехраздельными: сени, изба, комора. В сенях находилась печка «голландка», на которой готовили, а так же «хлебная печь», представляющая одно печное сооружение. Позже, сени стали перегораживаться стеной, и таким образом получалось два самостоятельных помещения – кухня и сени. Из сеней дома шла лестница на просторный чердак. Избой называли комнату, в которой встречали гостей. Комора служила хозяйственным помещением [6, с. 37–52].

Первая чешская школа в Крыму была открыта именно в Богемке в 1867 году. Первым учителем стал Крупичко Иосиф Францевич. В конце XIX в. значимой фигурой в школе был Аллозий Мигулка. Он, кроме основных предметов, обучал детей шелководству и виноградарству, т. к. сам прошел курсы в Никитском училище садоводства. В школе имелись библиотеки – учительская и ученическая (насчитывала свыше 100 книг). В 1895 году для школы было выстроено новое здание. Обучение велось на русском и чешском языках [7].

Чехи Богемки пользовались свободой вероисповедания. Большинство из них были католиками. В 1911 году началось строительство нового костела. Осенью 1912 года храм был возведен, в 1913 году открылся для всех желающих. В Богемке на рубеже XIX – XX столетий были организованы почтовая станция и магазин. С момента основания и на протяжении второй половины XIX века Богемка была центром ремесла и торговли. В начале XX века Богемка стала еще и центром новой волости с одноименным названием [8].

С первым установлением советской власти в 1918 году недалеко от Богемки возникла революционная подпольная организация. Возглавлял ячейку чех Стефан Францевич Крупичко. Среди активных членов можно назвать и жителя Богемки Иосифа Иосифовича Урбанца.

В 1921 году в Богемке был организован сельский совет, а в 1926 г. Богемский сельсовет стал национальным чешским сельским советом и включал 33 населенных пункта (20 тысяч десятин земли). Среди всего населения чехов насчитывалось только 11%. Председателем сельсовета был Ф. И. Прохасько.

Основным занятием жителей Богемки оставалось земледелие и животноводство. На одну чешскую семью приходилось: 1–4 лошадей, 1–3 коров, 1–2 свиней, 1–10 овец, 1–2 волов. В Богемке, по сравнению с другими поселениями, насчитывалось наибольшее количество коней.

На территории Богемского сельсовета находился ряд торгово-промышленных предприятий – два потребительских кооператива, сельскохозяйственное потреби-

тельское товарищество, два масленых завода, четыре частные мельницы. Функционировали совхозы «Султан-Бачел», «Выгода», которые специализировались на животноводстве. Существовала коммуна «Красный пахарь», которая с таким названием, как не странно, занималась выращиванием овец.

В конце 20-х годов XX века в Богемке началась активная коллективизация крестьянских хозяйств. Организатором и председателем первой сельскохозяйственной артели «Проводник социализма» был Степан Васильевич Буреш.

В 30-х годах в Богемке появляются первые тракторы и комбайны. Среди первых трактористов были – Григорий Иосифович Черный, Павел Николаевич Попов. Существовала тракторная станция, начальником которой был Н. Д. Рак. С появлением механизированной техники расширилась площадь обрабатываемой земли, повысилась урожайность сельскохозяйственных культур. Организованы стандартный коровник и конюшня, клуб и радиоузел [9].

В 20 – 30-х гг. XX века в Богемке проводились специальные мероприятия в области культуры и политической воспитательной работы. В сельской школе существовал «красный уголок» и хата-читальня. Учитель И. Гаска проводил лекции жителям Богемки на темы социалистических преобразований и мироздания. Сама же школа до 1939 года была начальной (4 класса), после стала средней (7 классов) и с этого времени чешский язык перестал изучаться.

Трагической страницей в истории села Богемки стал период массовых репрессий 30-х годов XX века. Горьким примером эпохи «великого террора» является судьба Антона Урбанца. В 1932 году этого жителя Богемки за агитацию против колхозов засудили до трех лет лишения свободы. После освобождения А. Урбанец уже не вернулся в родное село, а поселился в Бахчисарайском районе. Но дело на чеха НКВД не закрыло. В июне 1937 года его повторно арестовали, слово в слово обвинили в том, в чем обвиняли пять лет назад. В декабре 1937 года приговорили к расстрелу.

В годы Великой Отечественной войны на фронте сражались 43 жителя села Богемки. Мужчины-чехи влились в чехословацкие формирования под командованием генерала Свободы. В боях погибло восемь человек, пятнадцать получили правительственные награды, среди них А. Амбурцев, П. Талах, В. Коварж, В. Мартынец. Ушедших на фронт мужчин заменили женщины, старики и подростки. Многие женщины, окончив курсы, стали трактористками Богемской МТС и работали на полях.

21 августа 1945 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Богемка было переименовано в село Лобаново. Новое название было дано в честь летчика Героя Советского Союза, старшего лейтенанта Евгения Ивановича Лобанова, который погиб в 1942 году и похоронен в Севастополе.

Вторая половина XX века в Лобаново – это время послевоенного восстановления сельского хозяйства и промышленности. Происходит объединение колхозов и создается единое коллективное хозяйство «Родина», благодаря которой работал консервный завод и районное объединение «Сельхозтехника». Правление колхоза систематически организовывало обучение механизаторов.

Благодаря Северокрымскому каналу и увеличению орошаемых площадей, возросли урожаи на хлебных и овощных полях, виноградниках и садах. Увеличилось производство кормов, что благоприятно сказалось на повышении продуктивности животноводства. Например, доярка молочно-товарной фермы Евгения Яковлевна Сучкова была неоспоримым передовиком по надоям молока в год и получала от каждой закрепленной коровы свыше 4000 литров (за установленной нормой 3000 литров). Больших успехов добилась телятница А. В. Илюшина. За время своей работы она не потеряла ни одного теленка, добиваясь при этом самых высоких в колхозе суточных привесов своих питомцев (900 г в сутки). За полученные результаты она была награждена орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции, медалью ВДНХ. За самоотверженный труд восемь колхозников Лобаново были награждены высокими правительственными наградами. Среди них – В. Ф. Залевский, Г. П. Быченко и др.

В конце 70-х годов XX века в Лобаново были построены дом культуры (на 500 мест), библиотека (книжный фонд составил 13 тысяч книг), больница, детский сад и ясли, столовая, пекарня, продовольственный и промтоварный магазины. В эти же годы появился водопровод, во все дома было проведено электричество. На окраине села проходит железная дорога Джанкой – Херсон, и на территории села находится железнодорожная станция «Богемка» [10].

Ныне в Лобаново проживает свыше 350 чехов. Их объединяет культурный центр, в котором есть капличка, музей чешского быта периода конца XIX века, специализированный класс чешской воскресной школы, где обучают чешскому языку, истории, народному прикладному искусству. Ученики школы активно участвуют в олимпиадах, викторинах, фестивалях, им так же предоставляется возможность летнего отдыха в оздоровительных летних лагерях Чешской Республики. Преподают в воскресной школе студенты и учителя из Чехии. Благодаря Центру гуманитарной помощи соотечественникам, Лобаново получает учебники на чешском языке для начальной и средней школы, чешские книги, аудио- и видеоматериалы для изучения чешского языка. Выпускники воскресной школы могут совершенствовать свои знания в вузах Чехии. В селе организованы два фольклорно-музыкальных ансамбля: взрослый «Богемия» и детский «Слуничко», которые успешно участвуют в республиканских и всеукраинских мероприятиях.

В 1862 году в Перекопском уезде Таврической губернии на берегу речки Чатырлык чешскими и немецкими колонистами была основана колония Александровка. Первое документальное свидетельство основания поселения датируется 1 апреля 1862 года, когда Министерство государственных имуществ передало данные земли в колониальное ведомство Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России для поселения на этих землях европейских эмигрантов. На этой территории ранее существовало крымскотатарское поселение Бий-Акай-Кемельчи, которое было оставлено жителями в конце 50-х годов XIX в. в связи с их эмиграцией в Турцию. Название Александровка получила в честь российского царя Александра II, пожаловавшего эти земли переселенцам [11].

Среди первых колонистов было 45 чешских семей (98 мужчин и 85 женщин). Поселившись на новых землях, чехи получили первую помощь в размере 170 руб-

лей на семью. Эти выплаты были предназначены для восстановления старых и строительства новых домов. Таврическое губернское правление распорядилось наделить колонистов государственной землей. Несмотря на трудности, связанные с переселением и освоением на новых местах, благосостояние чешских колонистов значительно возрастало с каждым годом. Уже к концу 70-х годов XIX в. были построены дома, успешно возделывались земельные наделы, которые возросли с 15 десятин до 50 (у более зажиточных до 100 десятин).

Основным занятием чехов Крыма было земледелие. Выращивание пшеницы имело первостепенное значение. В сельском хозяйстве чехи использовали систему многополья, а для обработки земли применялся двухколесный плуг с двумя лемехами. Основной тягловой силой были волы и лошади. Огородничество и садоводство носили подсобный характер. Обычно фруктовый сад и огороды, на которых выращивали овощи, фрукты, арбузы, находились возле дома. Достаточно развитым у чехов было животноводство. В основном держали от 1 до 3 коров, телят, свиней, разводили поросят, лошадей (10–18 на семью), реже овец, а так же различную птицу.

Достаточно важным для поселения явилось развитие мукомольного производства. В 1891 году К. Брауликом, Л. Гиблом, Ф. Френцелом была построена паровая мельница. Продуктивность мельницы составляла от 80 до 360 пудов зерна в сутки. Постройка мельницы благоприятно отразилась на дальнейшем развитии села, материальном достатке ее жителей.

До 1893 года в Александровке пользовалась популярностью пивная лавка Иосифа Адамека. С 1893 года в селе была открыта корчма.

С момента основания Александровка являлась центром развития торговли и ремесла, т. к. чешский ремесленник значительно превосходил местного. Каждый хороший хозяин умел изготовлять простейшие сельскохозяйственные орудия, кухонную утварь и даже мебель. Но, кроме этого, были и профессиональные ремесленники, занимавшиеся ремеслом круглый год: сапожники, портные, шорники, кузнецы и столяры. Известен своим мастерством был колесных дел мастер С. В. Кусси. Помнят в Александровке портных И. Вашатко и И. Кучеру. Иосиф Вашатко шил одежду не только односельчанам, но и жителям соседних деревень, в частности, свадебные платья на заказ. За работу хорошего качества и использование журналов мод из Москвы и Парижа его прозвали «парижским портным».

В Александровке также проживали торговцы (А. Ф. Петрас) и купцы (О. Ф. Коларж, И. Ф. Каплан).

Национальный состав был достаточно разнообразным. Среди жителей основными представителями были чехи и немцы, а также незначительное количество русских и единичные представители других национальностей – эстонцы, поляки, крымские татары. В конце XIX в. в Александровке проживало 610 человек, в 1900 году – 591. Количество жителей в начале XX века насчитывалось свыше 400 человек [12].

С самого начала поселения переселенцев в Александровке школ не было, дети учились грамоте по домам, среди переселенцев 95% владели грамотой.

В 80-е годы XIX века в Александровке было основано две школы: сельская в 1880 году и земская в 1884 году.

Сельская школа состояла из чешской и немецкой половин, которые располагались в одном здании с разными входами. При школе жили учителя и завхоз с семьями.

В каждой школе было по одной учебной комнате, в которых обучались одновременно ученики с первого по пятый класс. Урок вел один учитель: если первоклассник изучал азбуку, второклассник решал примеры, то старшеклассники занимались языком, литературой или историей.

При школах имелись земельные участки (усадьбы): сельская – площадка для детских игр и пахотная земля, земская – огород, пахотная земля и пустырь.

Первым учителем земской школы, в которой в основном занимались чешские дети, был Иосиф Домбровский, молодой 24-летний миссионер. Он одновременно учил грамоте, игре на музыкальных инструментах, музыкальной грамоте, а также исполнял роль католического священника в молитвенном доме. Иосиф Домбровский был учителем до 1895 года. Осенью 1895 года он уехал миссионером в Австралию.

На место Домбровского приехал из Богемии чешский учитель Ян Главатый с женой Екатериной и с двумя детьми. По существующим в те времена условиям, он должен был перейти в православную веру и поменять имя. Таким образом, Ян Главатый стал Иваном Главатым. Учитель Главатый работал в чешской школе с 1895 года по 1920 год. По сведениям 1904 года при Александровской земской школе были школьная библиотека, состоящая из 2-х подразделений (библиотек): ученическая для внеклассного чтения – 317 книг и учительская – 584 книги. С этого же года функционирует Александровское земское училище.

С 1921 года по 1923 год в школе чешский язык не изучался. С приездом чешского учителя Роглены Франца Карловича в школе снова начал изучаться чешский язык. Учитель Роглена не только преподавал предметы, но и учил детей чешским песням. В 1924 году он с учениками пришел на могилу учителя Главатого почтить его память, рассказал детям о старом учителе, а ученики спели несколько церковных песен на чешском языке. На другой день Роглена в школе не появился, о его судьбе больше ничего не известно.

С начала учебного 1924 года в Александровку приехал работать учителем Каплан Александр Францевич (настоящее имя Франц Францевич). Он был уроженцем Александровки, закончил Александровскую школу у учителя Домбровского и продолжил обучение в Симферополе, а затем в Вене. Владел четырьмя языками: русским, чешским, немецким и французским. С его приходом улучшилось обучение в школе. Преподавание велось на чешском языке. Кроме основной школьной программы развивались различные кружки: театральный, хор, активизировалась работа школьной библиотеки, в которой проводились коллективные чтения, готовились спектакли. Была открыта вечерняя школа-семилетка. С 1925 года организовывался и проводился традиционный чешский праздник Урожая. А. Ф. Каплан работал учителем чешской школы до 1937 года. В 1937 году был арестован и о его судьбе ничего не известно.

В 1923 году в Александровку приехала молодая учительница немецкой школы Эмма Кук, она вела исторический кружок на немецком языке, на занятиях кружка просматривали диафильмы. В 1928 году Э. Кук вышла замуж за жителя Александровки Л. Гиллера и работала учительницей до 1929 года. В 1929 году, избегая раскулачивания, вся семья Гиллеров и Эмма Кук из Александровки выехала.

С 1933 года по стране закрывались школы национальных меньшинств. Это произошло и в Александровке. Вместо старых школ в Александровке открылась школа колхозной молодежи. Это была семилетка, которая разместилась в здании, где до 1930 года жил священник Шенфельд, а до 1933 года размещался сельсовет.

С 1933 года по 1937 год директором ШКМ был учитель Карл Карлович Руфф, который в 1937 году был арестован и сослан за Урал [13].

Проект здания костела был разработан в 1903 году и утвержден к строительству в 1905 году Таврическим вице-губернатором графом Муравьевым и губернским строительным комитетом.

20 мая 1909 года Тираспольским епископом И. Кесслером была произведена торжественная закладка церковного здания.

Деньги на постройку шли из «кружечных сборов» – это, когда ходили по дворам и собирали пожертвования. Все прихожане привозили камни для строительства, которые доставлялись из-под Белогорска и Инкермана. Уже в 1910 году возвышалась каменная церковь, которую освятили именем «Сердце Иисуса Христа».

Это была одна из красивейших и богатых церквей в округе. Житель деревни Бридель дал 5000 золотых на покупку органа из чешского города Кутна Гора, он был таким большим, что к его мехам становились сразу два человека. Три колокола тоже привезены из Чехии. Три большие хрустальные люстры на 100 свечей каждая, множество мелких светильников в позолоченных подвесках и подставках, святые образа в позолоченных рамах. Три персидских ковра размером 4 на 5 метров, главный алтарь из белого мрамора и два боковых. Дубовые скамьи, бархатные накидки, шелковые скатерти.

Строительство было полностью завершено в 1911 году. Общие затраты на строительство составили 48270 руб., из которых 15016 руб. собраны прихожанами в качестве добровольных пожертвований; 15190 руб. оставил для возведения церкви священник Викентий Хюбель; 14064 руб. были взяты из церковного капитала. Александровский костел высотой 43 м, шириной 15 м и длинной 37 м был построен из белого ракушечника в неоготическом стиле. 7 декабря 1911 года храм был освящен и начались богослужения. Богослужение и все церковные обряды велись поочередно на трех языках: латинском, чешском, немецком. Первым священником был Яков Шенфельд, звонарем – Франс Фордергер, органистом – Алоиз Вендель. Действовал костел до 1932 года. Впоследствии здание костела стало складом сначала под зерно, потом под удобрения. А в последние годы он был вообще заброшен и потихоньку ветшал [14].

На рубеже XIX – XX веков чехи Александровки владели уже большими индивидуальными хозяйствами (собственными наделами в количестве 30–90 десятин и арендными 50–180 десятин), усовершенствовали систему земледелия, увеличили животноводческую базу, активно развивали ремесло и торговлю.

С 1915 года в Александровке проводится революционная агитация, активистами выступают М. Франк, Вендель, которые вместе с двумя красноармейцами были расстреляны немцами во время военных событий 1918 года.

Осенью 1920 года в Александровке окончательно устанавливается советская власть, в результате чего происходят значительные социально-экономические и национально-культурные изменения.

В 1921 году был организован Александровский сельский совет. Первым председателем был И. Коптев. С 1923 года – И. С. Кусси. Членами сельсовета являлись – Браулик, Застовпил, Карпов, Ганель, Купер, Мацка, Пеек, Крисков, Крикенталь, Лядженко.

До 1925 года сельсовет был смешанным, т. к. на его территории проживало значительное количество чехов, немцев и представителей других национальностей. После разукрупнения 1925 года – включал 13 населенных пунктов, свыше 700 человек, среди которых были чехи, немцы, эстонцы, украинцы, русские, крымские татары. Количество пахотной земли насчитывалось свыше тысячи десятин. Среди индивидуальных крестьянских хозяйств основную массу стали составлять бедняцкие – 112, а также были середняцкие и зажиточные, но в значительно меньших количествах. Значительное преобладание бедняцких хозяйств, которые постоянно нуждались в финансовой и материальной помощи, обусловило организацию сельскохозяйственного кредитного товарищества. В товарищество ежегодно поступали необходимые сельскохозяйственные машины, мелкий инвентарь [15].

В 20-е годы XX в. в Александровке находилось крестьянское общество взаимопомощи, которое охватывало 12 населенных пунктов и имело в распоряжении один трактор, корову, десять десятин сенокоса, свыше десяти десятин земли для посева.

Основным занятием жителей Александровки продолжало оставаться земледелие. Наиболее распространенными сельскохозяйственными культурами были – пшеница, овес, ячмень. В середине 20-х годов XX в. активизируется разведение лошадей (их количество достигало 170 голов), коров (включая телят количество составило 494 голов), волов (свыше 80 голов).

В начале 20-х годов XX в. в Александровке были организованы сельское потребительское общество и торгово-промышленное предприятие «Крупорушка». В 1923 году создана артель «Хлебопах», с 1924 года функционировала новая артель «Хлебороб», которая значительно превосходила предыдущую и отличалась разнообразным национальным составом (чехи, немцы, русские, крымские татары). В 1921 году в Александровке был открыт медицинский пункт [16].

На протяжении 1929–1930 годов жителями села проводится активная работа по организации новой сельскохозяйственной артели. 1 февраля 1930 года начала функционировать артель «Революция», которая в последующие годы была преобразована в коллективное хозяйство. Среди активистов, благодаря которым был создан колхоз, были – Бридель Анна, Мигулка Людмила, Бридель Иван, Каплан Иосиф. Уже в 1938 году колхоз получил переходящее Красное Знамя района. Колхозники получали на трудодень по 7 кг зерна и по 3 руб. 50 коп. деньгами. В это время бригадир тракторной бригады Александр Вендель награжден Малой Золотой Медалью ВСХВ.

В конце 30-х годов XX в. колхозу принадлежало 3200 га земли и насчитывалось 150 коров (из которых 78 были дойными), 30 лошадей, 1600 овец, количество свиней достигло 450.

В 20 – 30-е годы XX в. культурное развитие чешского населения Александровки стало приобретать новые оттенки. Большое значение уделяется политвоспитательной работе среди национальных меньшинств. В эти годы была организована хата-читальня, получавшая помощь от сельского кооператива. Достаточно популярной среди жителей села, в особенности у молодежи, была газета «Красный Крым» [17, с. 93–94].

Временная оккупация Александровки в годы Великой Отечественной войны продолжалась с октября 1941 по апрель 1944 года. Осенью 1941 года жители села помогли укрыться от немцев председателю колхоза коммунисту Юрченко (в начале он скрывался у И. Качанова, затем его переправили в поселение Красный Май, спустя некоторое время он вернулся в Александровку и находился у Чермака, после у Карповых, впоследствии выехал в Первомайский район). Гестапо преследовало еще одного жителя Александровки – Железняка, который весной 1942 года был арестован и уже не вернулся в село. Немцами несколько раз проводились облавы на молодежь, которую впоследствии отправляли в Германию.

Среди жителей Александровки необходимо назвать отважных героев боевых лет, чьи фамилии до сих пор помнят и чтят все поколения – А. Е. Мочалин (из с. Тимашовки), А. Л. Макеев, А. П. Прудников, В. Г. Самуйленков. Из женщин-героев – О. Яковлева, О. Сологуб, М. В. Октябрьская (из Красногвардейского района), З. О. Полякова (ленинградка-блокадница, приехала в Александровку после войны), Н. Демчук (переехала в Александровку в 70-х гг. XX в.), З. Юнусова (партизанка 1943–1944 гг., проживает в Александровке с 90-х гг. XX в.) [18].

Чешско-немецкое поселение Александровка было уличного типа, дома располагались в одном направлении по обе стороны дороги. В центре села находился костел, за которым располагалось кладбище, и резиденция священника (патера).

Дома строились фасадом к востоку, а фронтоном – к дороге. Дома были огорожены небольшим забором и располагались внутри усадьбы, включающей хозяйственный двор, огород и дворик. Под углом к жилищу пристраивали хлев и другие хозяйственные постройки. В хозяйственном дворе отводилось место для домашней птицы, свиней, коров и лошадей. У более зажиточных имелись амбар и «закатная», где на зиму ставили средства передвижения и сельскохозяйственный инвентарь. Кроме того, усадьба включала в себя небольшой дворик и огород. Под окнами домов разбивались цветники. Во дворах имелись колодцы.

Дома чехи строили из кирпича, крыши покрывали черепицей, так называемой «марселькой», или «немкой», которая производилась на заводах Таврической губернии. На чердаке хранились мясные изделия (окорочка, колбасы, различные копчености, изготовленные из свинины, особенно любимой чехами), вино, картофель, яблоки, лук и многое другое.

Дома чехов Крыма в конце XIX – начале XX вв. были трехраздельные: по середине – сени (веранда), а по обе стороны от них – изба и коморка (кладовая). Входя в дом через одностворчатую дверь, человек попадал в сени. Там находилась печка-

«голландка», на которой готовили. Со временем сени стали перегораживать стенкой, в результате чего получались два помещения: сени и кухня. В сенях обычно стояли сундуки для одежды и зерна, мелкие предметы домашнего обихода. Широкая деревянная лестница, закрытая коробом с дверью, вела из сеней на просторный чердак. Под одной крышей с домом обычно располагалась и мастерская-амбар, где хранили зерно, сельскохозяйственный инвентарь.

Мебель изготовлялась хозяином дома или местными ремесленниками. Обычно в избе имелись стол со стульями, лавки, сундук (с 20-х годов XX в. в домах появились комоды), кровать с множеством перин, диван, а также посудный шкаф, в котором была выставлена праздничная посуда. Угол напротив печи украшался картинами религиозного содержания, в нем помещались скульптурные изображения святых, настенное распятие.

Одной из интересных страниц жизни чехов на крымской земле являются народные и религиозные праздники, связанные с ними обычаи и традиции.

Зимний цикл календарных праздников крымских чехов начинался со дня Св. Николая (Микулаша) 6 декабря, к которому было приурочено много народных обычаев и обрядов. 13 декабря – христианский праздник Св. Люции, народные обычаи, связанные с ним, в Крыму в начале XX века уже не выполнялись. В течение двенадцати дней от Св. Люции до Рождества (25 декабря) люди примечали погоду. Каждое число соответствовало определенному месяцу в году.

Рождественские праздники начинались сочельником (щедрым вечером), в доме ставилась елка. Количество блюд на ужине должно быть нечетным – 3, 5, 7, чаще всего 9. С первого рождественского вечера, или со дня Св. Стефана (Штефана) начиналось колядование: приход колядников, их выступление и одаривание. После дня Св. Яна – 27 декабря – можно было начинать работать. Новый год совпадал с днем Св. Сильвестра.

Зимние календарные торжества включали праздник трех королей, или Крещение (6 января). В память о крещении Христа в Иордане священник святил воду, прихожане брали ее домой. 2 февраля праздновалось Сретение (Громица).

В марте начинался пасхальный пост 6 недель, высчитываемый по церковному календарю. Во время поста праздновалось два праздника – 19 марта день Св. Иосифа, особо почитаемый чехами Крыма, и 25 марта – Благовещение.

Перед празднованием Пасхи (Великоноце) субботним вечером вся семья шла в костел на вечернюю, затем устраивался праздничный ужин (разговение). Праздничному пасхальному столу уделялось особое внимание. Главными блюдами были чешские пасхи, крашеные яйца, которые выкладывались вокруг проросшего ячменя. После Пасхи следовала проводная неделя. Пятая неделя после Пасхи – крестные дни («кшизови дни»), во время празднования три дня сельская община с пением, молитвами и «Святыми образами» обходила село и поля с просьбой к Богу, чтобы он послал дождь, от которого зависел будущий урожай, а также мир и спокойствие. Во время крестных дней в селах строились «алтаже» – небольшие деревянные помещения, украшенные цветами, зеленью, внутри делался алтарь, ставились свечки и обязательно Святые образа, приносимые людьми из дома. На 40-й день после Пасхи праздновали Вознесение, затем через одну неделю – Троицу. В четверг после Трои-

цы – праздник Божьего Тела. В летний период больших праздников не было, что связано с полевыми работами.

Осенние праздники начинались с 8 сентября – Рождество Пресвятой Девы Марии, 15 августа – Успение. После уборки урожая в чешских селах проходил праздник урожая (обжинки, посвицени) – веселый праздник с танцами, песнями. Заканчивался год по церковному календарю праздником всех святых – 1 ноября [19, с. 37–52].

В современной Александровке проживает свыше 1600 человек, из них 180 чехов. Площадь села составляет 140 га, количество дворов 459. В селе функционирует средняя школа на 768 мест, при которой находятся – музей чешской культуры и этнографии, спортивный комплекс с футбольным полем, игровыми площадками, беговыми дорожками. В Александровке работает фельдшерско-акушерский пункт, насчитывается несколько магазинов. В село проведен газ и вода.

Почетным гражданином с. Александровка являлся Карлин Иван Семенович – директор школы, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер 6 орденов, Отличник народного образования, Заслуженный учитель Украины. Пользуется уважением всех односельчан Виталий Иванович Главатый, родившийся в Александровке, работавший в родном селе учителем тракторного дела, инженером, председателем профсоюзного комитета, бригадиром тракторной бригады, с 1990 по 2009 год являлся Александровским сельским головой. Благодаря В. И. Главатому и активистам И. Е. Супрун, Т. А. Прудниковой, Е. В. Главатой-Мирошник, в селе сохраняется чешская культура, образование, традиции.

Чешские поселения Богемка и Александровка, основанные в начале 60 х годов XIX в., на протяжении более 150 лет являются центрами экономической и культурной жизни крымских чехов.

Список использованных источников и литературы

1. РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 381, оп. 13, д. 21120.

RGIA (Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv), f. 381, op. 13, d. 21120.

2. Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в Империи.– СПб., 1857.– Т. 12.– 100 с.; Свод учреждений и уставов о колониях иностранцев в Империи.– Одесса, 1862; ПСЗ: Собрание 2.– СПб., 1863.– Т. 36, № 37760.

Svod uchrezhdeniy i ustavov o koloniyakh inostrantsev v Imperii.– SPb., 1857.– T. 12.– 100 s.; Svod uchrezhdeniy i ustavov o koloniyakh inostrantsev v Imperii.– Odessa, 1862; PSZ: Sobranie 2.– SPb., 1863.– T. 36, № 37760.

3. РГИА, ф. 381, оп. 18, д. 3726; ГААРК (Государственный архив в АР Крым), ф. 26, оп. 1, д. 24575.

RGIA, f. 381, op. 18, d. 3726; GAARK (Gosudarstvennyy arkhiv v AR Krym), f. 26, op. 1, d. 24575.

4. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 24512; ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 24563.

GARK, f. 26, op. 1, d. 24512; GAARK, f. 26, op. 1, d. 24563.

5. ГАРК, ф. 27, оп. 7, д. 1548; ГААРК, ф. 27, оп. 7, д. 1623.

GARK, f. 27, op. 7, d. 1548; GAARK, f. 27, op. 7, d. 1623.

6. Лаптев Ю. Н. Чехи Крыма в культурно-этнографическом аспекте (1861–1920 гг.) // Чехи в Крыму: Очерки истории и культуры.– Симферополь: АнтиквА, 2005.– (История, культура и традиции народов Крыма: Книга 4).– 182 с.

Laptev Yu. N. Chekhi Kryma v kul'turno-etnograficheskom aspekte (1861–1920 gg.) // Chekhi v Krymu: Ocherki istorii i kul'tury.– Simferopol': AntikvA, 2005.– (Istoriya, kul'tura i traditsii narodov Kryma: Kniga 4).– 182 s.

7. ГАРК, ф. 27, оп. 1, д. 11504.
GARK, f. 27, op. 1, d. 11504.
8. Národní archiv v Praze (Национальный архив Чешской Республики в г. Праге) (NA v Praze), CUZ, k. 77; ГААРК, ф. Р-1532, оп. 2, д. 8.
Národní archiv v Praze (Natsional'nyy arkhiv Cheshskoy Respubliki v g. Prage) (NA v Praze), CUZ, k. 77; GAARK, f. R-1532, op. 2, d. 8.
9. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 232.
GAARK, f. R-1051, op. 1, d. 232.
10. 150 лет Крымской Богемке / Vltava ; [авт.-сост. Светлана Дмитрук, канд. ист. наук].– Симферополь : Антіква, 2011.– 14 с.
150 let Krymskoy Bogemke / Vltava ; [avt.-sost. Svetlana Dmitruk, kand. ist. nauk].– Simferopol' : Antikva, 2011.– 14 s.
11. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 24575.
GARK, f. 26, op. 1, d. 24575.
12. ГАРК, ф. 85, оп. 1, д. 67.
GARK, f. 85, op. 1, d. 67.
13. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 2087.
GARK, f. 27, op. 13, d. 2087.
14. Чехи в Крыму 150 лет: Александровка (1862–2012) / Vltava; [авт.-сост. Светлана Дмитрук, канд. ист. наук].– Симферополь, 2012.– 22 с.
Chekhi v Krymu 150 let: Aleksandrovka (1862–2012) / Vltava; [avt.-sost. Svetlana Dmitruk, kand. ist. nauk].– Simferopol', 2012.– 22 s.
15. ГАРК, ф. Р-1648, оп. 1, д. 3.
GARK, f. R-1648, op. 1, d. 3.
16. ГАРК, ф. Р-663, оп. 3, д. 394.
GARK, f. R-663, op. 3, d. 394.
17. Волкова С. А. Чехи на півдні України (друга половина XIX – перша третина XX століття) / За ред А. А. Непомнящого.– Сімферополь: АнтіквА, 2006.– 160 с.
Volkova S. A. Chekhi na pivdni Ukraïni (druga polovina XIX – persha tretina XX stolittya) / Za red A. A. Nepomnyashchogo.– Simferopol': AntikvA, 2006.– 160 s.
18. NA v Praze, PM, k. 462; NA v Praze, PM, k. 824.
NA v Praze, PM, k. 462; NA v Praze, PM, k. 824.
19. Лаптев Ю. Н. Чехи Крыма в культурно-этнографическом аспекте (1861–1920 гг.) // Чехи в Крыму: Очерки истории и культуры.– Симферополь: АнтиквА, 2005.– (История, культура и традиции народов Крыма; Кн. 4).
Laptev Yu. N. Chekhi Kryma v kul'turno-etnograficheskom aspekte (1861–1920 gg.) // Chekhi v Krymu: Ocherki istorii i kul'tury.– Simferopol': AntikvA, 2005.– (Istoriya, kul'tura i traditsii narodov Kryma; Kn. 4).

Dmytruk S. A. Czech settlements in Crimea: history and modernity / S. A. Dmytruk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Scince. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 20–31.

The problem of Czech settlements foundation in the Tauride province during second part of XIX cent. is considering in the article. Although depicted social-economic and cultural aspects of Czech development on the Crimean peninsula in the XX – XXI cent. Ethnic features of Crimean Czechs are denoted too.

Key words: Czechs, Crimean peninsula, resettlement, economics, culture, ethnography.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 27 (66), № 3. 2014 г. С. 32–43.

УДК 281.9+323.35:351.853(477.75)

К ВОПРОСУ О ПУБЛИКАЦИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ АРХИЕПИСКОПА ИННОКЕНТИЯ (БОРИСОВА) ПРОФЕССОРОМ Н. И. БАРСОВЫМ: КРЫМСКИЙ АСПЕКТ

Калиновский В. В.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kalinovskyi@ukr.net

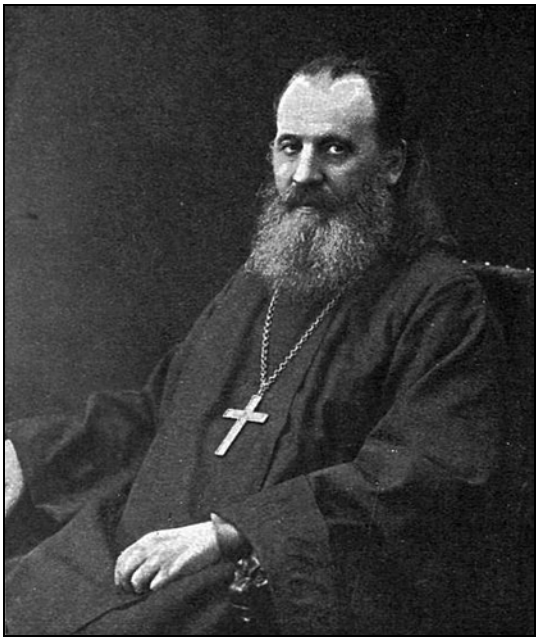
Рассмотрены избранные письма из эпистолярного наследия архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова), опубликованного профессором Н. И. Барсовым. Данное собрание является важным и малоизвестным источником для истории православия в Крыму. Коллекция писем, которая отложилась в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, является одним из наиболее масштабных собраний, которое отличается широкой тематической палитрой. Прослежена судьба попадания переписки в данное учреждение. Названы подготовленные Н. И. Барсовым к публикации письма владыки и его корреспондентов в религиозных и светских изданиях, которые впоследствии были объединены в два выпуска «Материалов для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического». В письмах к иерарху содержится уникальная информация об устройстве на полуострове обителей в рамках проекта «Русский Афон», откликах духовенства на события Крымской войны, вопросах церковного администрирования. Представляет интерес переписка владыки с видными краеведами: А. Б. Ашиком, Н. Н. Мурзакевичем и А. С. Уваровым. Кроме того, письма корреспондентов архиепископа являются одним из ключевых источников для составления научной биографии выдающегося священнослужителя.

Ключевые слова: эпистолярий, Иннокентий (Борисов), Н. И. Барсов.

Мало кто из иерархов Русской православной церкви может сравниться по степени влияния на общественное мнение эпохи императора Николая I с архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием (Борисовым). Выдающийся проповедник и организатор оставил после себя колоссальное по объему творческое наследие, включающее в себя многочисленные проповеди, слова, беседы и поучения. Не потеряли своего значения и богословские работы пастыря, а также его историко-художественные описания евангельских событий (такие как «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» и «Жизнь Св. апостола Павла»), ставшие первыми в Российской империи произведениями такого рода.

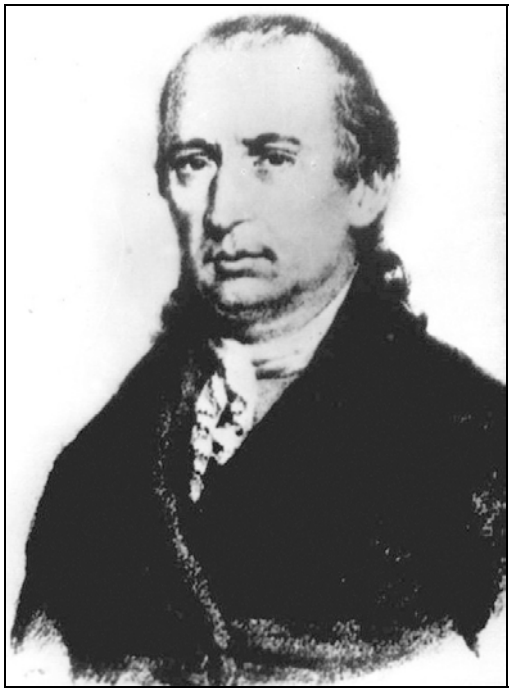
Преосвященный Иннокентий (Борисов) за свою жизнь успел немало потрудиться на ниве служения Вере, Царю и Отечеству. Он окончил Киевскую духовную академию, а впоследствии стал ее ректором, был профессором аналогичного религиозного учебного заведения в Санкт-Петербурге. В качестве иерарха Иннокентий (Борисов) руководил Вологодской, Харьковской и Херсоно-Таврической епархиями. На всех кафедрах владыка оставил по себе добрую память и видимые следы работы – восстановленные и построенные храмы и монастыри. Таким образом, даже географически масштабы деятельности архиепископа впечатляют своим размахом.

Архиепископ Иннокентий (Борисов)



Тимофей Иванович Буткевич

Митрополит Макарий (Булгаков)

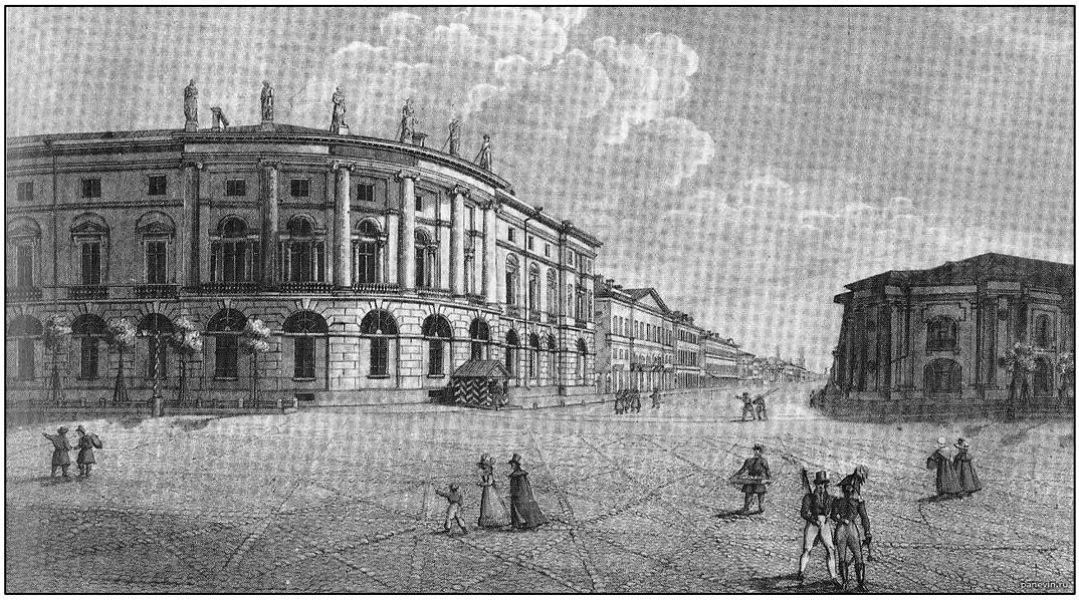


Николай Христофорович Палаузов

Николай Александрович Протасов

Александр Скарлатович Стурдза

Алексей Сергеевич Уваров



Императорская Публичная библиотека
в Санкт-Петербурге

Несмотря на значимость фигуры архиерея, до настоящего времени не создано посвященного ему качественного биографического исследования. Попытку протоиерея Тимофея Ивановича Буткевича создать в 1884 году жизнеописание владыки можно считать в целом удачной [1]. Однако священнослужитель акцентировал свое внимание преимущественно на харьковском периоде деятельности Иннокентия. Кроме того, в распоряжении Т. И. Буткевича было крайне мало документальных источников, а огромный личный фонд Иннокентия (Борисова) к тому времени был неизвестен исследователям.

Другая биография («Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический») была подготовлена духовным писателем Никандром Матвеевичем Левитским и вначале выходила частями в журнале «Душеполезное чтение», а затем была издана отдельной книгой в Москве в 1904 году [2]. Данная работа была приурочена к столетию со дня рождения архипастыря. Н. М. Левитский ориентировался на опубликованные к тому времени в «Трудах Киевской духовной академии», «Русской старине» и других изданиях мемуарные свидетельства и письма Иннокентия и его корреспондентов.

В советское время фигура архиепископа Иннокентия (Борисова) была предана забвению, его биография оставалась вне рамок исследований. Ситуация изменилась после распада СССР, с декларируемым возрождением православной духовности и традиций. С этого времени публикации о трудах архипастыря появляются довольно часто, но, как правило, с опорой на уже опубликованные в досоветское время биографические заметки и материалы. Качественно выделяется на этом фоне исследование научного сотрудника Института российской истории РАН Любо-

ви Владимировны Мельниковой, посвященное деятельности преосвященного Иннокентия во время Крымской войны [3]. Широкое привлечение документального материала из фондов Российского государственного исторического архива существенно расширило представления о вкладе иерарха в укрепление духа армии и гражданского населения в период военного противостояния Российской империи и коалиции государств.

Одним из наименее исследованных источников остается переписка владыки, представленная в виде как уже опубликованных писем, так и в виде архивных документов. Важность данного документального массива трудно переоценить. Иннокентий (Борисов) состоял в переписке с десятками иерархов, представителями династии Романовых, влиятельными чиновниками империи, видными литераторами эпохи. Его корреспондентами были С. С. и А. С. Уваровы, И. Ф. Паскевич, А. С. Меншиков, Н. В. Гоголь, М. П. Погодин и другие видные политические и общественные деятели первой половины XIX века. При этом обсуждались в переписке не только проблемы церковного администрирования, но и вопросы истории, этнографии, нумизматики, литературы. Выявление максимально полного корпуса эпистолярного наследия архиепископа Иннокентия (Борисова) представляется актуальной задачей для расширения источниковой базы церковной и светской истории Крыма.

Наиболее полное собрание писем владыки отложилось в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Интересна судьба этой коллекции, ее попадания в одно из крупнейших книгохранилищ и частичной публикации материалов.

26 мая 1857 года архиепископ Иннокентий скончался в Одессе. Его богатейший архив и имущество, оставшись без должного надзора, были обречены на плохую сохранность. По свидетельству одного из учеников владыки, преподавателя Таврической духовной семинарии Александра Васильевича Иванова, из капитала владыки, оценивавшегося в 165 тысяч рублей, уцелели не более 40 тысяч, хранившихся в ценных бумагах. Остальное было расхищено. Та же участь постигла и многие богатые принадлежности роскошной обстановки покоев архиепископа. Так как подлинного духовного завещания Иннокентия не было обнаружено, а черновая копия была написана неразборчиво, то уцелевшая часть имущества долго перетаскивалась из одного помещения в другое, подвергаясь порче и расхищению. Особенно печальна была судьба богатой библиотеки владыки Иннокентия. О ней ничего не было упомянуто в духовном завещании, брат покойного от нее отказался, а душеприказчики не знали, что с ней делать. Местное семинарское начальство ходатайствовало перед Святейшим Синодом о передаче ее в Одесскую духовную семинарию. Ходатайство было уважено и в 1862 году, т. е. через 5 лет после смерти Иннокентия, его библиотека была перевезена в семинарию, но, как замечает А. В. Иванов, «в самом жалком виде». До перевоза в семинарию книжное собрание было свалено в сыром подвале возле бани. Помещение не закрывалось, и книги постоянно расхищались или уничтожались. Все роскошные иллюстрированные издания бесследно исчезли. Книги на славянских наречиях и касавшиеся югославянских народностей были переданы од-

ним из душеприказчиков Славянскому попечительству, а семинарии досталась едва ли не третья часть богатой библиотеки [4].

Иной была судьба эпистолярного наследия архиепископа. Долгое время его нахождение оставалось загадкой. В 1883 году о намерении передать коллекцию писем Иннокентия (Борисова) в дар Императорской публичной библиотеке заявил один из ближайших соратников иерарха, член Одесского болгарского настоятельства статский советник Николай Христофорович Палаузов [5]. Свою идею он претворил в жизнь только в 1887 году, а до этого письма находились в распоряжении экстраординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии Николая Ивановича Барсова. С разрешения Н. Х. Палаузова ученый пользовался собранием для подготовки биографии архиепископа, которая, однако, так и не увидела свет.

Н. И. Барсов в своем отношении в библиотеку в 1883 году обещал доставить письма иерарха в целости и сохранности не позже 1 июня 1885 года. Вовремя обещания исполнить не удалось, но за несколько лет Н. И. Барсов опубликовал около 500 писем из собрания преосвященного в различных изданиях. Только после этого коллекция попала в Публичную библиотеку. Ее сотрудники внимательно изучили полученные материалы, и пришли к выводу, что Н. И. Барсов издавал письма небрежно и с ошибками. По этой причине в приложении к отчету библиотеки за 1887 год был опубликован «Перечень писем, сохранившихся в бумагах Иннокентия, архиепископа Херсонского, принесенных Императорской публичной библиотеке в дар Н. Х. Палаузовым». Он представлял собой краткий список лиц, писавших владыке, с указанием количества писем, полученных от каждого корреспондента. Кроме того, в перечень были включены черновики писем самого иерарха и другие документы, оказавшиеся в собрании, полученном от Н. Х. Палаузова [6].

Николай Иванович Барсов неслучайно оказался публикатором эпистолярного наследия преосвященного Иннокентия. С 1869 года он работал преподавателем Санкт-Петербургской духовной академии, где читал лекции по гомилетике. Помимо богословских публикаций Н. И. Барсов регулярно публиковал в разных журналах статьи по истории Русской православной церкви и старообрядчества, по педагогике и дидактике. Также он имел опыт подготовки к публикации биографических материалов, связанных с деятельностью выдающегося церковного подвижника – митрополита Московского Филарета (Дроздова) [7].

До сих пор наиболее полным изданием эпистолярного наследия владыки остаются подготовленные Н. И. Барсовым два выпуска «Материалов для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического». В предисловии к этой работе профессор указывал, что для составления биографии иерарха сделано весьма немного. Для того чтобы представить «цельный духовный образ живой личности в полном объеме ее духовно-нравственного бытия» исследователь справедливо считал необходимым использование не только официальной документации, но и переписки. По мнению Н. И. Барсова, бумаги архиепископа представляли «не столько арсенал духовной учености, сколько наглядную картину церковно-религиозной жизни русского общества и практической деятельности церкви для правильного развития и поступательного движения этой жизни» [8, с. 4].

Вступительное слово санкт-петербургского профессора проливает свет на судьбу коллекции писем архиепископа Херсонского и Таврического. Девять томов этого собрания после смерти преосвященного Иннокентия поступили в собственность Н. Х. Палаузова. Известный издатель и книгопродавец Маврикий Осипович Вольф, предполагавший выпустить полное собрание сочинений иерарха, приобрел эту коллекцию как материал для составления биографии святителя, которая вошла бы в отдельный том. Поскольку других сведений в распоряжении М. О. Вольфа не оказалось, а по одним только письмам подготовить жизнеописание не представлялось возможным, эпистолярное наследие долгое время оставалось невостребованным и неизвестным для читателей. Н. И. Барсову после долгих уговоров удалось убедить издателя разрешить ему опубликовать избранные письма Иннокентия (Борисова), представлявшие несомненный интерес для истории Русской православной церкви. После смерти М. О. Вольфа в 1883 году собрание писем Иннокентия вернулось в собственность Н. Х. Палаузова. Тот передал его в распоряжение Н. И. Барсова с условием после изучения передать коллекцию Императорской публичной библиотеке [8, с. 4–5]. Прежде чем опубликовать избранные письма в виде книги, ученый размещал их на страницах религиозных и научных журналов [9–20].

Особое внимание Н. И. Барсов уделил переписке архиепископа Иннокентия с митрополитом Филаретом (Дроздовым). В XIX веке этих авторитетных иерархов часто противопоставляли друг другу, в основном из-за разницы в богословских подходах. Тем интереснее их живое, полное полемики на теологические темы, общение [8, с. 37–66].

Из писем выдающегося иерарха и церковного литератора, митрополита Московского Макария (Булгакова) можно почерпнуть немало важных сведений о судьбе книг Иннокентия и о реакции на них цензуры и богословов. Интересно и обсуждение вопросов, связанных с Крымом. 12 января 1850 года митрополит Макарий прокомментировал проект росписи иконостаса Владимирского собора в Севастополе, присланного архиепископом Херсонским и Таврическим. Он предлагал расположить святых в нем в хронологическом порядке, чтобы перед прихожанами возникала «как бы живая история на иконах». Также иерарх предлагал изобразить святого Симона Кананита спутником апостола Андрея Первозванного и подвергнул сомнению факт пребывания в Крыму этого подвижника веры, по преданию погребенного на Кавказе. Еще одним предложением стала идея убрать с иконостаса изображение Папы Римского Мартина, который, по мнению митрополита Макария (Булгакова), не содействовал успехам христианства в Крыму. Из письма от 16 октября 1850 года мы узнаем о присланной митрополиту Иннокентием (Борисовым) брошюре об открытии Успенского скита в Бахчисарае [8, с. 79]. С восхищением владыка Макарий отзывался о словах и речах архиепископа Херсонского по случаю событий Крымской войны [8, с. 85].

Из некоторых писем можно узнать о церковных книжных проектах. 18 января 1855 года ректор Киевской духовной академии Антоний сообщал Таврическому архипастырю, что житие Св. Стефана Сурожского было опубликовано отдельной брошюрой в киевской Лаврской типографии. Сто экземпляров планировалось отправить бесплатно для крымской паствы. Житие корреспондент находил излишне

кратким и считал, что в нем недостаточно замечаний, способных убедить читателей в том, что Сурожская епархия в древности находилась именно в Крыму. Также архимандрит Антоний хотел поручить составить более обстоятельный труд о Стефане Сурожском для «Воскресного чтения», а затем издать отдельной книгой или оттиском, «если выйдет что-то толковое и полезное» [8, с. 70].

Еще одним постоянным корреспондентом архиепископа Иннокентия был архиепископ Гавриил (Розанов), предшественник владыки на Херсоно-Таврической кафедре. В связи с этим в письмах за 1848 год постоянно присутствует желание старшего иерарха познакомить молодого коллегу с положением в епархии, с насущными проблемами местных церквей и монастырей [8, с. 12–14].

Афонский инок Серафим 10 апреля 1852 года сообщал о своем знакомстве с публикацией «Одесского вестника» о «прекрасном Афоне крымском». При этом монаха интересовал важный для устройства обителей вопрос о допуске женщин для богомолья. Их отсутствие, по мнению Серафима, было одним из существенных условий удобства пустынной жизни. При этом он признавал пользу, которую приносят обителям паломницы, даже несмотря на «неприязненные следствия их набожности для мирных иноков». Монах предполагал, что если «Русский Афон» будет опираться в вопросе о присутствии женщин на принципы греческой обители, то навсегда останется в этом отношении «единственным и неоценимым» [21, с. 13–14]. Впрочем, архиепископ Иннокентий все-таки не стал вводить в крымских обителях подобные ограничения.

Интересна тематика писем владыки обер-прокурору Синода графу Н. А. Протасову. Архиепископ доверительно писал чиновнику о своей борьбе с ревматизмом и лечении на сакских грязях в 1852 году. Личное не смешивалось с административным: владыка рекомендовал на должность викария Херсонской епархии архимандрита Поликарпа (Радкевича). Он характеризовался как человек способный, доказавший свою примерную нравственность во время работы в Крыму и знающий греческий язык. Последнее обстоятельство было важным. Поскольку значительную часть крымской паствы тогда составляли именно греки [21, с. 11–12].

Автор распространенного учебника по русской грамматике Виктор Андреевич Половцов просил у архиепископа Иннокентия совета по вопросу трудоустройства своего сына, получавшего образование в училище сельского хозяйства Вольного экономического общества, но по причине слабого здоровья имевшего необходимость жить на юге России. Иерарх называл лучшим местом для службы работу при возводимом на Южном берегу Крыма царском дворце. Эту местность владыка характеризовал как «средоточие всех природных красот и совершенств Крыма». Еще одним вариантом архиепископ видел работу по карантинам в Феодосии, Евпатории и Херсоне. Работа в этих местах, по мнению преосвященного Иннокентия, была нетрудной и высокооплачиваемой. Кроме того, здоровье молодого чиновника могли поправить морские купания, лучшим местом для которых называлась Феодосия. Архиепископ Херсонский и Таврический заверял В. А. Половцова в оказании помощи его сыну [21, с. 17].

Протоиерей Киево-Софийского собора Иван Михайлович Скворцов был знаком с Иннокентием со времени его службы в Киевской духовной академии. Отношения

между священнослужителями были самыми искренними и дружескими. Их переписка продолжалась до самой смерти архиепископа Херсонского и Таврического в 1857 году и зафиксировала мнения духовенства по актуальным вопросам церковной и общественно-политической жизни Российской империи. И. М. Скворцова радовали известия об устройстве «проекта Афонского» в Крыму. При этом он советовал не ограничиваться в назначениях в новые обители местными игуменами, а пригласить откуда-либо известного и опытного старца, подобного известному византийскому монаху Афанасию Афонского [21, с. 98].

Интересны опубликованные отдельным изданием письма к архиепископу известного дипломата Александра Скарлатовича Стурдзы. Оставив государственную службу, он посвятил себя литературной деятельности и благотворительности. В частности, он перевел на французский язык несколько проповедей архиепископа Иннокентия. Поддерживал идею существования отдельного епископства в Крыму, что выражено в письме от 27 февраля 1849 года. Еще одним предметом забот чиновника стал вопрос о распространении раскольничества в центральных губерниях Российской империи. При этом он указывал, что хотя Таврида, наряду с Малороссией, Южной Россией и Бессарабией, «приняла к себе этих гостей», но не пристрастилась к их «нелепому и душепагубному» учению [22, с. 27, 49].

Иннокентий был не только богословом или проповедником, но и человеком с амбициями ученого. Это отразилось на круге его общения, в котором деятели науки занимали не последнее место. Именно поэтому в переписке владыки довольно много писем от ученых, которые посвящали свои работы прошлому Крыма. Так, А. С. Уваров сообщал о своих раскопках в Херсонесе и Инкермане [23, с. 1–2]. В своем письме от 30 октября 1848 года керченский чиновник и историк-любитель Антон Бальтазарович Ашик просил материально поддержать издание его сочинения «Воспорское царство». Судя по другому письму исследователя, владыка Иннокентий обратил внимание на просьбу и помог начинанию крымоведа. Хотя труды о древностях не принесли А. Б. Ашику прибылей, он решил продолжить литературную работу и подготовил книгу «Часы досуга». Вновь последовало обращение к архиепископу Херсонскому и Таврическому, которое, видимо, осталось без ответа. Несколько раз А. Б. Ашик обращался к иерарху с просьбой о покровительстве в высших инстанциях по вопросу повышения жалования исследователя, но, судя по нескольким подобным письмам, содействия владыки он так и не добился [23, с. 41–42]. О работах над проектом церкви в Херсонесе сообщал в своих письмах Николай Никифорович Мурзакевич [23, с. 53–55].

Отдельного упоминания заслуживают хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки около пятисот писем, полученных владыкой Иннокентием в дни Крымской войны. Их присылали иерарху и священники, не оставившие своих приходов и ставшие очевидцами боевых действий, и непосредственно военные, сражавшиеся на бастионах Севастополя. Лишь малая часть этого корпуса документов была опубликована Н. И. Барсовым, хотя и являлась по его представлению «самой подробной неофициальной хроникой войны». Тем не менее, упоминания противостояния в Крыму присутствуют в переписке тех суровых лет.

В примечании к письму старшего брата владыки Матвея Алексеевича Борисова к преосвященному Иннокентию Н. И. Барсов сообщает о наличии в бумагах Иннокентия восьми писем протоиерея Афанасия Савицкого о ходе военных действий в окрестностях Ялты. Священнослужитель, бывший настоятелем храма Иоанна Златоуста, тяготился своим положением в городе, который покинула большая часть населения. Ялтинский приход в дни Крымской войны, по словам протоиерея, состоял всего из ста человек, включая женщин и детей [8, с. 19].

В пасхальном поздравлении архимандрита и ректора Киевской духовной академии Антония от 22 марта 1855 года вновь присутствует тема событий Крымской войны. Помимо интереса к вестям с полуострова киевский служитель интересовался у архиепископа Иннокентия, не подвергнется ли новым обстрелам Одесса. Свой вопрос он облек в соответствующую празднику форму: «не дерзнут враги креста Христова опять иудиным лобзанием христосоваться с Вами и вместо красных яиц посылать Вам бомбы и гранаты?» [8, с. 71].

Таким образом, часть эпистолярного наследия архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова), опубликованная профессором Н. И. Барсовым, является важным и малоизвестным источником для истории православия в Крыму. В письмах к иерарху содержится уникальная информация об устройстве на полуострове обителей в рамках проекта «Русский Афон», откликах духовенства на события Крымской войны, вопросах церковного администрирования. Представляет интерес переписка владыки с видными краеведами: А. Б. Ашиком, Н. Н. Мурзакевичем и А. С. Уваровым. Кроме того, письма корреспондентов архиепископа являются одним из ключевых источников для составления научной биографии выдающегося священнослужителя.

Список использованных источников и литературы

1. Буткевич Т. И. Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский. – СПб., 1887. – 422 с.

Butkevich T. I. Innokentij Borisov, byvshij arhiepiskop Hersonskij. – SPb., 1887. – 422 s.

2. Левитский Н. М. Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. – М., 1904. – 153 с.

Levitskij N. M. Vysokopreosvjashhennyj Innokentij, arhiepiskop Hersonskij i Tavricheskij. – M., 1904. – 153 s.

3. Мельникова Л. В. Патриотическая деятельность свт. Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны // Вестник церковной истории. – 2007. – № 4. – С. 73-88.

Mel'nikova L. V. Patrioticheskaja dejatel'nost' svt. Innokentija (Borisova) v gody Krymskoj vojny // Vestnik cerkovnoj istorii. – 2007. – № 4. – S. 73-88.

4. Иванов А. В. Воспоминания о высокопреосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. – Симферополь, 1901. – С. 19-20.

Ivanov A. V. Vospominanija o vysokopreosvjashhennom Innokentii, arhiepiskope Hersonskom i Tavricheskom. – Simferopol', 1901. – S. 19-20.

5. Отчет Императорской публичной библиотеки за 1883 год. – СПб., 1885. – С. 233.

Otchet Imperatorskoj publichnoj biblioteki za 1883 god. – SPb., 1885. – S. 233.

6. Приложение. Перечень писем, сохранившихся в бумагах Иннокентия, архиепископа Херсонского, принесенных Императорской публичной библиотеке в дар Н. Х. Палаузовым / Отчет Императорской публичной библиотеки за 1887 год. – СПБ, 1890. – С. 1–23.

Prilozhenie. Perechen' pisem, sohranivshihsja v bumagah Innokentija, arhiepiskopa Hersonskogo, prinesennyh Imperatorskoj publichnoj biblioteke v dar N. H. Palauzovym / Otchet Imperatorskoj publichnoj biblioteki za 1887 god. – SPB, 1890. – S. 1–23.

7. Барсов Н. И.: [Некролог] // Исторический вестник. – 1903. –№ 5. – С. 784–785.

Barsov N. I.: [Nekrolog] // Istoricheskij vestnik. – 1903. –№ 5. – S. 784–785.

8. Барсов Н. И. Материалы для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического : в 2 вып.– СПб., 1884. – Вып. 1. – 150, 79, 26 с.

Barsov N. I. Materialy dlja biografii Innokentija Borisova, arhiepiskopa Hersonskogo i Tavricheskogo : v 2 vyp.– SPb., 1884. – Vyp. 1. – 150, 79, 26 s.

9. Письмо высокопреосв. Филарета [Дроздова], митрополита Московского // Труды Киевской Духовной академии. – 1884. – № 1. – С. 112–115.

Pis'mo vysokopreosv. Filareta [Drozdova], mitropolita Moskovskogo // Trudy Kievskoj Duhovnoj akademii. – 1884. – № 1. – S. 112–115.

10. Письма Филарета [Амфитеатрова], митрополита Киевского, и архимандрита Антония [Амфитеатрова], ректора Киевской академии (впоследствии архиепископа Казанского) // Там же. – № 4. – С. 621–631; № 5. – С. 69–102; № 6. – С. 258–292.

Pis'ma Filareta [Amfiteatrova], mitropolita Kievskogo, i arhimandrita Antonija [Amfiteatrova], rektora Kievskoj akademii (vposledstvii arhiepiskopa Kazanskogo) // Tam zhe. – № 4. – S. 621–631; № 5. – S. 69–102; № 6. – S. 258–292.

11. Письма Макария [Булгакова], митрополита Московского // Христианское чтение. –1884. – № 5/6. – С. 798–817.

Pis'ma Makarija [Bulgakova], mitropolita Moskovskogo // Hristianskoe chtenie. –1884. – № 5/6. – S. 798–817.

12. Письма Гавриила [Розанова], архиепископа Тверского и Кашинского // Тверские епархиальные ведомости. – 1884. – № 14. – С. 433–454; № 15. – С. 473–477.

Pis'ma Gavriila [Rozanova], arhiepiskopa Tverskogo i Kashinskogo // Tverskie eparhial'nye vedomosti. – 1884. – № 14. – S. 433–454; № 15. – S. 473–477.

13. Письма протоиерея В. И. Нордова // Вологодские епархиальные ведомости. – 1885. – Приб. № 17. – С. 351–363; № 18. – С. 367–379.

Pis'ma protoiereja V. I. Nordova // Vologodskie eparhial'nye vedomosti. – 1885. – Prib. № 17. – S. 351–363; № 18. – S. 367–379.

14. Письма протоиерея И. М. Скворцова // Труды Киевской Духовной академии. – 1885. – № 6. – С. 314–328; № 7. –С. 472–482; № 8. – С. 671–675; № 9. – С. 165–167; № 10. – С. 311–318.

Pis'ma protoiereja I. M. Skvorcova // Trudy Kievskoj Duhovnoj akademii. – 1885. – № 6. – S. 314–328; № 7. –S. 472–482; № 8. – S. 671–675; № 9. – S. 165–167; № 10. – S. 311–318.

15. Письма архиепископа Иринея Нестеровича // Вологодские епархиальные ведомости. – 1886. – № 1. – С. 1–10; № 2. – С. 33–40; № 3. – С. 42–56.

Pis'ma arhiepiskopa Irineja Nesterovicha // Vologodskie eparhial'nye vedomosti. – 1886. – № 1. – S. 1–10; № 2. – S. 33–40; № 3. – S. 42–56.

16. Письма архиепископа Иннокентия к разным лицам // Христианское чтение. – 1886. – Ч. 1. – № 1/2. – С. 226–248.

Pis'ma arhiepiskopa Innokentija k raznym licam // Hristianskoe chtenie. – 1886. – Ch. 1. – № 1/2. – S. 226–248.

17. Письма с Востока к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому // Там же. – 1887. – Ч. 1. – № 1/2. – С. 278–296.

Pis'ma s Vostoka k preosvjashhennomu Innokentiju, arhiepiskopu Hersonskomu // Tam zhe. – 1887. – Ch. 1. – № 1/2. – S. 278–296.

18. Письма Гавриила [Городкова], архиепископа Рязанского // Там же. – № 5/6. – С. 623–662.

Pis'ma Gavriila [Gorodkova], arhiepiskopa Rjazanskogo // Tam zhe. – № 5/6. – S. 623–662.

19. Письма архимандрита Новгородского Юрьева монастыря Фотия // Там же. – Ч. 2. – № 11/12. – С. 722–764.

Pis'ma arhimandrita Novgorodskogo Jur'eva monastyrja Fotija // Tam zhe. – Ch. 2. – № 11/12. – S. 722–764.

20. Материалы для биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского: Письма разных лиц к преосвященному Иннокентию // Там же. – 1888. – Ч. 1. – № 1/2. – С. 199–227; Ч. 2. – № 11/12. – С. 833–853.

Materialy dlja biografii Innokentija, arhiepiskopa Hersonskogo: Pis'ma raznyh lic k preosvjashhennomu Innokentiju // Tam zhe. – 1888. – Ch. 1. – № 1/2. – S. 199–227; Ch. 2. – № 11/12. – S. 833-853.

21. Барсов Н. И. Материалы для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического : в 2 вып.– СПб., 1888. – Вып. 2. – 126, 5 с.

Barsov N. I. Materialy dlja biografii Innokentija Borisova, arhiepiskopa Hersonskogo i Tavricheskogo : v 2 vyp.– SPb., 1888. – Vyp. 2. – 126, 5 s.

22. Письма А. С. Стурдзы к Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому. – Одесса, 1894. – 54 с.

Pis'ma A. S. Sturdzy k Innokentiju, arhiepiskopu Hersonskomu i Tavricheskomu. – Odessa, 1894. – 54 s.

23. Письма разных лиц архиепископу Иннокентию Борисову // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1884. – Кн. 4. – Отд. V. – смесь. – С. 1–67.

Pis'ma raznyh lic arhiepiskopu Innokentiju Borisovu // Chtenija v Obshhestve istorii i drevnostej Rossijskih. – 1884. – Kn. 4. – Otd. V. – smes'. – S. 1–67.

Kalinovsky V. V. On the issue of publication of epistolary heritage Archbishop Innocent (Borisov) by Professor N. I. Barsov: Crimean aspect / V. V. Kalinovsky // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Scince. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 32–43.

We studied selected letters of the epistolary heritage of Archbishop of Kherson and Taurida Innocent (Borisov), published by Professor N. I. Barsov. This collection is an important and little-known source for the history of Orthodoxy in Crimea. A collection of letters, which was deposited in the collections of the Department of Manuscripts of the National Library, is one of the most extensive collections, with a broad and distinctive thematic palette. The correspondence coming to the institution was traced. N. I. Barsov prepared letters of the above mentioned church lord and his correspondents in the religious and secular editions, for publication, and these texts were subsequently combined into two issues of "material for biographies of Innocent Borisov, Archbishop of Kherson and Taurida". The letters to the cleric contain some unique information about the apparatus of the peninsula monasteries under the project "Russian Athon", about the response of the clergy to the events of the Crimean War, and on the question of ecclesiastical administration. A special attention is given to the church lord correspondence with prominent ethnographers: A. B. Ashik, N. N. Murzakevich and A. S. Uvarov. The letters of Archbishop Correspondents are one of the key sources for the compilation of scientific biography of this famous cleric.

Keywords: epistolary, Innocent (Borisov), N.I. Barsov.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 27 (66), № 3. 2014 г. С. 44–52.

УДК [070:93](477.75)

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА «МОРСКОЙ СБОРНИК» О СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ МОРСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Леписевич Н. З.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nata-lepisevich@yandex.ru

Рассмотрены публикации официального печатного органа военно-морского ведомства Российской империи журнала «Морской сборник», посвященные истории Севастопольской Морской библиотеки. Введение в научный оборот этих материалов позволяет реконструировать деятельность учреждения в досоветский период. Отмечено, что главным инициатором организации стационарного книгохранилища в Севастополе был вице-адмирал Василий Иванович Мелихов. Выявлены источники финансирования учреждения в первые годы его существования. Выделены мероприятия по спасению библиотечных фондов в годы Крымской (Восточной) войны и послевоенная судьба книжной коллекции. Рассмотрены помещавшиеся на страницах «Морского сборника» отчеты комитета директоров Севастопольской Морской библиотеки. Они раскрывают вопросы личного состава, состояния капиталов и книжного имущества учреждения. Выяснены механизмы финансовой деятельности библиотеки и пополнения ее фондов. Особое внимание уделено читательским вкусам севастопольской публики на рубеже XIX – в начале XX века.

Ключевые слова: «Морской сборник», Севастопольская Морская библиотека, Черноморский флот, отчет.

На протяжении всей своей истории Севастопольская Морская библиотека остается одним из главных культурных учреждений главной базы Черноморского флота. За время со дня ее основания уже не одно поколение севастопольцев знакомилось со славной историей своего города посредством именно этого книжного собрания. При этом до настоящего времени не создано полной, составленной на основе современных научных подходов, истории Севастопольской Морской библиотеки. По этой причине особое значение следует придавать расширению источниковой базы для будущих исследований по данной теме. В этой связи следует вспомнить об информационном потенциале одного из наиболее самобытных изданий Российской империи второй половины XIX – начала XX веков – журнале «Морской сборник».

«Морской сборник», основанный в 1848 году, на долгие годы стал основным специализированным изданием структур Морского ведомства Российской империи. История флота, хроника жизни портов, биографии выдающихся флотоводцев – все это находило отражение на страницах журнала. Редакция журнала старалась способствовать распространению знаний среди офицерства, поэтому регулярно сообщала о книжных новинках по вопросам морского дела. Другими материалами подобного назначения были статьи о работе военно-морских библиотек, среди которых особое место занимало учреждение в Севастополе. В своих работах мы уже касались этой темы [1], но, естественно, столь многогранная тема не может ограничиваться рамками только одной публикации. Целью данного исследования является анализ публикаций журнала «Морской сборник», посвященных Севастопольской морской библиотеке.

Одна из наиболее содержательных статей о библиотеке была составлена из материалов, доставленных в редакцию Захаром Андреевичем Аркасом и Николаем Андреевичем Аркасом, и опубликована в 1855 году. В ней приведены такие сведения об истории учреждения. Библиотека была основана в 1821 году главным командиром Черноморского флота и портов адмиралом А. С. Грейгом. В то время она помещалась в казенном здании, а книги приобретались на пожертвования размером в один процент от жалованья адмиралов, штаб- и обер-офицеров. Преемник А. С. Грейга вице-адмирал М. П. Лазарев посчитал, что здание библиотеки по неудобству и тесноте не соответствует своему назначению. По этой причине в 1834 году он предложил всем членам учреждения пожертвовать еще по проценту жалования на сооружение нового помещения. Согласие было единодушным, к собранному капиталу было добавлено 47 122 рублей, выделенных императором Николаем I. Финансовых средств оказалась недостаточно. Тогда из сумм Черноморского управления было добавлено еще 53 тысячи с уплатой к 1849 году, впоследствии их перевели на счет казны. Таким образом, здание обошлось в 248608 рублей 87 копеек, из которых 147000 рублей было пожертвовано офицерами.

Здание, открытое в 1844 году, было построено в новейшем вкусе, с новой мебелью и правилами управления учреждением. Однако радость офицерства была недолгой. Спустя восемь месяцев случился пожар, причину которого установить не удалось. Сгорело все имущество, включая 500 книг, мебель и другие вещи. Вновь на помощь образованному офицерству пришел император Николай Павлович. Во время посещения Севастополя в 1845 году он пожертвовал 52 тысячи рублей. Новое здание было открыто уже в 1850 году и стало одним из самых красивых в городе. Оно имело парадный вход из белого мрамора, лестницу украшали два мраморных сфинкса, а наверху сооружения был установлен портик с шестью статуями в сажень вышиной. Это были изваяния Минервы, Немезиды, Урании, Клио, Математики и Каллиопы. Библиотека быстро стала центром, вокруг которого группировалась офицерская жизнь. К 1854 году ее собрание насчитывало 15334 томов. Для пополнения коллекции ежегодно выделялось до 5600 рублей серебром. Кроме этого моряки, отправляясь за границу, привозили для севастопольской библиотеки редкие книги, монеты и минералы, что позволило организовать нумизматическую и минералогическую коллекции.

Естественно, что кардинальные перемены в жизнь Морской библиотеки внесли Крымская война и оборона Севастополя. Постоянные читатели защищали город на бастионах, а здание пострадало в ходе обстрелов. Бомба, прилетевшая с Малахова кургана, пробила крышу и потолок здания, упала в главный зал, разбила модель корабля «Двенадцать апостолов» и вызвала пожар, который с трудом был потушен. И вновь Николай I проявил монаршую милость, пожаловав 25000 рублей серебром на исправление здания. В заключение своего сообщения высказывалось пожелание, «чтобы несчастье, постигшее Морскую Севастопольскую библиотеку, было последним в истории ее кратковременного существования, неоспоримо полезного для флота и обильного печальными событиями» [2].

Более подробный исторический очерк о Севастопольской морской библиотеке был подготовлен В. Зарудным [3]. Особой ценности данной публикации добавляет

описание первых лет существования учреждения, поскольку все дела от основания заведения культуры до 1842 года погибли в Севастополе в 1855 году. Учредителем Севастопольской библиотеки В. Зарудный называл лейтенанта Мелихова, который, по мнению исследователя, обратил внимание адмирала А. С. Грейга на неудовлетворительное поведение молодых офицеров Черноморского флота, особенно во время зимовок, и представил флотоводцу свои соображения об открытии храма культуры в Севастополе. Сам Мелихов стал автором первого устава библиотеки, который представлял варианты финансирования учреждения из жалований офицерства, по одной копейке с рубля. Этот документ оставался в силе пять лет, до 1827 года. Через двенадцать лет библиотеке уже стало недостаточно небольшого ветхого здания, поэтому при поддержке адмирала М. П. Лазарева было построено новое. Первым секретарем-казначеем библиотеки был прославленный вице-адмирал В. А. Корнилов, а именем другого легендарного флотоводца П. С. Нахимова были скреплены некоторые каталоги книжного собрания. Вскоре после гибели командующих комитет директоров заведения учредил специальные стипендии в их память. Претендентами на стипендию могли быть дети или сироты офицеров Черноморского флота. Тратиться эти средства могли на содержание юношей в Николаевской юнкерской школе.

В дни Крымской войны книжное собрание было спрятано в мине, вследствие чего многие издания отсырели и пришли в негодность. В августе 1855 года, когда положение Севастополя казалось безнадежным, книги и значительная часть мебели Севастопольской морской библиотеки были перевезены в Николаев. Там собрание кочевало из одного здания в другое, условия для содержания были не самыми подходящими, что сказывалось на состоянии коллекции. При этом за коллекцией оставалось название Севастопольской библиотеки.

9 августа 1856 года офицеры дунайской гребной флотилии по случаю упразднения Измаильского порта решили передать все имущество местной библиотеки главному книгохранилищу Черноморского ведомства. Предполагалось, что коллекция перейдет в порт, который планировалось учредить вместо измаильского. Однако по ходатайству комитета Севастопольской библиотеки книги были перевезены в Севастополь. Новое книгохранилище было размещено в здании бывшего девичьего училища, оно считалось вторым отделением при корпусе, расположенном в Николаеве.

В 1863 году с сообщением о новом уставе севастопольской библиотеки выступил А. Корнилов [4]. Материал В. Зарудного он охарактеризовал как «прекрасную и подробную статью, чуждую всякой полемической желчности», однако считал необходимым сообщить читателям «Морского сборника» об изменениях в работе учреждения. Великие реформы Александра II отразились на всех сферах общественной жизни Российской империи. Либерализация и относительная демократизация сказались и на жизни Севастопольской библиотеки. В конце 1861 года комитет директоров учреждения несколько раз собирался для обсуждения статей обновленного устава, и каждое заседание сопровождалось живой полемикой. Возникшие спорные вопросы были отпечатаны и в апреле 1862 года разосланы всем действительным членам библиотеки. К 15 октября того же года ответы были получены от 395 лиц, и мнение каждого учитывалось при составлении окончательного проекта устава.

Великий князь Александр Михайлович

Великий князь Константин Николаевич

Петр Алексеевич Безобразов

Николай Эдуардович Гейнце

Алексей Самуилович Грейг

Император Николай I

Игнатий Николаевич Потапенко

Сергей Петрович Тыртов

Уже первая глава этого документа фиксировала сложившееся на тот момент положение вещей. В нем прописывалось, что Севастопольская морская библиотека сохраняет это название независимо от места нахождения. Она делилась на два отделения, первое из которых находилось в порту, где сосредотачивались главные морские силы Черноморского ведомства, а второе – в одном из других портов.

Вторая глава делила членов библиотеки на действительных, временных и почетных. Оговаривались права и обязанности каждой группы, а также размер ежегодных взносов, который стал составлять 6 рублей. Данная цифра, по сути, не отличалась от установленного ранее взноса размером в один процент от жалования офицеров. В выигрышном положении оказывались генералы и адмиралы, чьи траты на поддержку библиотеки сокращались. Изменения в порядке оплаты обосновывались соблюдением принципов равноправности членов комитета и устранением недоразумений, возникавших из-за неравномерности финансовых поступлений.

Третья глава сохраняла управление библиотекой посредством комитета из семи членов, из которых избирался председатель и секретарь-казначей. При этом жалованье получали только библиотекарь (400 рублей в год) и его секретарь (300 рублей). Кроме того, 300 рублей ежегодно ассигновалось на вознаграждение писарей, сторожей и рассыльных. В других главах устава описывались обязанности читателей и правила пользования книжным фондом. В целом документ соответствовал всем актуальным стандартам того времени и показал отсутствие равнодушия к судьбе библиотеки в кругах ее респондентов.

С момента своего основания Севастопольская библиотека не знала никаких форм отчетности, что приводило к регулярным злоупотреблениям со стороны ее сотрудников. Только в 1842 году была введена должность секретаря-казначея, который должен был следить за порядком работы учреждения. С 1844 года появились первые отчеты о деятельности книгохранилища. С начала 60-х годов XIX столетия, за исключением времени функционирования «Морского сборника» как преимущественно технического издания, эти документы регулярно публиковались на страницах флотского издания. Отчеты являются важнейшим источником по истории библиотеки. Оторванное от родного Севастополя учреждение развивалось не лучшим образом, даже несмотря на то, что его попечителем был великий князь Константин Николаевич [5; 6].

Наиболее полный отчет, отражающий перипетии возвращения библиотеки в родной город, был опубликован в первом номере «Морского сборника» за 1902 год [7]. В нем подтверждается, что после осады Севастополя в ходе Крымской войны библиотечное имущество было перевезено в Николаев и долгое время хранилось в ящиках. Сокращение Черноморского флота, вызванное последовавшим за поражением в войне Парижским мирным договором, ограничило средства библиотеки. Находясь в другом городе, она мало интересовала читающую публику, мало посещалась и довольно редко пополнялась: за 28 лет (по 1885 год) коллекция учреждения пополнилась 4 тысячами томов. В конце 80-х годов XIX века библиотека перестала пользоваться вниманием читателей и начальства. В это время была предпринята удачная попытка вернуть книжные фонды в Севастополь. В результате в 1890 году библиотека вновь открывает свои двери в главном для Черноморского флота городе.

Возвращение благотворно сказалось на состоянии учреждения: быстрыми темпами пополнялось его собрание, наблюдались улучшения в работе.

Благодаря опубликованным в «Морском сборнике» отчетам Севастопольской морской офицерской библиотеки, можно охарактеризовать вкусы читающей публики города [8]. Самым популярным автором в начале XX века стал забытый ныне беллетрист Игнатий Николаевич Потапенко, заметно опередивший коллег по числу читательских заказов (527 требований). Его произведения в доступной форме отражали злободневные вопросы жизни общества конца XIX – начала XX века. Еще одним фактором, способствовавшим такому достижению, стала чрезвычайная творческая плодовитость автора. Вторым по востребованности стал писатель Николай Эдуардович Гейнце, сочинявший романы на историческую тематику – увлекательные, но крайне далекие от правды. Его книги заказывали 448 раз. Более серьезный литератор – классик польской литературы Генрик Сенкевич – с 436 требованиями стал третьим. Следующими по популярности авторами стали сочинитель военных и бытовых романов Василий Иванович Немирович-Данченко, литератор-маринист Константин Михайлович Станюкович и, наконец, Лев Николаевич Толстой и Эмиль Золя. Для сравнения укажем, что книги графа-ветерана Севастопольской обороны горожане заказывали 323 раза.

Показателен и список книжных предпочтений абонентов Севастопольской морской офицерской библиотеки. В этом рейтинге Л. Н. Толстому удалось уверенно превзойти всех прочих прозаиков: «Войну и мир» севастопольцы заказывали 136 раз, а «Анну Каренину» – 107. Другими популярными книгами стали «Потоп» Генрика Сенкевича, «Декамерон» Джованни Бокаччо и «Петербургские трущобы» Всеволода Владимировича Крестовского. Из периодических изданий наиболее читаемыми были журналы «Русский вестник», «Наблюдатель», «Русская мысль», «Мир Божий» и «Вестник Европы».

Повышенное внимание читателей и масштабное пополнение фондов библиотеки приводило и к некоторым неудобствам в функционировании учреждения. Так, для новых книг в 1901 году было сделано три двойных дубовых книжных шкафа, их поставили в раздаточной комнате, что стеснило место при выдаче книг читателям [9].

Председателем библиотечного комитета в 1902 году был контр-адмирал Петр Алексеевич Безобразов, который в то время занимал должность младшего флагмана Черноморской флотской дивизии. Попечителем учреждения был главный командир Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирал Сергей Петрович Тыртов. Пост почетного директора библиотеки занимал великий князь Александр Михайлович – руководитель Главного управления торгового мореплавания и портов и член Государственного совета, долгое время служивший в Севастополе [10].

Выписывались периодические издания на русском, польском, французском, немецком, английском и итальянском языках. По своему содержанию это были общественно-политические, технические, научные, флотские и развлекательные газеты и журналы. В 1903 году библиотека выписывала 141 наименование русских изданий и 54 иностранных названия. За тот же период учреждение посетили 15176 человек, из которых мужчин – 10892, а женщин – только 4284 [11]. На финансиро-

вании библиотеки в начале XX века принципиально не сказались даже кризисные явления, связанные с Русско-японской войной [12].

Последний из выявленных отчетов о деятельности библиотеки относится к 1907 году [13]. Как и в прежние годы, библиотекой руководил комитет. В 1907 году количество читателей составляло 14020 человек. По-прежнему огромное внимание уделялось пополнению библиотечных фондов. С этой целью учреждение сотрудничало с большинством существовавших тогда отечественных университетов, ученых обществ и других организаций. Так, Таврическая ученая архивная комиссия передала в фонды библиотеки четыре тома своих «Известий». Продолжали жертвовать книги и отдельные лица, среди которых следует выделить известных ученых: Сигизмунда Александровича Мокржецкого, Иринарха Полихрониевича Скворцова и Николая Николаевича Любавина. Севастопольская библиотека оставалась распорядителем стипендий имени адмиралов В. А. Корнилова и П. С. Нахимова. За отчетный период стипендиатами стали сын делопроизводителя Николаевской портовой конторы Борис Федосеев и сын помощника классных наставников Ейского реального училища Михаил Завадовский.

Таким образом, журнал «Морской сборник» на протяжении всей своей досоветской истории уделял внимание Севастопольской Морской библиотеке. На страницах издания публиковались как исторические очерки об учреждении, так и так и отчеты комитета директоров. Из материалов первой группы следует выделить статью В. Зарудного. В ней подробно рассмотрена история основания библиотеки и строительства помещения для нее. Обстоятельностью отличались библиотечные отчеты. В них содержится информация о количестве читателей, их предпочтениях, финансировании учреждения, его общественной и просветительской деятельности. Следовательно, журнал «Морской сборник» является важнейшим источником по истории Севастопольской Морской библиотеки.

Список использованных источников и литературы

1. Леписевич Н. З. История Севастопольской Морской библиотеки на страницах журнала «Морской сборник» // Праці Центру пам’яткознавства: зб. наук. пр. / Центр пам’яткознавства НАН України і УТОПІК. – К., 2013. – Вип. 23. – С. 7 – 20.

Lepisevich N. Z. Istorija Sevastopol'skoj Morskoj biblioteki na stranicah zhurnala «Morskoj sbornik» // Praci Centru pam’jatkoznavstva: zb. nauk. pr. / Centr pam’jatkoznavstva NAN Ukraïni i UTOPIK. – K., 2013. – Vip. 23. – S. 7 – 20.

2. Морская Севастопольская библиотека // Морской сборник. – 1855. – Т. 15. – № 3. – отд. оф. – С. 1–7.

Morskaja Sevastopol'skaja biblioteka // Morskoj sbornik. – 1855. – T. 15. – № 3. – otd. of. – S. 1–7.

3. В. Зарудный В. Севастопольская морская библиотека // Морской сборник. – 1862. – Т. 63. – № 12. – отд. неоф. – С. 351–390.

V. Zarudnyj V. Sevastopol'skaja morskaja biblioteka // Morskoj sbornik. – 1862. – T. 63. – № 12. – otd. neof. – S. 351–390.

4. Корнилов А. Несколько слов о новом уставе севастопольской морской библиотеки // Морской сборник. – 1863. – Т. 69. – № 11. – отд. неоф. – С. 219–227.

Kornilov A. Neskol'ko slov o novom ustave sevastopol'skoj morskoj biblioteki // Morskoj sbornik. – 1863. – T. 69. – № 11. – otd. neof. – S. 219–227.

5. Отчет комитета директоров Севастопольской морской библиотеки // Морской сборник. – 1872. – Т. 118. – № 2. – отд. неоф. – С. 89–106.

Otchet komiteta direktorov Sevastopol'skoj morskoj biblioteki // Morskoj sbornik. – 1872. – T. 118. – № 2. – otd. neof. – S. 89–106.

6. Отчет комитета директоров морской офицерской библиотеки // Морской сборник. – 1873. – Т. 124. – № 2. – отд. неоф. – С. 77–91.

Otchet komiteta direktorov morskoj oficerskoj biblioteki // Morskoj sbornik. – 1873. – T. 124. – № 2. – otd. neof. – S. 77–91.

7. Отчет о деятельности Севастопольской морской офицерской библиотеки за 1899–1900 г. // Морской сборник. – 1902. – Т. 308. – № 1. – отд. оф. – прил. 2. – С. 1–32.

Otchet o dejatel'nosti Sevastopol'skoj morskoj oficerskoj biblioteki za 1899–1900 g. // Morskoj sbornik. – 1902. – T. 308. – № 1. – otd. of. – pril. 2. – S. 1–32.

8. Отчет о деятельности Севастопольской морской офицерской библиотеки за 1899-1900 г. // Морской сборник. – 1902. – Т. 308. – № 2. – отд. оф. – прил. 2. – С. 33–76.

Otchet o dejatel'nosti Sevastopol'skoj morskoj oficerskoj biblioteki za 1899-1900 g. // Morskoj sbornik. – 1902. – T. 308. – № 2. – otd. of. – pril. 2. – S. 33–76.

9. Отчет о деятельности Севастопольской морской библиотеки за 1901 г. // Морской сборник. – 1902. – Т. 313. – № 11. – отд. оф. – прил. 3. – С. 1–16; № 12. – отд. оф. – прил. 3. – С. 17–42.

Otchet o dejatel'nosti Sevastopol'skoj morskoj biblioteki za 1901 g. // Morskoj sbornik. – 1902. – T. 313. – № 11. – otd. of. – pril. 3. – S. 1–16; № 12. – otd. of. – pril. 3. – S. 17–42.

10. Отчет о деятельности Севастопольской морской офицерской библиотеки за 1902 г. // Морской сборник. – 1903. – Т. 319. – № 11. – отд. оф. – прил. 2. – С. 1–25.

Otchet o dejatel'nosti Sevastopol'skoj morskoj oficerskoj biblioteki za 1902 g. // Morskoj sbornik. – 1903. – T. 319. – № 11. – otd. of. – pril. 2. – S. 1–25.

11. Отчет о деятельности Севастопольской морской библиотеки за 1903 г. // Морской сборник. – 1905. – Т. 326. – № 1. – отд. оф. – прил. 2. – С. 1–21.

Otchet o dejatel'nosti Sevastopol'skoj morskoj biblioteki za 1903 g. // Morskoj sbornik. – 1905. – T. 326. – № 1. – otd. of. – pril. 2. – S. 1–21.

12. Отчет о деятельности Севастопольской морской библиотеки за 1904 г. // Морской сборник. – 1906. – Т. 336. – № 9. – отд. оф. – прил. 3. – С. 1–18.

Otchet o dejatel'nosti Sevastopol'skoj morskoj biblioteki za 1904 g. // Morskoj sbornik. – 1906. – T. 336. – № 9. – otd. of. – pril. 3. – S. 1–18.

13. Отчет о деятельности Севастопольской морской офицерской библиотеки за 1905–1907 гг. (83–85 гг. ее существования) // Морской сборник. – 1909. – Т. 353. – № 7. – отд. оф. – прил. 3. – С. 1–20.

Otchet o dejatel'nosti Sevastopol'skoj morskoj oficerskoj biblioteki za 1905–1907 gg. (83–85 gg. ee sushhestvovanija) // Morskoj sbornik. – 1909. – T. 353. – № 7. – otd. of. – pril. 3. – S. 1–20.

Lepisevich N. Z. Materials by magazine «Marine collection» about Sevastopol Naval Library / N. Z. Lepisevich // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Scince. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 44–52.

The article describes the publication of the official organ of the naval department of the Russian Empire magazine «Marine Collection», dedicated to the history of the Sevastopol Naval library. Introduction to the scientific revolution of these materials allows us to recover and reconstruct the activities of the institution in the pre-Soviet period. It is noted that the main originator of the stationary library stacks in Sevastopol was Vice-Admiral Vasily Melikhov. Sources of funding agencies in the first years of its existence were identified. The saving activities of the library collections during the Crimean (Eastern) War and post-war fate of the book collection were described. There were researched the «Marine collection» Records of the Committee of Directors of the Sevastopol Naval library. They revealed some issues of the personnel, state capitals, and the book property institutions. The mechanisms of the financial activities and replenishing the funds of the library were clarified. Particular attention was given to the reading tastes of the Sebastopol audience at the turn of XIX/XX centuries.

Keywords: «Marine Collection», Sevastopol Naval Library, the Black Sea Fleet, Report.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 27 (66), № 3. 2014 г. С. 53–57.

УДК 72+75(092)+(477.75)

КРЫМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 20-Х ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ (МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА ПАВЛА ИВАНОВИЧА ГОЛЛАНДСКОГО)

Петрова Э. Б.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

Статья посвящена жизни и творческой деятельности Павла Ивановича Голландского (1861–1939) – профессора архитектуры, художника, искусствоведа, историка и археолога, реставратора, педагога, одного из ярких представителей культуры Крыма 20-х – 30-х гг. XX столетия. Статья основана на документах из Государственного архива Республики Крым и Центрального музея Тавриды. В ней говорится о педагогической деятельности Голландского в Крымском педагогическом институте (ныне Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского), до сего времени остававшейся нам неизвестной. П.И. Голландский работал в институте в должности приват-доцента, читал лекции по этнографии народов Востока и изобразительному искусству, проводил занятия в студенческом кружке по восточному искусству. Он увлекался живописью и был хорошим чертежником. На протяжении многих лет делал чертежи и рисунки для готовившейся им к печати монографии, посвященной истории архитектурных форм (которая осталась незавершенной и неопубликованной). Эти чертежи и рисунки Павел Иванович использовал также на своих занятиях со студентами педагогического института. Ныне они хранятся в фондах Центрального музея Тавриды.

Ключевые слова: культура Крыма 20-х – 30-х гг. XX в., П.И. Голландский, Крымский педагогический институт

Таврический университет был основан в Симферополе в тяжелые годы Гражданской войны в России. Его торжественное открытие состоялось 14 октября 1918 г. [1; 2]. В университете насчитывалось пять факультетов: историко-филологический, физико-математический, юридический, медицинский, агрономический. В нем работали многие известные ученые. Среди гуманитариев – Д. В. Айналов, С. А. Алексеев, Б. Д. Греков, Н. К. Гудзий, Г. В. Вернадский, А. Н. Деревицкий, А. П. Кадлубовский, А. И. Маркевич, В. А. Розов, С. Е. Сабинин, А. Н. Савин, А. А. Смирнов, Г. А. Семека-Максимович, Ф. В. Тарановский, Г. В. Улашин, И. П. Четвериков, Н. Л. Эрнст. Сотрудники университета много сделали для сохранения архивов, музеев, историко-культурных памятников Крыма – всего того, что особенно уязвимо в условиях военного времени.

После установления на полуострове советской власти университет подвергся нескончаемым реорганизациям. Историко-филологический факультет стал философско-словесным, юридический – факультетом общественных наук (при нем действовало восточное отделение). В начале 1921 г. вуз был переименован в Крымский университет им. М. В. Фрунзе. После многочисленных преобразований в составе его педагогического факультета среди других оказались отделения востоковедения и словесно-историческое. В 1925 г. университет понизили в статусе – он стал Крымским государственным педагогическим институтом им. М. В. Фрунзе, состоял из четырех отделений: физико-технического, естественного, русского языка и литера-

туры и востоковедения (в начале 1930-х гг. отделения преобразовали в факультеты). Часть гуманитарных циклов обслуживали кабинет истории искусств и западноевропейской литературы (с библиотекой, картами, коллекциями картин, гравюр, литографий; в кабинете читались лекции по истории западных литератур, по этике и истории искусств [3, с. 35–38]) и кабинет востоковедения.

В 1925–1927 гг. в Крымском педагогическом институте работал профессор Павел Иванович Голландский (14 (26) декабря 1861 г. – 6 февраля 1939 г.) – архитектор, искусствовед, археолог, реставратор, художник, педагог [8]. О его жизни и деятельности мы знаем благодаря документам и иным материалам, в основном хранящимся в Государственном архиве Республики Крым, важны также документы из Центрального муниципального архива г. Москвы, материалы крымской прессы 1920-х – 1930-х гг.

Выпускник Санкт-Петербургского института гражданских инженеров (1892 г.), П. И. Голландский преподавал рисование и черчение по архитектурным формам в Санкт-Петербургском институте путей сообщения, работал помощником главного архитектора в Управлении Балтийской железной дороги, участвовал в реставрации петербургских дворцов. С 1898 г. преподавал в Киевском политехническом институте, с 1910 г. – в должности профессора кафедры архитектуры. Его лекционные курсы – «Архитектурные формы», «История архитектуры», «Римские классические ордера» – были изданы Политехническим институтом. В автобиографии Голландский пишет, что научно-педагогическая деятельность в высшем учебно-техническом заведении была его «всегдашней мечтой» [ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 5 об. – 6]. Его научные интересы были связаны с зодчеством Киевской Руси. Как ученый секретарь Киевского общества истории, археологии и искусства, он занимался археологией и реставрацией памятников киевского средневековья. Важную роль в совершенствовании его образования сыграли поездки во Францию, Германию, Италию, Турцию. В начале 1914 г. он получает предложение занять кафедру профессора по истории искусств древнего Востока в Киевском археологическом институте. Но начавшаяся Первая мировая война разрушает все его планы. В годы Гражданской войны Павел Иванович случайно, из-за транспортной неразберихи, оказывается в Крыму – незнакомом ему крае, сыгравшем огромную роль в его судьбе. Это случилось в 1919 г.

В 1920–1923 гг. он работает в Севастополе, в Херсонесском музее – в должности научного сотрудника. С лета 1923 г. и до 1927 г. – в Симферополе, в Центральном музее Тавриды, являясь его научным хранителем и заведующим художественным отделом. В 1923 г. становится членом Таврического общества истории, археологии и этнографии. Вскоре назначается архитектором Крымского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, истории, старины и народного быта (Крымохрис), а также научным специалистом по охране памятников старины и искусства при уполномоченном Главнауки в Крыму. Занимается обследованием памятников архитектуры, составляет сметы по их ремонту и реставрации. Павел Иванович был в числе организаторов научных всесоюзных конференций: Керченской в 1926 г. и Херсонесской в 1927 г., выступал на них с докладами. В этнографо-археологической экспедиции 1925–1926 гг., проводившейся под руководством профессора И. Н. Бороздина, занимался археологическими разведками и рас-

копками в Старом Крыму, делал обмеры, планы, зарисовки караван-сарая, мечетей Бейбарса и Куршум-Джами, комплекса мечети Узбека и медресе. С 1931 по 1938 г. он работал в Крымгоспроекттресте, занимался реконструкцией старых построек, проектированием и строительством новых зданий в городах Крыма, ремонтом и реставрацией архитектурных памятников в Бахчисарае, Карасубазаре, Евпатории. По словам директора Центрального музея Тавриды, заведующего Крымохрисом А. И. Полканова, он «первым в Крыму обследовал все архитектурные и исторические памятники, сделав полные архитектурные обмеры, составил форму специального научного паспорта и инструкцию к нему» [ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 333. Л. 1]. Одновременно Павел Иванович руководил Крымским отделением Союза советских архитекторов.

Землетрясение, произошедшее в Крыму в ночь с 11 на 12 сентября 1927 г., подвигло Голландского на изучение этого природного явления. Он был назначен председателем Комиссии по обследованию разрушений, нанесенных стихией, а затем и руководителем исследований по изысканию способов восстановления разрушенных построек. Результатом этой деятельности стала серия опубликованных им работ по сейсмологии.

Павел Голландский был не только архитектором-практиком. Перегруженность практической работой не помешала ему заниматься научными исследованиями, писать руководства и инструкции по технической охране памятников старины, публиковать книги, статьи, учебные пособия и преподавать. Значительную часть жизни он посвятил педагогической деятельности, передавая свои знания и опыт молодому поколению. Работу эту любил, а значит, уделял ей немало внимания и времени и наверняка был хорошим лектором.

Одним из учебных заведений, в котором в должности приват-доцента работал П. И. Голландский, был Крымский государственный педагогический институт (ныне Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского). Здесь он читал лекции по этнографии народов Востока и изобразительному искусству [4, с. 12; 7, с. 114; 2, с. 79; 6, с. 105]. Еще в 1920 г. при Таврическом университете был создан Кабинет истории искусств и западноевропейских литератур с собраниями произведений живописи, фотографий, книг по искусству. В этом кабинете проводились занятия по истории литературы, этике, истории искусств. Известный крымский ученый А. И. Маркевич в 1925 г. писал: «При педфаке существуют студенческий кружок… и небольшой художественно-этнографический кабинет. Занятиями по восточному искусству, теоретическими и практическими, руководят проф. А. Н. Деревицкий и проф. Голландский» [5, с. 62–63].

Позже П. И. Голландский преподавал историю архитектуры в Крымском филиале Московского института инженеров коммунального строительства (ныне Московский институт коммунального хозяйства и строительства; его филиала в Крыму уже не существует), с 1938 г. занимал в нем должность заведующего учебной частью. Он также читал лекции и консультировал в Симферопольском строительном техникуме, на разных курсах, организовывавшихся для строителей.

Для теоретических и практических занятий со студентами требовались наглядные пособия. Павел Иванович, будучи художником-любителем и профессиональ-

ным чертежником, изготовлял их сам. Кроме того в течение длительного времени он работал над монографией по истории архитектурных форм – написал значительную часть текста, сделал много чертежей и рисунков [ГАРК. Ф. Р-3812. Оп. 1. Д. 20. Л. 19–20]. (Работу над книгой он не успел завершить, а рукопись ее, к большому сожалению, не сохранилась.)

В 1971 г. вдова Павла Ивановича, Ольга Павловна Голландская, передала в дар Крымскому пединституту папку с его 17-ю чертежами и рисунками по архитектуре эпохи древности и средневековья. Эти чертежи и рисунки, подготовленные для монографии, Голландский наверняка использовал и в качестве наглядных пособий при проведении занятий со студентами (неслучайно Ольга Павловна передала в пединститут именно эту часть большого архива Павла Ивановича, ныне в основном хранящегося в ГАРК).

Эта папка в течение долгого времени хранилась сначала в пединституте, потом в наследовавшем ему Симферопольском государственном университете им. М. В. Фрунзе, в 1999 г. ставшем Таврическим национальным университетом им. В. И. Вернадского. Надпись на папке гласила: «Рисунки и планы по истории архитектуры (Дар художника П. И. Голландского)». Текст в скобках написан рукой профессора Сергея Анатольевича Секиринского (1914–1990), который учился на историческом факультете Крымского пединститута в 1934–1938 гг. (а потом на протяжении всей своей жизни работал в нем, с 1976 г. возглавлял кафедру истории древнего мира и средних веков уже университета). Не исключено, что ему доводилось слушать лекции Павла Ивановича – если не в самом институте, то в других учебных заведениях. А так как Секиринский со студенческих лет увлекался историей генуэзских колоний в Крыму и занимался этой темой в дальнейшем, то он, конечно же, читал его публикации, был в курсе ремонтно-реставрационных работ, проводившихся по проектам и под руководством Голландского, в том числе – на памятниках генуэзского времени в Судаке и других местах.

В папке 17 листов с чертежами и рисунками, озаглавленными автором «К истории развития архитектурных форм». На листах 1–3 – архитектурные формы древнего Египта и Месопотамии, 4–10 – древней Греции и древнего Рима, 11–12 – Византии, 13–15 – романский и готический стили средневекового времени, 16–17 – архитектурные стили Италии эпохи Возрождения.

Многие из представленных произведений средневекового зодчества Павел Иванович имел возможность лицезреть и изучать во время поездок в Европу и Турцию. Чертежи и рисунки выполнены отменно, рукой профессионала – чертежника и художника. Архитектурные формы умело подобраны и хорошо скомпонованы – они явно предназначались для публикации. (Эти чертежи и рисунки, а также живописные работы Голландского, хранящиеся в фондах Центрального музея Тавриды, опубликованы мною в книге, посвященной П. И. Голландскому [8].)

В 2011 г. кафедра истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета передала эту папку на хранение в фонды Центрального музея Тавриды. Тогда же к 150-летию со дня рождения Павла Ивановича Голландского в Симферополе на доме по ул. Жуковского, 20, где он жил в 1937–1939 гг., была установлена мемориальная доска.

Список использованных источников и литературы

1. Загородских Ф. С., Зайцев В. Л., Секиринский С. А. История Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе (1918–1959). – Симферополь : Крымиздат, 1960.

Zagorodskih F. S., Zajcev V. L., Sekirinskij S. A. Istorija Krymskogo pedagogicheskogo instituta im. M.V. Frunze (1918–1959). – Simferopol' : Krymizdat, 1960.

2. История Таврического университета / под ред. Н. В. Багрова. – Київ : Либідь, 2013.

Istorija Tavricheskogo universiteta / pod red. N. V. Bagrova. – Kiïv : Libid', 2013.

3. Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе (1918–1928). – Симферополь: Изд-во КПИ, 1928.

Krymskij pedagogicheskij institut im. M. V. Frunze (1918–1928). – Simferopol': Izd-vo KPI, 1928.

4. Личный состав Крымского педагогического института // Известия Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. – Симферополь, 1927. – Кн. 1.

Lichnyj sostav Krymskogo pedagogicheskogo instituta // Izvestija Krymskogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze. – Simferopol', 1927. – Kn. 1.

5. Маркевич А. И. Краеведческая работа в Крыму // Крым. – М., 1925. – № 1.

Markevich A. I. Kraevedcheskaja rabota v Krymu // Krym. – M., 1925. – № 1.

6. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР : исследования и документы / авт.-сост. А. В. Хливнюк. – Симферополь : ОАО «СГТ», 2008.

Ohrana i izuchenie pamjatnikov istorii i kul'tury v Krymskoj ASSR : issledovanija i dokumenty. / Avt.-sost. A. V. Hlivnjuk. – Simferopol' : OAO «SGT», 2008.

7. Очерки истории Симферопольского государственного университета (1918–1993). – Симферополь: Таврида, 1993.

Ocherki istorii Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta (1918–1993). – Simferopol': Tavrida, 1993.

8. Петрова Э. Б. Павел Иванович Голландский и его крымская эпопея. – Феодосия : ИД «Коктебель» ; Симферополь : Н. Оріанда, 2013.

Petrova E. B. Pavel Ivanovich Gollandskij i jego krymskaja epopeja. – Feodosija : ID «Koktebel'» ; Simferopol' : N. Orianda, 2013.

Petrova E. B. The Crimean University in the 20-s of the XXth century (Unknown pages of the scientific and pedagogical activities of Professor Pavel Ivanovich Gollandsky) / E. B. Petrova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Scince. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 53–57.

The article is devoted to the life and creative activity of Pavel Ivanovich Gollandsky (1861–1939) who was a professor of architecture, an artist, an art critic, a historian and an archaeologist, a restorer, a teacher, one of the brightest representatives of the Crimean culture of 20-30-s of the XXth century. The article is based on the documents from the State archive of the Republic of Crimea and the Central Museum of Taurida (Simferopol). It refers to the pedagogical activities of Gollandsky in the Crimean Teacher's Training Institute (now V.I. Vernadsky Crimean Federal University), hitherto remained unknown to us. P.I. Gollandsky worked at the Institute as an associate Professor, lectured Ethnography of the Eastern peoples as well as Fine Arts, conducted Oriental Arts classes for a group of students. Gollandsky was fond of paintings as well as a good draftsman. For many years he made the drawings and paintings for his future monograph devoted to the history of architectural forms (which remained unfinished and unpublished). Pavel Ivanovich also used these drawings and paintings in his classroom work with the students of the Crimean Teacher's Training Institute. Now they are stored in the collections of the Taurida Central Museum.

Key words: culture of the Crimea of 20-30-s of the XX century, P.I. Gollandsky, Crimean Teacher's Training Institute.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 27 (66), № 3. 2014 г. С. 58–67.

УДК 94(477.75) "1985/1991"

К ВОПРОСУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КРЫМА В ГОДЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Трещева И. В.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: i.treshcheva@gmail.com

Исследуется состояние экономики Крымской области на протяжении 1985-1991 гг. Дана характеристика реформаторской политики советского руководства и ее реализации в Крыму. Особое внимание обращено отображению развития кооперации, индивидуальной трудовой деятельности, особенностям развития отраслей промышленности и сельского хозяйства. Проанализирована эффективность осуществления реформ в границах Крымского полуострова и их влияние на экономическое положение Крыма к началу 1990-х гг.

Ключевые слова: экономика, кооперация, «перестройка», экономическое развитие, экономические реформы.

В последние десятилетия экономическая история все более интересует исследователей. На современном этапе развития историко-экономического знания требуют большего внимания и новых подходов к изучению вопросы экономического развития отдельных регионов, оценка их роли в развитии страны, характера специализации и кооперирования на различных этапах отечественной истории. В этой связи приобретает актуальность исследование истории экономического развития Крыма, в частности, в годы «перестройки». Период 1985-1990 гг. должен был стать временем вызревания экономических реформ, направленных на интенсификацию производства и переход от командно-административной системы к рынку. На практике радикальные преобразования периода перестройки привели к мощнейшим политическим потрясениям и тяжелейшему системному кризису. Экономическая жизнь полуострова на протяжении указанного периода подвергалась реорганизациям и преобразованиям в рамках общей политики обновления.

Экономические процессы в Крыму в годы «перестройки» получили отображение в исследованиях географов и экономистов уже в первой половине 1990-х гг. Отдельные аспекты, связанные с состоянием промышленности, сельского хозяйства и осуществлением отдельных реформ в рамках «перестройки» отображены в исследованиях Твердохлебова И. Т., Кудрявцевой В. Б., Швеца А. Б. [1], Клейменова А. М.[2], Попова О. Д. [3]. Однако целостный анализ состояния экономики Крыма в указанный период не проводился.

К середине 1980-х гг. Советский Союз оказался на грани экономического и социального кризиса. Очевидной была необходимость смены приоритетов в экономической политике и внедрения новых методов хозяйствования. Новым руководством страны (в 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал М. С. Горбачев) была представлена стратегия ускорения социально-экономического развития страны. Концепция нового курса была развита в «Основных направлениях экономического и

социального развития СССР на 1986-1990 гг. и на период до 2000 г.». Предполагалось ускорение научно-технического прогресса, технической реконструкции народного хозяйства с использованием новейших достижений науки и техники, модернизации машиностроения, а на этой основе и всего народного хозяйства, а также – активизация «человеческого фактора». Принятый курс не означал ликвидации командно-административной системы, а лишь ее «усовершенствование», исправление определенных «деформаций» [4]. Однако, принятые на этом этапе мероприятия дали определенный позитивный эффект: несколько возросла продуктивность труда, возросли капиталовложения, в частности в социальную сферу. Так, ежегодные темпы роста продуктивности труда в промышленности Крыма на протяжении 1985-1987 гг. составили в среднем 5–7% [5, с. 56], а капиталовложения за 5 лет возросли на 412 млн. руб., и в 1991 г. составили 2688 млн. руб. [6, с. 139].

На практике, уже год спустя, оказалось, что данный курс не может быть реализован без изменения всех сфер общественной жизни, поэтому к лету 1987 г. на первый план выходит более объемное направление, сконцентрированное в понятии «перестройка». В постановлении «О заданиях партии по коренной перестройке управления экономикой» указывалось, что ключевым заданием перестройки, важным условием ускорения социально-экономического развития есть радикальная реформа управления экономикой. Реформирование было начато с основного звена экономики – предприятия и объединения. В соответствии с законом «О государственном предприятии» от 30 июня 1987 г. предприятия получали больше самостоятельности, самоуправление, право перехода на самофинансирование, а именно: заключать контракты со своими поставщиками и потребителями; устанавливать прямые, без посредничества Госплана СССР, связи с другими субъектами хозяйствования; увеличивать заработную плату и премии работникам в случае перевыполнения плана и устанавливать ассортимент продукции. Однако провозглашенная самостоятельность оставалась только на бумаге. Отсутствие свободного рынка цен, товаров, рабочей силы и денег не позволяла предприятиям использовать свои новые возможности для эффективной хозяйственной деятельности. С другой стороны, руководители, не являясь собственниками при отсутствии жесткого административного контроля со стороны государства, не проявляли заинтересованности в долгосрочном и эффективном развитии предприятий. Нередко администрация предприятий в полном объеме использовала имеющиеся в системе противоречия для собственной выгоды [7, с. 505].

Во второй половине 1980-х гг., фактически, впервые за шестьдесят лет, в СССР была легализована предпринимательская деятельность. В ноябре 1986 г. был принят закон «Об индивидуальной трудовой деятельности». На основании его положений допускалось индивидуальное предпринимательство в сфере производства товаров народного потребления и бытового обслуживания. Закон «О кооперации» в мае 1988 г. еще более расширил рамки частной инициативы, поскольку провозглашал равноправность государственного и кооперативного сектора экономики. Рамки легального частного сектора, который формировался под влиянием этих двух законов, ограничивались трема десятками видов производства товаров и услуг. По состоянию на 1989 г. в Крыму индивидуальной трудовой деятельностью было занято

6,2 тыс. человек. Наибольшее проявление частная инициатива получила в сфере кустарно-ремесленных промыслов, где было занято 3,2 тыс. человек, в бытовом обслуживании – 2,1 тыс. человек. Большинство граждан, занятых индивидуальной трудовой деятельностью в сфере кустарно-ремесленных промыслов, производили швейные изделия 32%, бижутерию, сувениры и галантерею больше 26% [8, с. 41–42]. В Крымской области в 1989 г. насчитывалось 2 498 кооперативов, в 1991 г. уже 2 785, в которых было занято в 1991 г. боле 54 тыс. человек, а объем реализованной продукции, работ и услуг составил 704,2 млн. руб. [9]. Наибольшее количество кооперативов было сосредоточено в городах Симферополе (989), Севастополе (585), Евпатории (239), Феодосии (221) [10, с. 135]. Наивысшего развития кооперативы получили в розничной торговле, общественном питании и рекреационном хозяйстве. Наиболее благоприятной для развития частной инициативы в Крыму оказалась сфера экскурсионного обслуживания, поскольку вложенные деньги быстро давали прибыль. Например, в Евпатории в 1990 г. проведением экскурсий занимались кооперативы «Эдельвейс» и «Мотор. Организаторы экскурсий Евпаторийского бюро путешествий и экскурсий одновременно сотрудничали с этими кооперативами, направляя туда потенциальных клиентов, которые даже не понимали, что их обслуживает кооперативная организация, а не бюро путешествий и экскурсий. В то же время, кооперативы всегда имели в наличии «живые» деньги и могли сразу произвести расчеты, что давало возможность получить лучшие автобусы для экскурсионных перевозок [11].

Быстрые темпы развития, в первую очередь, характерны кооперативам, которые паразитировали на больших предприятиях с согласия администрации, и их доходы были диаметрально противоположными убыткам предприятий. В результате власть потеряла возможности контролировать позиции негосударственного сектора и употребляла множественные ограничения, которые сужали самостоятельность кооперативов [12, с. 506]. Таким образом, попытка внедрения элементов частной собственности и рыночных отношений в действующую советскую экономическую модель не увенчалась успехом.

В структуре промышленного производства Крыма к середине 1980-х гг. ведущую роль занимала пищевая промышленность, на которую приходилось более 30% произведенной продукции, машиностроение и металлообработка – более 20% и химическая промышленность – более 13% [13, с. 69]. Металлургическая промышленность в 1989 г. занимала 2% в производстве промышленной продукции. Кроме того, в Крыму она имела ограниченные перспективы, поскольку была остановлена разработка месторождений железной руды. Причинами такого решения стало, во-первых, низкое качество руды, во-вторых, открытый способ добычи очень негативно влиял на земельный фонд Керченского полуострова, где до 1989 г. было выведено из сельскохозяйственного оборота 1,5 тыс. га [14, с. 217-218]. С 1989 г. добыча в Камыш-Бурунском бассейне железной руды была уменьшена, а Камыш-Бурунский комбинат был переориентирован на агломерацию железных руд Криворожского бассейна, которые после отправлялись на металлургические комбинаты Украины. К началу 1990-х гг. металлургическая отрасль стала нерентабельной для Крыма. На протяжении 1986-1990 гг. экономический эффект составлял в металлургическом производ-

стве 0,5 млн. руб. при среднем показателе для промышленности Крыма 28,5 млн. руб. на год [15, с. 5].

В указанный период, огромное значение придавалось развитию машиностроительной отрасли, на которую, по состоянию на 1990 г. приходилось более 30% основных производственных фондов [16, с. 66]. В годы «перестройки» возрос удельный вес судостроения и судоремонта. Так, по состоянию на 1991 г. самыми большими предприятиями этой отрасли стали «Севморзавод» в Севастополе, который специализировался на выпуске плавкранов, в Феодосии производились механизмы для погрузочных работ. Завод «Залив» в Керчи производил разного типа и грузоподъемности суда. В основном это были нефтеналивные суда с повышенной экологической безопасностью, производство которых со второй половины 1980-х гг. было направлено на экспорт. На этих предприятиях быстрее внедрялись новые технологии, происходило техническое переоснащение и модернизация производства. В то же время, заводы по производству машин для потребностей пищевой промышленности и сельского хозяйства к середине 1980-х гг. отошли на другой план и производили продукцию по устаревшим технологиям. На протяжении 1985–1990 гг. получило дальнейшее развитие точное машиностроение, которое было представлено в Крыму огромным количеством заводов электротехнического, радио-, телевизионного профиля, выпуск электронного оборудования, средств связи, оптических и навигационных приборов. В частности, в Севастополе началось освоение выпуска стереомагнитолы «Бирюса», радиоприемника «Парус», на объединении «Фиолент» в Симферополе начался выпуск звукоаппаратуры, включая магнитолу «Ореанда» [17, л. 5].

Существенное место в промышленной структуре Крыма стало занимать приборостроение, которое было направлено на выпуск аппаратуры для исследования морских глубин, земельных недр, оптических приборов. Основными предприятиями этого направления стали Севастопольский и Феодосийский приборостроительные заводы, завод «Гидроприбор», Севастопольское объединение «Электрон» и «Квант» и др. Именно точное машиностроение в Крыму на начало 1990-х гг. достигло наибольшего экономического эффекта, продукция которого вышла на внешний рынок [18, с. 72].

Производство продукции химической промышленности за 5 лет возросло на 30% [19, с. 70]. Ведущими заводами в этой области оставались Сакский химический завод, Крымский содовый и Перекопский бромный завод. Однако, предприятия химической промышленности, непосредственно Сивашский анилинокрасочный завод, которые были построены в 1960–1970 гг., работали на привозном сырье и не использовали местные ресурсы, со второй половины 1980-х гг. стали нерентабельными. Так, в 1988 г. убытки на одном Сивашском анилиновом заводе составили 25 млн. руб., в то время как суммарный доход от деятельности химической индустрии Красноперекопского промышленного узла составил 32 млн. руб.[20, с. 73-75]. Проблемой химической промышленности оставалась низкая экологическая культура производства. Большинство заводов, как и раньше, сбрасывали промышленные отходы в море, а результатом деятельности предприятий химической промышленности стало сокращение сельскохозяйственных земель из-за их загрязнения.

На середину 1980-х гг. и в последующий период был заметным спад строительных работ. Это, прежде всего, было связано с хаотичностью в структуре управления и огромным количеством строительных организаций. Так, только на Черноморском побережье Крыма в 1986 г. действовало 103 структурных подразделения, среди которых, только 71 были большими строительными организациями. Все остальные – это были маленькие строительные подразделения, существование которых, в большинстве случаев было нерентабельным. В результате капитальное строительство области превратилось в отстающую область экономики [21, с. 19–21].

Нерешенной оставалась проблема обеспечения ежегодно возрастающих потребностей области в электроэнергии. Крымские электростанции по состоянию на 1985 г. производили 11% необходимой электроэнергии. Основную часть потребляемой крымским хозяйством электроэнергии поставляли энергосистемы Донецко-Приднепровского и Южного экономических районов (соответственно 36,9 и 52,1%) [22, л. 16]. С целью решения энергетических проблем Крыма было начато в 1970-е гг. строительство АЭС. Однако Чернобыльская катастрофа подорвала доверие к безопасности использования атомной энергетики, кроме того, негативное отношение к строительству вызвали ошибки проектировщиков и неудачный выбор участка для строительства станции в районе с повышенной сейсмичностью. В результате к концу 1980-х гг. строительство было приостановлено, а помещения и сооружения электростанции начали использовать под учебно-тренировочный центр Минатомэнергопрома СССР [23, л. 25].

Вопросы об остановке строительства Крымской АЭС, а также связанные с этим проблемы энергоснабжения Крымской области получили рассмотрение в союзных органах. Непосредственно, для улучшения электроснабжения предприятий области было предложено расширение использования альтернативных источников энергии. В частности, в 1986 г. неподалеку пгт. Щелкино Ленинского района была введена в действие первая в мире солнечная электростанция (СЕС-5). В этот период ученые Крыма создают научные труды и проекты, в которых обосновывалась необходимость использования рациональных источников электроэнергии. Рассматривалась перспектива размещения электроустановок на горном плато Ай-Петри, Карабi-Яйла, Арбатской стрелке, западном Крыму [24, с. 64]. Однако на то время альтернативные источники электроэнергии не были в силах обеспечить растущие потребности области в электроэнергии и нуждались в значительных инвестициях.

Легкую промышленность в соответствии с постановлением Совета министров СССР «О мерах по увеличению производства и ускорению насыщения рынка товарами народного потребления» (август 1988 г.) планировалось модернизировать и увеличить количество предприятий. Несмотря на взятый курс по увеличение товаров народного потребления, на предприятиях легкой промышленности довольно медленно внедрялась новая техника и технологии, результатом чего стал узкий ассортимент товаров и отставание от новейших тенденций в моде. Кроме того, продукция легкой промышленности Крыма в 1991 г. удовлетворяла только 10–15% от потребностей населения [25, с. 24], остальная часть завозилась из других областей.

Преобразования происходили и в аграрном секторе. Они сводились к перестройке системы управления в сельском хозяйстве (был создан Госагропром), неко-

торого расширения самостоятельности колхозов и совхозов, а также предоставление прав непосредственным производителям брать землю в аренду на длительный срок (до 50 лет) и распоряжаться произведенной продукцией. По сути, это была попытка создать «социалистическое», то есть, не внедряя частную собственность на землю, подконтрольное государству фермерство. Однако, эти меры не дали позитивных результатов. Создание Госагропрома, который объединял практически все министерства и ведомства отрасли, не дало существенного эффекта в решении сельскохозяйственных проблем: ослабление остроты продовольственной проблемы и обеспечения реальной самостоятельности колхозов и совхозов. Крестьяне-арендаторы встретились с огромными трудностями в финансировании, приобретении техники, организации производства и сбыта продукции.

В структуре новосозданного агропромышленного комплекса сельское хозяйство было ведущей отраслью. Его доля в произведенном национальном доходе в указанный период составила 30-35%, а на потребности сельского хозяйства выделялось 22.7% основных производственных фондов. В период «перестройки» еще больше усилились урбанистические процессы, поэтому в сельском хозяйстве было занято лишь 13,4% рабочих. Ежегодные темпы роста сельскохозяйственной продукции на протяжении 1985–1991 гг. составляли 3–4% [26, с. 11]. Характерной чертой сельскохозяйственного производства во второй половине 1980-х гг. являлась сложившаяся специализация. К началу 1990-х гг. в Крыму действовало 59 специализированных хозяйств по производству молока, 20 – по производства говядины, 17 – по производству свинины и др. [27, с. 300–301].

В указанный период незначительно выросли посевные площади сельскохозяйственных культур с 1193, 9 тыс. га в 1985 г. до 1198,8 тыс. га в 1991 г. [28, с. 101], увеличилась урожайность и валовый сбор сельскохозяйственных культур. Так, если в период с 1981 по 1985 гг. среднегодовая урожайность зерновых культур составила 26,8 ц/га, подсолнечника 12 ц/га, овощей 200,5 ц/га, то в 1986-1990 гг. – 33,6 ц/га, 13,6 ц/га и 206,1 ц/га соответственно. Валовый сбор зерновых культур увеличился с 1568,2 тыс. т в 1981-1985 гг. до 1947,2 тыс. т в 1985-1990 гг, подсолнечника с 53,94 до 62,93 тыс. т и овощей с 438,7 до 448 тыс. т соответственно [29, с. 106]. Особое место в агропромышленном комплексе Крыма занимала эфиромасличная отрасль. Площади под эфиромасличными культурами в 1991 г увеличились до 7,5 тыс. га по сравнению с 4 тыс. га в 1965 г. Промышленное значение в Крыму имело выращивание лаванды, шалфея мускатного, розы. Незначительные площади были заняты под розмарином, ладанником, ирисом, фиалкой, лилией белой [30, с. 18].

Однако, одна из важнейших отраслей сельского хозяйства Крыма – виноградарство, в период «перестройки» пришла в упадок. Из-за суровой зимы 1984–1985 гг. 40% площадей виноградных насаждений были повреждены морозами. Со второй половины 1980-х гг. в ходе антиалкогольной кампании происходит целенаправленное разрушение виноградарства как сырьевой базы виноделия [31, с. 103]. В результате площади виноградников сократились с 89 тыс. га в 1984 г. до 69 тыс. га в 1988 г. Валовый сбор винограда по всем категориям хозяйств в 1985 г. составил 168 тыс. т, в 1990 – 280 тыс. т., в то время как в 1975 г. было собрано 519,87 тыс. т. [32]. Одновременно значительно сократилось производство вина.

Если в 1975 г. было произведено 11,3 млн. дкл, то в 1985 всего лишь 1,2 млн. дкл, а в 1990 – 4,7 млн. дкл [33].

В животноводческой отрасли к концу 1980-х гг. начинается поступательный спад, что сопровождался уменьшением продуктивности скота и массовым его забоем начиная с 1987 г. В результате, если во всех категориях хозяйств в 1985 г. было 965, 4 тыс. голов, то в 1990 г. – 859, 3 тыс. голов, а в 1991 г. – 835,6 тыс. голов. Однако в личных крестьянских хозяйства поголовье скота в этот период увеличивается. Если в 1990 г. в личных хозяйствах населения находилось 57,8 тыс. голов, то уже в 1991 г. – 68,2 тыс. голов [34, с. 19].

Развитие сельского хозяйства Крыма на протяжении 1985-1991 гг. характеризуется незначительным оживлением сельскохозяйственного производства на начальных этапах проведения реформ и резким снижением показателей начиная с 1990 года. Так, в 1990 г. колхозами и совхозами области было произведено меньше продукции нежели в 1989 г. Начинается спад темпов сельскохозяйственного производства. В частности, по количеству произведенной продукции в 1990 г. не удалось достичь уровня 1989 г.[34, с. 330]. Негативные последствия для сельского хозяйства полуострова имела антиалкогольная кампания, результатом которой стало уничтожение одной из важнейших отраслей сельского хозяйства Крыма – виноградарства. Кроме того, половинчатый характер реформ послужил разрушению колхозной системы при отсутствии традиций рыночных форм хозяйствования в сельской местности, что в результате привело к кризису в сельском хозяйстве в первой половине 1990-х гг.

Таким образом, для экономики Крымской области в период «перестройки» были характерны общесоюзные и общереспубликанские тенденции развития. Реформаторская деятельность руководства государства, которое предлагало изменения в разных сферах, часто не согласованные между собой, привела к разбалансированности хозяйства. В результате, к началу 1990 гг. произошло снижение промышленного производства, одновременно, деятельность многих предприятий из-за морально и физически устаревшего оборудования стала нерентабельной. Однако, на предприятиях машиностроительной отрасли, судостроительных заводах продолжается рост и расширение производства. Кроме того, в указанный период на государственном уровне были рассмотрены потенциал и перспектива использования нетрадиционных источников энергии в Крыму. В сельскохозяйственной отрасли реализация экономических реформ во второй половине 1980-х гг. имела краткосрочный позитивный эффект, но уже с 1990 г. является заметным спад сельскохозяйственного производства. Несмотря на наличие позитивных тенденций, в целом, экономическая политика «перестройки», которая имела целью реанимацию экономической жизни и смену приоритетов в осуществлении управления экономикой, в действительности еще больше усугубила стагнацию экономики, что существенно повлияло на события 1990-х гг.

Список использованных источников и литературы

1. Крым: хозяйство : экономико-географический анализ : в 2 ч. / [под ред. Кудрявцева В. Б., Швец А. Б., Твердохлебова И. Т.]. – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1993. Ч. 1. – 80 с., Ч. 2. – 79 с.

Krym: hozjajstvo : ekonomiko-heohraficheskij analiz : v 2 ch. / [pod red. V. B. Kudrajvzeva, A. B. Shvets, I. T. Tverdokhlebova]. – Simferopol`: Redotdel Krimskoho komiteta po pechaty, 1993. Ch. 1. – 80 s., Ch. 2. – 79 s.

2. Клейменов А. М. Строительный комплекс Крыма / А. М. Клейменов. – Симферополь: «Таврия», 1988. – 56 с.

Klejmenov A. M. Stroitel`nyj complex Kryma/ A. M. Klejmenov. – Simferopol`: «Tavrija», 1988. – 56 s.

3. Попов О. Д. Реформування діяльності туристсько-екскурсійних установ Криму за часів «перебудови» 1985-1991 рр. / О. Д. Попов //

archive.nbuv.gov.ua/Portal/Soc_gum/Gileya/2009_21/.../I13.pdf

Popov O. D. Reformuvannja dijal`nosti turysts`ko-ekskursijnykh ustanov Krymu za chasiv «perebudovy» 1985-1991 rr. / O. D. Popov //

archive.nbuv.gov.ua/Portal/Soc_gum/Gileya/2009_21/.../I13.pdf

4. Економічна історія України : історико-економічне дослідження : в 2 т. / [ред. рада В. М. Литвин (голова), Г. В. Боряк, В. М. Гаєць та ін., відп. ред. В. А. Смолій]. – К.: Ніка-Центр. Т 2. – 2011. – 608 с.

Economichna istorija Ukrainy: Istoriko-economichne doslidgennja v 2 t. / [red. rada V. M. Lytvyn (golova), G. V. Borjak, V. M. Gajez` ta in., vidp. red. V. A. Smolij]. – K.: Nika-Tsentr. T. 2. – 2011. – 608 c.

5. Народне господарство Української РСР у 1987 році: Стат. щорічник Держкомстату УРСР / [Відп. за вип. В. В. Самченко]. - К.: Техніка, 1988. – 561 с.

Narodne hospodarstvo Ukrains`koji RSR v 1987 rotsi: Stat. shchorichnyk Derzhcomstatu URSR/ [Vidp. za vyp. V. V. Samchenko]. – K.: Tekhnika, 1988. – 561 s.

6. Народное хозяйство Крымской области. Статистический сборник / Госкомстат Автономной республики Крым. – Симферополь : Таврия, 1996. – 250 с.

Narodnoe khozyajstvo Krymskoj oblasti. Statisticheskyj sbornik/Hoskomstat Avtonomnoj respub-liky Krym/ – Simferopol`: Tavriaj, 1996. – 250 s.

7. Економічна історія України. К.: Ніка-Центр. Т 2. – 2011. – 608 с.

Economichna istorija Ukrainy. K.: Nika-Tsentr. T. 2. – 2011. – 608 c.

8. Народное хозяйство Крымской области. – Симферополь: «Таврия», 1996. – 250 с.

Narodnoe khozyajstvo Krymskoj oblasti. – Simferopol`: «Tavriaj», 1996. – 250 s.

9. Крым: хозяйство. Экономико-географический анализ. Ч. 1. – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1993. – 80 с.

Krym: khozjajstvo. Ekonomiko-heohraficheskij anaiz. Ch. 1. – Simferopol`: Redotdel Krimskoho komiteta po pechaty, 1993. – 80 s.

10. Народне господарство України у 1991 році. Статистичний щорічник / Міністерство статистики України. – К.: Техніка, 1992. – 468 с.

Narodne hospodarstvo Ukrains`koji RSR v 1991 rotsi: Statystychnyj shchorichnyk/ Ministerstva statystyky Ukrainy. – K.: Tekhnika, 1992. – 468 s.

11. Народное хозяйство Крымской области. – Симферополь: «Таврия», 1996. – 250 с.

Narodnoe khozyajstvo Krymskoj oblasti. – Simferopol`: «Tavriaj», 1996. – 250 s.

12. Попов О. Д. Реформування діяльності туристсько-екскурсійних установ Криму за часів «перебудови» 1985-1991 рр. / О. Д. Попов //

archive.nbuv.gov.ua/Portal/Soc_gum/Gileya/2009_21/.../I13.pdf

Popov O. D. Reformuvannja dijal`nosti turysts`ko-ekskursijnykh ustanov Krymu za chasiv «perebudovy» 1985-1991 rr. / O. D. Popov //

archive.nbuv.gov.ua/Portal/Soc_gum/Gileya/2009_21/.../I13.pdf

13. Економічна історія України. К.: Ніка-Центр. Т 2. – 2011. – 608 с.

Economichna istorija Ukrainy. K.: Nika-Tsentr. T. 2. – 2011. – 608 c.

14. Народное хозяйство Крымской области. – Симферополь: «Таврия», 1996. – 250 с.

Narodnoe khozyajstvo Krymskoj oblasti. – Simferopol`: «Tavriaj», 1996. – 250 s.

15. Крым: настоящее и будующее : сборник статей / [под ред. Г. М. Фомина]. – Симферополь: Таврия, 1995. – С. 217-218.

Krym: nastojashcheje i budushcheje : sbornyk statej / [pod red. G. M. Fomina]. – Simferopol : Tavrija, 1995. – S. 217-218.

16. Крым: хозяйство. – Ч. 2. – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1993. – 79 с.

Krym: khozjajstvo. Ekonomiko-heohraficheskij anaiz. Ch. 2. – Simferopol`: Redotdel Krimskoho komiteta po pechaty, 1993. – 93 s.

17. Там же.

Tam zhe.

18. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее ЦГАВО Украины), ф. Р-2. Совет Министров УССР, оп. 15., д. 1800. Документи про складан-ня, уточнення і виконання перспективних і річних планів економічного і соціального розвит-ку УРСР, які вирішуються в республіканських, обласних та інших установах (інформації, зві-ти, тощо), 136 лл.

Tsentralnyy gosudarstvenyy arkhiv vyshykh orhanov vlasty i upravleniya Ukrainy (dale – TSGAVO Ukrainy), f. R-2. Sovet Ministrov USSR, op. 15., d. 1800. Dokumenty pro skladanaj, utochnenaj i vikonanaj perspektivnykh i richnykh planiv economichnoho i sotsialnoho rozvytku URSR, jaky vyrishujtsaj v respublikanskikh, oblasnykh ta inshykh ustanovakh (informatsyy, zvity, toshcho), 136 ll.

19. Крым: хозяйство. – Ч. 1. – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1993. – 80 с.

Krym: khozjajstvo. Ekonomiko-heohraficheskij anaiz. Ch. 1. – Simferopol`: Redotdel Krimskoho komiteta po pechaty, 1993. – 80 s.

20. Там же.

Tam zhe.

21. Клейменов А. М. Строительный комплекс Крыма. – Симферополь : Таврия, 1988. – 56 с.

Klejmenov A. M. Stroitel`nyj complex Kryma. – Simferopol`: Tavrija, 1988. – 56 s.

22. ЦГАВО Украины, ф. Р-2., оп. 7., д. 1795. Інформація Держплану УРСР про розгляд в союзних органах критичних зауважень та пропозицій висловлених учасниками звітно-виробничих партійних зборів і конференцій районних, міських та обласних парторганізацій КПУ, 70 лл.

TSGAVO Ukrainy, f. R-2., op. 7., d. 1795. Informatsiaj Derzhplanu URSR pro rozglayd v so-juznykh organakh krytichnykh zauvazhen` ta propozytsyj vyslovlenykh uchasnykamy zvytno-vyrobnychykh partyjnykh zboriv i konferentsij rajonykh, miskykh ta oblasnykh partorganizazhyj KPU, 70 ll.

23. ЦГАВО Украины, ф. Р-2., оп. 15., д. 1421. Документи про складання і виконання перспективних і річних планів економічного і соціального розвитку УССР (доповідні записки, інформа-ції, тощо), 210 лл.

TSGAVO Ukrainy, f. R-2., op. 15., d. 1421. Dokumenty pro skladannaj i vykonannaj perspek-tyvnykh i richnykh planiv ekonomichnoho i sotsialnoho rozvytku USSR (dopovidny zapysky, in-formatsyy, toshcho), 210 ll.

24. Крым: хозяйство. Ч. 1. – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1993. – 80 с.

Krym: khozjajstvo. Ekonomiko-heohraficheskij anaiz. Ch. 1. – Simferopol`: Redotdel Krymskoho komiteta po pechaty, 1993. – 80 s.

25. Крым: хозяйство. Ч. 2. – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1993. – 79 с.

Krym: khozjajstvo. Ekonomiko-heohraficheskij anaiz. Ch. 2. – Simferopol`: Redotdel Krymskoho komiteta po pechaty, 1993. – 79 s.

26. Твердохлєбов І. Т. Крим. Народогосподарський комплекс / І. Т. Твердохлєбов // Географічна енциклопедія України : в 3 т. / [відп. ред. О. М. Маринич]. – К.: «Українська Радянська Ен-циклопедія» ім. М. П. Бажана, 1990. – Т. 2. – С. 231-234.

Tverdokhlebov I. T. Krym. Narodohospodarskyj complex / I. T. Tverdokhlebov // Geografichna entsiklopedyja Ukrainy : v 3 t. / [Vidp. red. O. M. Marynych]. – K.: «Ukrainska Radjanska Entsik-lopedija» im. M. P. Bazhana, 1990. – T. 2. – S. 231-234.

27. История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках) / [Г. М. Буров, И. Г. Колтухов, Ю. П. Зайцев и др.]. – Симферополь: Атлас-Компакт, 2005. – 324 с.

Istorija Kryma s drevnejshyh vremen do nashyh dnej (v ocherkakh) / [G. M. Burov, I. G. Koltukhov, U. P. Zajtsev I dr.]. – Simferopol : Atlas-Kompakt, 2005. – 324 s.

28. Народное хазяйство Крыма. – Симферополь : Таврия, 1996. – 250 с.

Narodnoe khozyajstvo Krymskoj oblasti. Statisticheskyj sbornik. – Simferopol`: Tavriaj, 1996. – 250 s.

29. Там же.

Tam zhe.

30. Крым: хозяйство. Ч. 2. – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1993. – 79 с.

Krym: khozjajstvo. Ekonomiko-heohraficheskij analiz. Ch. 2. – Simferopol`: Redotdel Krymskoho komiteta po pechaty, 1993. – 79 s.

31. Колісниченко М. П. Розвиток сфери виноградарства в Автономній Республіці Крим як об'єкта державного управління // Держава та регіони. Науково-виробничий журнал. Серія: Державне управління / Гуманітарний університет «Запорізький ін-т державного та муніципального управління». – Запоріжжя, 2009. – № 3. – С. 103-107.

Kolisnichenko M. P. Rozvytok sfery vynogradarstva v Avtonomnij Respublitsy Khym jak objekta derzhavnogo upravlinnaj // Derzhava ta region. Naukovo-vyrobnychyj zhurnal. Seriaj: Derzhavne upravlinnaj / Gumanitarnyj universytet «Zaporizhskyj in-t derzhavnogo ta munitsypalnogo upravlin-naj». – Zaporizhaj, 2009. – № 3. – C. 103-107.

32. Народное хозяйство Крымской области. Статистический сборник / ЦСУ УССР: Статистическое управление Крымской области. – Симферополь : Таврия, 1977. – С. 34.; Народное хозяй-ство Крымской области. Статистический сборник. – Симферополь : Таврия, 1996. – С. 112.

Narodnoe khozyajstvo Krymskoj oblasti. Statisticheskyj sbornik/ TSSU USSR: Statisticheskoe upravlenije Krymskoj oblasty. – Simferopol : Tavriaj, 1977. – S. 34.; Narodnoe khozyajstvo Krymskoj oblasti. – Simferopol`: Tavriaj, 1996. – S. 112.

33. Народное хозяйство Крымской области. Статистический сборник. – Симферополь: Таврия, 1977. – С. 15–16 ; Народное хозяйство Крымской области. Статистический сборник. – Симферополь : Таврия, 1996. – С. 87–89.

Narodnoe khozyajstvo Krymskoj oblasti. Statisticheskyj sbornik. – Simferopol : Tavrija, 1977. – S. 15–16 ; Narodnoe khozyajstvo Krymskoj oblasti. Statisticheskyj sbornik. – Simferopol : Tavriaj, 1996. – S. 87–89.

34. Народное хазяйство Крыма. – Симферополь : Таврия, 1996. – 250 с.

Narodnoe khozyajstvo Krymskoj oblasti. Statisticheskyj sbornik. – Simferopol`: Tavriaj, 1996. – 250 s.

Treshcheva I. V. To the question of economic development of the Crimea in the years of «perestroika» / I. V. Treshcheva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Scince. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 58–67.

The article examines the condition of the economy of the Crimea region during 1985-1991 and gives the characteristic of the reformist policy of the Soviet leadership and its implementation in the Crimea. Based on the analysis of the statistical data and scientific literature, as well as on the archival documents were considered milestones and directions of economic reform.

The article identifies and describes the characteristic features of transformation during 1985-1991, which at the initial stage were carried out in the framework of the course "acceleration of the socio-economic development of the country, and from 1987 changed into much more solid direction, concentrated in the concept of "perestroika". Explores the issues related to reforms in the structure of economic management and changes of ownership. Special attention is given to the development of individual entrepreneurship and cooperation in the Crimea.

The article reveals the peculiarities of the development of basic industries and agriculture. Special attention is paid to the development of chemical, metallurgical industries, to peculiarities of shipbuilding and engineering enterprises. The article touches upon the problem of power supply of the Peninsula due to its own climate and natural resources. It also gives the characteristic of the agricultural sector.

In conclusion, the article analyzes the effectiveness of implementation of reforms within the boundaries of the Crimean Peninsula and their influence on the economic situation in the Crimea to the beginning of the 1990s.

The article is intended for professional historians and anyone interested in the history of the Crimea.

Keywords: economy, cooperation, perestroika, economic development, economic reforms.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 27 (66), № 3. 2014 г. С. 68–75.

УДК 94:331.556(477.75)”19”

REASONS FOR THE ORGANIZATION OF THE POST-WAR SETTLEMENT OF CRIMEA. PERIODIZATION OF THE PROBLEM

Seitova E. I.

Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Crimean Republic, Russian Federation
E-mail: elvina_seitova@mail.ru

The relevance of the article's topic is due to the fact that the postwar history of the Crimea remains thus far the least studied stage of life of the region. Along with this, the End of the Great Patriotic War, which resulted in the deportation of the peoples of the region, the change in administrative status, masses of renaming population settlements, and the implementation of a labor migration program in the Crimea, has dramatically changed the administrative-territorial arrangement and ethnic palette boundaries. The article is written in the interdisciplinary field of humanities. It is directly connected with historical demography and statistics. The methodological tools based on accepted principles in the national historiography of scientific knowledge are historicism, consistency and objectivity. During the development of the article the features of the demographic situation on the peninsula were successfully traced and explored. As a result of administrative reforms, the Crimean ASSR was transformed into the Crimean region, while subjected to frequent zoning reform. The Soviet authorities tried to compensate for the postwar demographic crisis by organizing the resettlement of populations into different regions of the peninsula.

Key words: Crimea, migration, demography, resettlers, system of social benefits

The year 1944 was a turning point for the Crimea. First of all, World War II military operations ended in April for the Crimeans – the region was finally freed. Secondly, during the months of May–July entire peoples were forcibly evicted - people who were an integral component of not only the ethnic palette of the peninsula, but also the labor potential. Thirdly, in 1944 a more than thirty-year program of labor migration to the peninsula began predominately from the collective population of Russia and Ukraine, which served to be the final transformation of the cultural and ethnic map of the Crimea.

By mid-April, the peninsula was finally liberated from Fascist invaders. The capital of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic– the city of Simferopol– was freed on April 13, 1944. The next day the leaders of the Presidium of the Supreme Soviet of the Crimean Autonomous Republic A. N Menbariev (Chairman) and A. Jarantsev (Secretary) arrived there, and on April 23–24, the other members of the Presidium (eight people) returned. During these days the staff of the CPC (Council of People's Commissars) of the Crimean Autonomous Republic arrived, headed by Chairman J. S. Seyfulaev. The restoration of the Soviet authorities began. By mid May 1944, 6 city republican councils, 7 municipal councils of district subordination, 26 district councils, 9 regional councils of city subordination, and 12 township and 410 rural councils were already operating in the Crimea [1, p. 182].

The war inflicted a huge loss on the national economy of the Crimea. Overall economic losses amounted to 20 billion rubles. [2–10].

However, the most irreparable losses of the peninsula were human. In addition to the objective facts of war, populations of people perished as a result of military actions; the

situation had worsened due to the accepted decision to deport Germans, Crimean Tatars, Armenians, Bulgarians and Greeks.

Due to the rapid onset of Hitler's army in the summer of 1941, and the danger of occupation of the Crimea, an eviction operation was hastily carried out on the peninsula. This action came as part of a complex deal by organization in the defense of the Crimea. So about 52 thousand people of German nationality were evicted from the peninsula, who, for the most part, had been compactly living in colony-villages since the 19th century. According to the last pre-war census in 1939, the total population of the region amounted to 1,126,429 people [11, p. 9].

On May 11, 1944, the State Defense Committee made a secret decree to evict all the Crimean Tatars from the territory of Crimea [5, p. 500]. The organ of internal affairs implemented it under the direct supervision of I. A. Serov and A. Kobulov of the Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR. Former leaders of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic were evicted – President of the Presidium of the Supreme Soviet of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic A. H. Menbariev and Chairman of the People's Commissars of the Republic I. S. Seyfulaev. His first charge was to execute his assistant N. I. Sacheva, and A. F. Kabanov, who worked as Deputy Commissar of the Economic Council of the USSR, was approved in his place by the Chairman of the CPC. The acceptance of the properties of the evicted was handled by a special committee of the People's Commissars of the USSR, which attracted more than 2,000 people of the urban and rural population of the Soviet activists to this work. In accordance with the resolution of the National Defense Commission all property by act and by inventory were received by the Commission of the executive committees of village councils, the collective farms [12, p. 183]. Altogether in the country 238,500 Crimean Tatars were deported [13, p. 203].

On June 2, 1944, Stalin signed resolution GKO, which dealt with the expulsion of Bulgarians (12,000 people), Greeks (14,000) and Armenians (11,000) from the peninsula. About 37,000 of them were deported from the peninsula [5, p. 500].

In addition to this, the invaders killed and tortured more than 135 thousand people. More than 85 thousand people were sent from the Crimea to work in Germany. Tens of thousands of Crimean people were killed in the war and in partisan brigades [5, p. 501].

Mobilization of the army and the evacuation of the population, conducted in 1941 and 1942; the forcible eviction of citizens of German nationality in August 1941, followed by the Crimean Tatars, Armenians, Bulgarians and Greeks in May and June of 1944; and the destruction by invaders of tens of thousands of peninsula inhabitants led to a Crimean population drop from 1,127,000 in January 1, 1940, (including: urban population – 586,000 and rural population – 541,000) to 379,000 by the summer of 1944 [13, p. 203]. In the former Crimean Tatar villages no residents were left at all, especially in Alushta, Bakhchisarai, Karasubazarskom, Kuibyshe, and Sudak regions [14, p. 142].

Due to the resulting situation on the peninsula a workforce was desperately needed. In the interior of the government machine of the Soviet state a project "Crimean California" matured, initiated by a group of leaders of the Jewish Anti-Fascist Committee. This plan was actively supported by the American Jewish diaspora. In connection to this, the Kremlin relied on financial assistance for reconstruction and the economy, which was de-

stroyed by the war. In June 1944, Stalin discussed with the president of the American Chamber of Commerce Eric Johnston the plan of resettling the Jews on the peninsula, for which the Soviet Union had pledged to allocate long-term loans after the war [15, p. 50; 13, p. 204].

However, the «Crimean California» failed. Perhaps the reason was political tensions with the United States. Or the authorities were aware that the problem of the settlement depopulation on the peninsula was urgent. But U.S. loans could come only after the war was finished.

In deserted rural areas 15,000 people were immediately ordered out of the cities of the Crimea by the decision of the Presidium of the Supreme Soviet of People's Commissars and the Crimean ASSR. And already on August 12, 1944, the State Committee of Defense of the USSR adopted a resolution «On the Resettlement of the Collective Farm Workers to Areas of the Crimea». In turn, the Council of People's Commissars of the Crimean Autonomous Republic and the Regional Committee of the CPSU (b) adopted this decree on August 18: «On the Colonization of Yalta, Alushta, Sudak, Stariy Crim, Karasubazar, Bakhchisaray, Balaklava and the Kuibyshev District of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic» [16]. In addition, preparations were made for the reception of the population, driven away by force with invaders to Germany. On March 20, 1945, the CPC ASSR adopted a special resolution, «On the Reception and Accommodation of the Repatriated Population». For this purpose, 5,764,000 rubles were allocated. In the second half of 1944–1945, part of the Crimean people returned from their evacuation. Personnel from state and Komsomol mobilization began arriving to help with the revival of the destroyed cities. So, by September 1, 1945, 589,000 people were living in the Crimea, including 281,000 in the cities and 308,000 in rural areas [1, p.183].

In the Soviet Union a proven system to organize resettlement was already developing. The order of mobilization, selection and execution of an organized roaming population was as follows:

- The Emigrant Department of the Executive Committee (Council of Ministers of the Autonomous Republic), having received a management plan from Resettlement, had to begin to develop necessary measures.
- In the draft decision of the Executive Committee (resolutions of the Council of Ministers of the Autonomous Republic) the reference areas, the timing of selection and dispatch of the population, the procedure for carrying out mass work by explanation in land-starved collective farms conditions of the resettlement and pro-rated benefits, as well as the characteristics of the natural and economic conditions of places of immigration were formed.
- Terms of providing people with medical and veterinary services were defined;
- Procedures of services of the transported population with food and fodder for their livestock in transit were established;
- At the same time a procedure for registration of documents with committees was established for the issuing of tickets, passes and passports;
- Commissioners of regional executive committees were appointed (Council of Ministers of the Autonomous Republic), which were directed to areas of a cluster of people;

- Emigrant department of the Executive Committee (Council of Ministers of the Autonomous Republic) had to develop and direct the district executive committees necessary technical guidance on the order of the conduct and organization of work by screening, handling of the immigrants, informing the loading station, the timing of the transport of people and their property to the loading station, the conditions and place of issuance of money benefits and food, etc.

- After the acceptance by the Executive Committee (Council of Ministers of the Autonomous Republic) of the decision (regulation) regarding the terms of selecting people, the Migration Department governed the executive committee's necessary documentation – the application form, shape, the format for the efficiency of reporting, the economic characteristics of the region of immigration, posters, brochures, and materials for regional newspapers' broadcasting [17].

The collective farmers who were selected had to have:

• passports for all family members 16 years of age and older;

• immigration tickets, and for people who moved to the border zone – permits;

• military documents marked with deregistration;

• certificates for students with a mark – in which class the child studied;

• exchange receipts for the surrender of livestock, grain, fodder and other reclaimed organizations;

• a certificate with the amount of shared dues from a general store;

• a certificate of veterinary treatment of animals;

• medical certificate of examinations for each family member [18].

In the history of post-war labour migration to the Crimea, we have allocated three basic periods: 1) 1944–1953 – early settlement of the peninsula. The period is characterized by an extremely low efficiency of resettlement. Labour migration to the Crimea began during the Second World War. This explains the absence of careful preparation of resettlement procedures. And to whom has led to the organization of settlement in the initial stage practically failed. The first new settlers were made to settle in houses of forcibly evicted civilians, in which had not been made not only repairs, but even minimal rearrangements. This had enough psychological impact on the settlers. New arrivals were not met in an organized way, no meetings were held, and individual work was not conducted, giving the impression of hopelessness for their stay in the region. People were sent to the peninsula mainly from grassland farming areas, and local authorities in this period predominately inhabited entirely depopulated southern coastal areas, in which work required a certain labor specialization. Not enough time was given to learn new types of activities. As a result, 56% of the first wave of immigrants, arriving from Bryansk, Voronezh, Orel regions, Krasnodar region, Kursk and Rostov regions, and in part of the Ukrainian SSR (Vinnytsia, Zhytomyr, Kyiv region), until 1948 left the Crimea. This resulted in expedient costs and an unresolved fundamental problem – the settlement of the peninsula for the revival of the economy of the region; 2) 1954–1964 – Crimea is transferred to the USSR. The organization of labor migration is transferred to the government management of the USSR and, accordingly, the main flux of immigrants came to the peninsula from the densely populated areas of Ukraine (Vinnytsia, Volyn, Drohobych, Kyiv, Zhytomyr, Lviv, Poltava, Rivne, Ternopil, Chernihiv, Chernivtsi, and Khmelnytsky). During this period the

new settlers populated the 24 districts of the Crimean region. A feature of this phase was a change of attitude towards immigrants: the local leaders gave prime attention to the business of assigning the new arrivals. They received financial and economic assistance, a resettlement construction program unfolded, and the settlers took courses to be retrained in new specialties. Thanks to these measures the percentage of the unauthorized departures of the population declined significantly. Over the years, it fluctuated. For example, in 1958 it amounted to about 16 percent. But on the whole it failed to gain a foothold in the region of about 8 percent of arrivals. 3) 1965–1976 – The stage is characterized by a well-established pattern of population movement. They more carefully approached the selecting of the resettlement contingent (required rates were registered in special instructions), and considerable attention was paid to the construction of standard housing for settlers. So, for 60–70 years of the twentieth century, population growth in the Crimea was 40.3 percent, and labor resources increased by 60.1 percent. In the formation of population growth mechanical gain exceeded natural; during the third period it composed 72.3 percent of total population growth.

In 1968, an attempt was undertaken for an orderly return of a small number of Crimean Tatars to the peninsula. The Crimean Department Executive Committee dealt with their arrival and accommodation. This process was strictly controlled. Two thousand four hundred sixty eight people returned in an organized way from the Uzbek SSR to the Crimean region of the USSR. All unauthorized arrivals of citizens of Crimean Tatar nationality were deported again.

In 1976, the regional department for the use of labor resources of the Executive Committee of the Crimean Regional Council of People's Deputies decided that one of the most effective ways to optimize the use of labor resources should be the intraregional migration of families from the cities, villages and towns of the workers of the Crimean region, as well as of families who had arrived from other regions of the country at the invitation of farms which had determined a relevant plan. Thus, the planned organization of labor migration to other areas of the Crimea was completed in 1976.

The system of benefits, which was provided to new settlers, became crucial for the consolidation of the new lands. The state took care of all costs associated with the transportation of people and their property, a one-time grant in the amount of 2,500 rubles per family was projected, loans for household furnishings and other needs in the amount of 5,000 rubles was provided, which could be repaid within 5 years, the settlers were exempted for the year from all public money taxes, insurance premiums, and from the the supply of agricultural and livestock products to the state, loans for the construction of houses were provided, and to displaced people were given agricultural products and livestock in return for leasing them in their former places of residence. A construction program played a special role regarding the assignment of people to their new places of residence. If in the early years of the settlement Crimea migrants resettled in the homes of deported citizens, then eventually they began to build standard residential buildings, which were built haphazardly at first, but then in accordance with long-term plans. In the Crimean migrant collective and state farms, houses were built to the standard design M-2-K, and at the end of the 60-s – M-3-K - improved size and comfort. Projects varied in size and comfort.

State structures, directed by the resettlement – (Main) Resettlement Administration under the Council of the People's Commissars (Council of Ministers) of the RSFSR, the Main Administration of organized recruitment of workers and relocation of families under the Council of Ministers of the USSR – often reorganized. With the ringing the realization of a program of labor migration were resettlement departments, which were receiving the registration of new settlers, and to ensure their economic structure, provided them with material assistance. Since 1944 the Republican emigrant department of the Council of People's Commissars of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic led this process in the Crimea. The structure was reformed frequently. At the outcome of this period under study, the Crimea (regional) department for the use of labor resources of the Executive Committee of the Crimean Regional Council of People's Deputies was functioning.

The practice of planned regulation of demographic indicators of the Soviet state dramatically changed the course of history of the Crimea and the fate of hundreds of thousands of individuals. The deportation of Germans, Crimean Tatars, Greeks, Bulgarians and Armenians was a manifestation of Stalin's anti-human policies and led to the impoverishment of an ethnic palette from long ago of a multi-ethnic Crimean Peninsula. The realization of a post-war resettlement program was part of a nation-wide principle of mechanical regulation of demographic processes. From the Crimean aspect it had a goal to reinforce labor resources to restore and develop the economy of the peninsula. Thanks to the displaced people in post-war Crimea, the Slavic population was absolutely overbalanced. According to the 1979 census, 68.4 percent of the population were Russian, 25.6 percent – Ukrainians, 2 percent – Belarusians.

References

1. Акулов М. Р. Восстановительные работы в Крыму в 1944–1945 / М. Р. Акулов // Отечественная история. – 1993. – №1. – С. 182–190.

Akulov M. R. Vosstanovitel'nye raboty v Krymu v 1944–1945 / M. R. Akulov // Otechestvennaya istoriya. – 1993. – №1. – S. 182–190.

2. Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. / [под ред. П. Е. Гармаш, Е. И. Баев]. – Симферополь : Крымиздат, 1963. – С. 16–17.

Krym v Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. / [pod red. P. E. Garmash, E. I. Baev]. – Simferopol': Krymizdat, 1963. – S. 16–17.

3. История городов и сел Украинской ССР : в 26 т. – К., 1974. – Т. 12 : Крымская область. – С. 55–59.

Istoriya gorodov i sel Ukrainskoi SSR : v 26 t. – K., 1974. – T. 12 : Krymskaya oblast'. – S. 55–59.

4. Басов А. В. Крым в Великой отечественной войне 1941–1945 / А. В. Басов. – М. : Наука, 1987. – С. 288–289.

Basov A. V. Krym v Velikoi otechestvennoi voine 1941–1945 / A. V. Basov. – M. : Nauka, 1987. – S. 288–289.

5. Шевченко А. С. Великая Отечественная война / А. С. Шевченко // Крым сквозь тысячелетия / [научный и литературный редактор, составитель Э. Б. Петрова]. – Симферополь : Лира, 2004. – С. 491–504.

Shevchenko A. S. Velikaya Otechestvennaya voina / A. S. Shevchenko // Krym skvoz' tysyacheletiya / [nauchnyi i literaturnyi redaktor, sostavitel' E. B. Petrova]. – Simferopol' : Lira, 2004. – S. 491–504.

6. Максименко М. М. Переселення в Крим сільського населення з інших районів СРСР (1944–1960 рр.) / М. М. Максименко // Український історичний журнал. – 1990. – № 11 (356). – С. 52.

Maksymenko M. M. Pereselennja v Krym sil's'kogo naselennja z inshyh rajoniv SRSR (1944–1960 rr.) / M. M. Maksymenko // Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal. – 1990. – № 11 (356). – S. 52.

7. Очерки по истории Крыма: Крым в период Великой Отечественной войны, в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1941–1965 гг.) / [под ред. И. С. Чирвы]. – Симферополь : Крым, 1967. – Ч. 4. – С. 94–96.

Ocherki po istorii Kryma: Krym v period Velikoi Otechestvennoi voiny, v gody vosstanovleniya i dal'neishego razvitiya narodnogo khozyaistva (1941–1965 gg.) / [pod red. I. S. Chirvy]. – Simferopol' : Krym, 1967. – Ch. 4. – S. 94–96.

8. Крим в етнонаціональному вимірі. – К. : Світогляд, 2005. – С. 312.

Krym v etnonacional'nomu vymiri. – K. : Svitogljad, 2005. – S. 312.

9. Сергійчук В. Український Крим / В. Сергійчук. – К. : Українська видавнича спілка. – С. 189.

Sergijchuk V. Ukrai'ns'kyj Krym / V. Sergijchuk. – K. : Ukrai'ns'ka vydavnycha spilka. – S. 189.

10. Брошеван В. Симферополь: 1941–1944 : историко-документальный очерк о городе Симферополе в годы Великой Отечественной войны / В. Брошеван. – Симферополь : Таврия, 1994. – С. 82.

Broshevan V. Simferopol': 1941–1944 : istoriko-dokumental'nyi ocherk o gorode Simferopole v gody Velikoi Otechestvennoi voiny / V. Broshevan. – Simferopol' : Tavriya, 1994. – S. 82.

11. Этническая история Крыма в таблицах, картосхемах и диаграммах (по данным переписей населения) : информационно-справочное пособие / Автор-состав. А. С. Петроградская. – Симферополь: Антиква, 2007. –20 с.

Etnicheskaya istoriya Kryma v tablitsakh, kartoskhemakh i diagrammakh (po dannym perepisei naseleniya) : informatsionno-spravochnoe posobie / Avtor-sostav. A. S. Petrogradskaya. – Simferopol': Antikva, 2007. –20 s.

12. Акулов М. Р. Восстановительные работы в Крыму в 1944–1945 годы / М. Р. Акулов // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 182–190.

Akulov M. R. Vosstanovitel'nye raboty v Krymu v 1944–1945 gody / M. R. Akulov // Otechestvennaya istoriya. – 1993. – № 1. – S. 182–190.

13. Верменич Я. В. Адміністративно-територіальний устрій України: еволюція, сучасний стан, проблеми реформування / Я. В. Верменич / Ін-т історії України НАН України : у 2 ч. – К., 2009. – 367 с.

Vermenich Ya. V. Administrativno-teritorial'nii ustrii Ukraïni: evolyutsiya, suchasnii stan, problemi reformuvannya / Ya. V. Vermenich / In-t istoriï Ukraïni NAN Ukraïni : u 2 ch. – K., 2009. – 367 s.

14. Корниенко А. Ж. Динамика этнического состава населения Автономной Республики Крым //XI Таврические научные чтения, 28 мая 2010 г. : сб. матер. / Крымское республиканское учреждение «Центральный музей Тавриды» : в 2 ч. – Симферополь, 2011. – Ч. 1. – С. 140–147.

Kornienko A. Zh. Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Avtonomnoi Respubliki Krym //XI Tavricheskie nauchnye chteniya, 28 maya 2010 g. : sb. mater. / Krymskoe respublikanskoe uchrezhdenie «Tsentral'nyi muzei Tavridy» : v 2 ch. – Simferopol', 2011. – Ch. 1. – S. 140–147.

15. Сергійчук В. Український Крим / В. Сергійчук. – К. : Українська видавнича спілка. – 304 с.

Sergijchuk V. Ukrai'ns'kyj Krym / V. Sergijchuk. – K. : Ukrai'ns'ka vydavnycha spilka. – 304 s.

16. Сеитова Э. И. Миграционные процессы в Крыму в 1944–1953 годах : к постановке проблемы / Э. И. Сеитова // Актуальні питання історії науки і техніки : матеріали 8-ї Всеукраїнської наукової конференції/ Центр пам’яткознавства НАН України і УТОПІК. – К., 2009. – С. 49–51.

Seitova E. I. Migratsionnye protsessy v Krymu v 1944–1953 godakh : k postanovke problemy / E. I. Seitova // Aktual'ni pitannya istoriï nauki i tekhniki : materiali 8-ï Vseukraïns'koï naukovoï konferentsiï/ Tsentr pam’yatkoznavstva NAN Ukraïni i UTOPIK. – K., 2009. – S. 49–51.

17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. А-327, оп. 2, д. 446, л. 32.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF), f. A-327, op. 2, d. 446, l. 32.

18. Там же, л. 36.

Tam zhe, l. 36.

Сеитова Э. И. Причины послевоенного переселения в Крым : периодизация проблемы / Э. И. Сеитова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2014. – Т. 27 (66), № 3 – С. 68–75.

Статья посвящена освещению миграционных процессов в Крыму на протяжении 1944–1976 годов. Процесс миграции является чрезвычайно важным для всех сфер жизнедеятельности общества. В данной работе рассматривается история послевоенного переселения в Крым новым, преимущественно колхозным, населением. Дана характеристика ключевых проблем организации массового перемещения

людей из различных областей, краёв РСФСР и УССР в регионы Крыма. Главным фактором, который обеспечивал эффективность данного процесса, было как можно лучшее хозяйственно-бытовое устройство переселенцев. В систему льгот для переселенцев входила: компенсация всех видов затрат, связанных с перевозкой людей из мест выхода до мест вселения; расходов, связанных с благополучным прибытием и расселением новоселов, а также максимально комфортного проживания на полуострове. Особое внимание уделено выполнению планов строительства и специфике предоставления льгот для новоселов. Основным итогом реализации переселенческой программы явилось существенное изменение этносоциальной канвы региона. В статье также представлена периодизация реализации государственной переселенческой программы (1944–1976). Актуальность темы статьи обусловлена тем, что послевоенная история Крыма до сих пор остается наименее исследованным этапом жизни региона. Вместе с тем, Окончание Великой Отечественной войны, которое повлекло за собой депортацию народов из территории региона, изменение административного статуса, массовые переименования населенных пунктов, реализованная программа трудовой миграции в Крым кардинально изменили административно-территориальное устройство и этническую палитру края.

Ключевые слова: Крым, миграция, демография, переселенцы, система социальных льгот

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «Исторические науки». Том 27 (66), № 3. 2014 г. С. 76–87.

РЕЦЕНЗИИ

КРЫМСКИЕ ПАРТИЗАНЫ БЕЗ РЕТУШИ, ИЛИ МОЖЕТ ЛИ НАУЧНАЯ ФОРМА СДЕЛАТЬ НАУЧНЫМ СОДЕРЖАНИЕ*

Романько О.В.

Крымский медицинский университет им. С. И. Георгиевского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: romanko1976@mail.ru

Данная статья представляет собой рецензию на монографию крымского исследователя В.Е. Полякова, посвященную истории советского партизанского движения на территории Крыма в период с 1941 по 1944 г. В результате рассмотрения авторской концепции проблемы показаны основные историографические, источниковедческие, методологические и фактические недостатки проделанного исследования. На основе анализа ошибок В.Е. Полякова доказано, что его монография не является научной работой, а сам он не может быть экспертом по указанной теме.

Ключевые слова: рецензия, В.Е. Поляков, Вторая мировая война, партизанское движение, Крым.

Для советской историографии партизанское движение являлось одним из важнейших сюжетов Второй мировой войны. Более того – одной из несущих конструкций, на которых зиждилась ее официальная история. Именно деятельность «народных мстителей» против оккупантов объясняла, почему эта война являлась «отечественной» и «народной». Поэтому, о партизанском движении писали много. И, казалось, написать что-то новое будет очень сложно. Однако количество не всегда переходит в качество. Советские историки писали о партизанах однобоко, замалчивали неудобные темы или занимались откровенным мифотворчеством. После распада СССР появилась возможность писать о деятельности «народных мстителей» более беспристрастно. В научный оборот был введен значительный массив документов из ранее недос-

* Рец. на кн.: Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. – Симферополь: Ариал, 2013. – 488 с.

тупных архивов. А само партизанское движение стало изучаться на более широком фоне и в связи с такими темами, как оккупационный режим, коллаборационизм, национальные отношения и т.п. Появилось много работ, освещающих борьбу с оккупантами на региональном уровне, например, в Крыму. Правда, все авторы, кто пытался анализировать историю крымских партизан, ставили перед собой узкие задачи, не претендуя на полное описание их деятельности.

В связи с этим, появление монографии крымского краеведа, кандидата исторических наук В. Е. Полякова не могло не привлечь к себе внимания [1]. Здесь следует отметить, что этот автор уже не впервые обращается к истории партизанского движения на территории Крыма. За последние пять лет он опубликовал более двух десятков статей и одну научно-популярную книгу, в которых идет речь о различных аспектах данной темы [2]. В силу ряда причин, научное творчество В. Е. Полякова получает отрицательные отзывы коллег, что, тем не менее, не мешает ему считать себя экспертом по истории Крымского полуострова в период нацистской оккупации [3].

В.Е. Поляков любит отвечать на критику, что его предыдущие публикации носили популярный характер, поэтому подходить к ним с общепринятыми в научном сообществе стандартам, неэтично. Но на этот раз его исследование является строго академическим по форме, у него есть научный редактор, три рецензента в ранге доктора исторических наук. Наконец, к публикации эту монографию рекомендовал Ученый совет Крымского инженерно-педагогического университета, где трудится В. Е. Поляков. То есть, за факты и выводы, содержащиеся в ней, своим научным авторитетом отвечает уже довольно много людей [4].

Однако уже первое знакомство с обложкой монографии вызвало легкое недоумение. Дело в том, что ее заглавие такое же как, у книги севастопольского историка Е. Б. Мельничука, которую тот опубликовал в 2008 году. Это, конечно, не плагиат, но явное нарушение научной этики [5].

Дальше подобных недоумений оказалось еще больше. Даже неспециалисту понятно, что предметом анализа В.Е. Полякова является деятельность советских партизан на территории Крыма в 1941-1944 годах. Тем не менее, зачем он взялся за это исследование, не поймет даже историк-профессионал. Постановка проблемы во введении фактически отсутствует. Автор заменил ее пространным рассказом о появлении и развитии понятий «партизан» и «партизанское движение» с древнейших времен до 1930-х годов. С познавательной точки зрения все это, безусловно, может вызвать интерес. Но связывать особенности советского Движения Сопротивления в период Второй мировой войны и действия скифов во время похода на них персидского царя Дария I как-то очень оригинально *(С. 7–13, здесь и далее все ссылки даются на указанную монографию)*.

Далее, какой тезис пытается обосновать автор? Чем он считает партизанскую войну на территории Крыма? Судя по всему, четкого представления об этом у него нет. Правда, некоторую часть противостояния «народных мстителей» и оккупантов В. Е. Поляков характеризует, как гражданскую войну. С этим можно согласиться – некоторые элементы такой войны в данном противостоянии действительно присутствовали, и главным образом из-за значительного количества местных коллабора-

ционистов. Однако вызывают недоумение хронологические рамки этого конфликта: 1942 – первая половина 1943 года. Если автор связывает это с коллаборационистскими проявлениями, то они начались гораздо раньше (осенью 1941 г.) и закончились гораздо позже (весной 1944 г.). А что было в период с ноября по декабрь 1941 и с июля 1943 по май 1944 года? Характер партизанского движения поменялся? Как эти периоды укладываются в авторскую концепцию? К слову, В. Е. Поляков, делая утверждение о гражданской войне, ссылается на нашу публикацию. Но подобных хронологических рамок там нет. Более того, ни в одной из наших статей и монографий не говорится, что эта гражданская война шла между крымскими татарами и всеми остальными, как утверждает автор *(С. 13, 147)*.

В связи со сказанным, В. Е. Поляков так и не смог поставить перед собой внятную цель. По сути, монография ее вообще не имеет. Есть только задачи, которые, из-за отсутствия постановки проблемы и цели исследования, сформулированы крайне бессистемно. Более того, в этих задачах практически отсутствует новизна, так как многие из них уже были предметом самостоятельного и серьезного изучения других авторов, как отечественных, так и зарубежных. В частности, это касается таких тем, как: проблема коллаборационизма, его формы и предпосылки, оккупационный режим в Крыму, роль авиации в обеспечении деятельности крымских партизан, деятельность православной и мусульманской общин в период немецко-румынской оккупации и т.д. *(С. 14–15)*.

Большинство проблем с научной новизной любого исследования возникают, как правило, из-за того, что некоторые авторы слабо разбираются в историографии вопроса и не знают работы своих предшественников. К сожалению, В. Е. Поляков относится к числу таких авторов. В его монографии, конечно, есть соответствующий параграф. Тем не менее, назвать его анализом историографии можно только с большой натяжкой. Если посмотреть на этот параграф с качественной точки зрения, то он представляет собой обычный пересказ книг, прочитанных В. Е. Поляковым. С количественной же точки зрения этот список является далеко неполным. По сути, он включает в себя только книги советских и постсоветских авторов. При этом пропущены работы многих крымских историков – современников В. Е. Полякова (Г. Бекирова, Ю. Катунин, А. Мальгин, С. Ткаченко и др.). Зарубежная историография проблемы представлена некоторыми работами, переведенными на русский язык еще в советское время. Что же касается литературы на иностранных языках, то ее нет вообще. Вероятно, В.Е. Поляков не знает, что только за последние десять лет, и только в одной Германии, был опубликован целый ряд монографий, в которых идет речь о тех или иных аспектах партизанского движения на территории Крыма (А. Ангрик, Н. Кунц, К. Рот и др.). В историографическом обзоре также много посторонних книг, которые вообще не касаются заявленной темы. Складывается впечатление, что автор включил в свой перечень литературы все, что приобрел в книжных магазинах. В целом же, можно сделать вывод, что параграф «Историография вопроса» фактически не отвечает задачам, поставленным в исследовании *(С. 16–32)*.

В. Е. Поляков утверждает, что «абсолютное большинство исследователей пренебрегло сравнительным методом, черпая информацию только из одного источника» *(С. 63)*. Поэтому интересно посмотреть, чем пользовался сам автор, когда писал

свое, вне всякого сомнения, многоплановое исследование. Главным источником информации В. Е. Полякова являются фонды Государственного архива Республики Крым (далее – ГАРК). Если верить параграфу «Источниковая база», то можно сделать вывод, что автор использовал тринадцать фондов из этого архива. Однако анализ текста и научно-справочного аппарата книги показывает, что написана она, в целом, только на трех фондах, в которых непосредственно отложились документы о партизанском движении. Остальные десять фондов приведены для общего антуража, ссылок на них очень мало (иногда одна или две), и существенной роли в решении исследовательских задач они не играют *(С. 32–34, 35–38)*.

В рецензии на одну из предыдущих попыток В.Е. Полякова написать историю партизанского движения на территории Крыма мы отмечали, что создать такую разноплановую работу без использования российских и немецких архивов попросту нереально [6]. В своей новой монографии он «исправил» этот пробел, но очень интересным способом.

Так, В. Е. Поляков утверждает (называя себя в третьем лице «исследователем»), что он изучал документы таких российских архивов, как: Государственный архив Российской Федерации, Центральный архив Министерства обороны и Российский государственный архив социально-политической истории. При этом если коллекции фондов крымского архива описаны действительно очень подробно, то информация о материалах из вышеуказанных российских архивов уместилась в трех небольших абзацах. Также непонятно, что именно нашел там В. Е. Поляков: ссылки на эти архивы в монографии отсутствуют вообще. Напрашивается вывод, что автор там никогда не работал *(С. 34–35)*.

До настоящих немецких архивов В. Е. Поляков не доехал. Однако он изучил «все имевшиеся в ГАРК документы немецкой стороны» *(С. 60)*. Не совсем ясно, как это смогло помочь проанализировать действия оккупантов. Проблема в том, что все аутентичные немецкие документы хранятся в этом архиве в одном небольшом деле. И восстановить по ним картину крымской действительности «глазами врага» или антипартизанской борьбы в принципе невозможно.

В. Е. Поляков использовал как опубликованные, так и неопубликованные источники личного происхождения. Главным образом, это партизанские мемуары, многие из которых увидели свет еще в советское время. Их разбор занимает несколько страниц монографии и, по сути, повторяет метод, при помощи которого автор «анализировал» историографию. В данном случае, это банальный пересказ содержания указанных источников. Также непонятен принцип, по которому эти мемуары разделены на две группы: до и после 1985 года (начало так называемой «перестройки»). В. Е. Поляков утверждает, что разница между ними – это «бдительное око советской цензуры», под которым писалась первая группа. Нам этот подход представляется не совсем верным уже хотя бы потому, что один из атрибутов «перестройки» – «гласность» – вошла в обиход только в 1987 году. А до этого и в исторической науке, и в мемуаристике советская цензура имела решающее значение *(С. 38–43)*.

Действительно, с точки зрения информативности и оценок, мемуары советских партизан являются, мягко говоря, неидеальными. Поэтому, при их анализе просто

необходимо использовать свидетельства «с той стороны», то есть, воспоминания и дневники из среды противника. К сожалению, из всего многообразия такой литературы, В. Е. Поляков нашел только одну книгу – опубликованные на русском языке мемуары генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна – источник, несомненно, важный, но уже изученный вдоль и поперек *(С. 44)*.

Несомненным достоинством работы В. Е. Полякова является использование документов из личного архива автора. В данном случае, это шестнадцать неопубликованных воспоминаний партизан и жителей Крыма, которым пришлось пережить оккупацию. Тем не менее, и здесь есть большой вопрос. Сбор материалов по «устной истории» (а именно к ней относятся интервью, собранные В. Е. Поляковым) должен происходить по определенным правилам и с соблюдением целого ряда процедур. Выполнил ли их автор? Если нет, то многие факты из этих интервью можно поставить под сомнение *(С. 43)*.

При написании своего исследования В. Е. Поляков активно использовал прессу оккупационного периода. Более того, некоторые разделы его монографии написаны практически только на этом виде источников *(С. 99–109, 114–130)*. Нет необходимости говорить, что этот источник очень специфический, а его информация нуждается в скрупулезной перепроверке, особенно, если мы имеем дело с прессой, выходившей на оккупированных территориях. Однако автор не счел нужным проанализировать ее достоверность.

Еще одним «фирменным знаком» В. Е. Полякова является то, что найденные в архивах документы он применяет преимущественно иллюстративным способом, подменяя, таким образом, вдумчивый и кропотливый анализ. Вот и в его новой монографии до трети текста занимают пространные цитирования, иногда даже без ссылки на источник информации. Можно ли с таким знанием историографии, источниковой базой и методами «успешно реализовывать исследовательские задачи»? В. Е. Поляков считает, что можно *(С. 60)*. А вот насколько это обоснованно, мы убедимся дальше.

Монография состоит из введения, шести глав, заключения, перечня использованных источников и литературы и небольших приложений. Практическая часть исследования, в которой идет речь об истории партизанского движения на территории Крыма, расположена в главах со второй по шестую. Однако после ознакомления с содержанием книги можно прийти к выводу, что логика изложения материала в ней явно нарушена и выглядит хаотично.

Во-первых, несмотря на то, что предметом исследования названо исключительно партизанское движение на территории Крыма, даже по оглавлению видно, что в монографии можно выделить три, пусть и смежные, но совершенно самостоятельные темы. В данном случае, это: партизанское движение, немецкий оккупационный режим и проблема коллаборационизма. Двум последним темам посвящена третья глава. Вне всякого сомнения, они очень важны. Понимание деятельности партизан невозможно без изучения их антипода – коллаборационистов. И – наоборот. Наконец, и партизаны, и их противники действовали в условиях оккупационного режима, поэтому, изучение его структур также представляется необходимым. Тем не менее, стержневой темой является именно партизанское движение. И при чтении кни-

ги не всегда понятно, как и почему вокруг этого стержня «вращаются» остальные темы. В целом, структура исследования попросту «распадается». Кроме того, все, что написано в главе про оккупационный режим, уже неоднократно становилось предметом изучения, как отечественных, так и зарубежных историков. Так, системе управления оккупантов, Холокосту, религиозной жизни, пропаганде и, конечно, коллаборационизму посвящены целые монографии. Поэтому весь этот материал в изложении В. Е. Полякова представляет собой обзорно-компилятивный и очень поверхностный текст, и к тому же – совершенно без научной новизны *(С. 85–147)*.

Во-вторых, собственно предмету исследования посвящено только две из шести глав – четвертая и пятая. Четвертая глава называется «Особенности партизанского движения на территории Крыма». Не совсем понятно, почему В.Е. Поляков назвал ее именно так. В данном разделе излагается история деятельности советских партизан по периодам, довольно последовательно, но без особенной новизны и аналитики. Все это можно прочесть у других историков. С другой стороны, после изучения этой главы возникает целый ряд вопросов. В чем заключались эти особенности? В сравнении с чем, движение было таким особенным? Именно сравнительного материала здесь мало. Автор пытается приводить какие-то факты из истории партизанского движения на Украине. Однако они не систематизированы, ничего не показывают и только вызывают недоумение: умеет ли кандидат исторических наук пользоваться сравнительным анализом? *(С. 150–323)*.

Еще более интересное название носит пятая глава – «Партизанское движение в Крыму – сложный социально-политический феномен». В ней идет речь о повседневной жизни партизан, подпольной работе на оккупированной территории и… роли авиации в судьбе «народных мстителей». И если партизанский быт еще как-то можно отнести к социальным структурам повседневности, но никак не к политическим, то деятельность подпольщиков и роль авиации в данном случае, вообще, не является феноменальным. Подполье, как составная часть Движения Сопротивления, существовало везде, на всех оккупированных нацистами территориях. И авиация тоже летала ко всем советским (и не только советским) партизанам. Скорее, в этой главе было бы более логичным поместить параграф о национальной составляющей партизанских отрядов. Но В. Е. Поляков почему-то оставил его в предыдущей главе об особенностях, где этот материал явно выпадает из контекста *(С. 328–381)*.

В-третьих, даже не читая саму книгу, можно увидеть, что автор вышел за заявленные хронологические рамки исследования. В его шестой главе идет речь о мемориализации крымских партизан и подпольщиков в монументальной пропаганде, музейных экспозициях и топонимии Симферополя. Понятно, что все это – события послевоенного периода. Сами факты, несомненно, интересны, их можно упомянуть в заключении или сделать в виде приложения. Однако делать на этом материале отдельную главу, значит, еще раз нарушать логику изложения *(С. 385–400)*.

Наконец, в-четвертых, в книге много постороннего материала. К нему, например, относится практически вся вторая глава, посвященная, якобы, предпосылкам создания и деятельности партизанских формирований. Хронологически – это Крымский полуостров до и вовремя немецкого вторжения с июня по ноябрь 1941 года. Без всякого ущерба авторской логике изложения все, что в ней написано, можно

было бы уменьшить раза в три и поместить в первый параграф четвертой главы – где идет речь о подготовительном периоде партизанского движения *(С. 64–83)*.

Конечно, структура монографии – это личное дело В. Е. Полякова. Однако в совокупности со слабым знанием историографии вопроса, нерепрезентативностью источниковой базы и невладением методологией подобного рода исследований можно справедливо усомниться в способности автора решать поставленные перед собой задачи. Таким образом, к форме ответа на эти задачи есть много претензий. А что же по содержанию? Следует сказать, что оно полностью соответствует форме. В тексте монографии много фактических ошибок, поверхностных суждений, алогичных и необоснованных обобщений. Разумеется, перечислить все это в рамках небольшой рецензии представляется просто нереальным. Поэтому мы остановимся только на ключевых недостатках, чтобы обосновать общую оценку данной монографии.

В своем введении В. Е. Поляков утверждает, что после эвакуации «белых» партизанское движение на территории Крыма прекратилось достаточно быстро. Однако это не совсем так. Разнообразная антибольшевистская деятельность продолжалась на полуострове вплоть до 1926 года. То есть, даже дольше, чем вся Гражданская война *(С. 12)*.

Очень смутными являются представления автора о структуре немецкого оккупационного режима. Фактически, он не различает органы управления и силовые структуры. Путается в функциях специальных подразделений – оперативных групп и команд, почему-то считая, что они создавались для борьбы с партизанами. Не понимает, что национальные комитеты не являлись органами местного самоуправления. У этих структур были совершенно другие задачи *(С. 85–89)*.

В. Е. Поляков утверждает, что известный концлагерь на территории совхоза «Красный» (на окраине Симферополя) был создан не оккупантами, а являлся таковым еще в довоенное время. Якобы, НКВД использовало его как место массовых расстрелов. Эта «версия» возникла относительно недавно. Она и сейчас упорно муссируется в определенных кругах, чтобы скрыть преступления карателей из 152-го крымско-татарского батальона Вспомогательной полиции порядка, которые охраняли этот лагерь. Разумеется, никаких фактов о «расстрельных рвах НКВД» нет. Поэтому, В. Е. Поляков ограничился сакраментальной фразой: «по информации местных жителей» *(С. 92)*.

Обычно органы еврейского «самоуправления» на оккупированных территориях назывались «Юденраты». Это – специальный термин. И писать в монографии, что этот орган назывался «Совет евреев», то есть, делать дословный русский перевод, является не совсем корректным с научной точки зрения *(С. 93)*.

Полностью надуманными выглядят рассуждения В. Е. Полякова о причинах того, почему евреи Крыма безропотно приходили на сборные пункты, откуда их отправляли на места массового уничтожения. Оказывается, во всем виновата советская власть, которая подавила у людей волю и инстинкт самосохранения. К сведению автора, так было везде, по всей оккупированной нацистами Европе. Везде евреи верили, что их отправляют на новое место жительства или в рабочие лагеря. И в

данном случае, поведение евреев из демократических стран ничем не отличалось от поведения их соплеменников их стран авторитарных *(С. 95)*.

На 65-й странице автор пишет, что «межнациональные отношения предвоенной поры были в Крыму самыми гармоничными». Однако этот вывод никак не согласуется с его дальнейшими голословными утверждениями, что советская власть угнетала народы, а русское население в период оккупации писало доносы немцам на евреев, караимов и крымчаков *(С. 97, 110-111)*.

Зондерфюрер – это лицо, которое исполняло обязанности офицера в различных сферах деятельности, где требовались его профессиональные способности. Иногда это были вообще гражданские специалисты, которые назначались на ту или иную должность, если не было офицера с соответствующей квалификацией. В. Е. Поляков же почему-то считает, что это – «представитель оккупационных властей в сельской местности» *(С. 108)*.

В монографии имеется целый параграф, посвященный вопросам культуры, образования и пропаганды в оккупированном Крыму. Однако автор умудрился написать его и не упомянуть специальный Штаб пропаганды «Крым», который руководил всей этой сферой с 1942 по 1944 год. В. Е. Поляков почему-то думает, что этим занимался так называемый «Айнзатцштаб Розенберга» – организация, в функции которой входило изъятие культурных ценностей на оккупированных территориях, и уж никак не «бдительная опека» библиотек и театров *(С. 118–119)*.

По мнению В. Е. Полякова в Крыму издавалась «профашистская газета на русском языке… “Адат-Крым”». Вероятно, автор имеет в виду газету «Azat Kirim»? Но это был орган Симферопольского мусульманского комитета, который весь период своего существования выходил на крымско-татарском языке *(С. 118)*.

В. Е. Поляков уверен, что в Вермахте не было института военных священников. На самом деле все, конечно, было наоборот. Такие священники имелись, как для католиков, так и для протестантов. Более того, есть масса свидетельств, что они помогали налаживать религиозную жизнь на оккупированных советских территориях. Наконец, когда в германских вооруженных силах начали создаваться формирования из мусульман, то вопрос нахождения в них мулл и имамов даже не обсуждался – они появились там в обязательном порядке *(С. 125)*.

Кстати, о религии. В соответствующем параграфе В. Е. Поляков излагает историю воссоздания Муфтиата – главной мусульманской религиозной структуры на территории Крыма. Фактически, большая часть данного трехстраничного текста – это откровенные фантазии без ссылок на какой-либо источник. Тем не менее, он угадывается очень легко. В данном случае, это наша работа «Крым под пятой Гитлера», которая была издана в Москве в 2011 году [7]. Правда, заимствованный текст искажен настолько, что полностью теряется его смысл. Так, автор почему-то считает, что избирать крымского муфтия должны были мусульманские комитеты полуострова. На самом деле было не так. Члены комитетов (главным образом из Симферополя) только лоббировали создание Муфтиата, пытаясь организовать не столько религиозный, сколько политический центр. Далее. Один из крымско-татарских националистов Амет Озенбашлы не советовал «мусульманам дистанцироваться от политики». Наоборот, он рекомендовал придерживаться своих, татарских политиче-

ских целей. Лидер крымско-татарской эмиграции Джафер Сейдамет не занимал «жесткую конфронтационную политику по отношению к Гитлеру». Скорее, его политика была выжидательной. Наконец, руководителя представительства крымских татар на территории Германии звали Эдиге Кырымаль, а не Эдиге Крымал *(С. 127–129)*.

Если самым поверхностным текстом в монографии является глава о немецком оккупационном режиме, то ее самая дилетантская часть – это параграф о коллаборационизме. К настоящему моменту данная тема уже довольно хорошо изучена. Историки из разных стран собрали и обработали значительный фактический материал о сотрудничестве крымчан с различными оккупационными структурами. И типология коллаборационизма, и его причины, и последствия, и количественные характеристики давно проанализированы. Спрашивается, зачем изобретать велосипед? Если бы В. Е. Поляков ввел в научный оборот какие-то новые документы или сделал бы новые обобщения, наличие такой исследовательской задачи еще можно было бы понять. Однако данный параграф представляет собой заурядную и очень поверхностную компиляцию с большим количеством фактических ошибок и откровенных подтасовок *(С. 130–147)*.

По поводу последних, к слову, можно привести пример, который очень характеризует «умение» автора обращаться с архивными источниками. Так, на протяжении всей книги он утверждает, что в крымско-татарских батальонах Вспомогательной полиции порядка служили кто угодно (карелы, словаки, хорваты, поляки и даже евреи), но не татары. Вернее, их там было настолько мало, что можно вообще вести речь об интернациональном составе этих формирований. При этом В. Е. Поляков ссылается на некий список этого батальона, который он нашел в фондах ГАРК. Следует отметить, что автор в принципе не имеет представления, чем являлись эти формирования, чтобы судить об их истории. Но дело не в этом. В указанном им архивном деле вообще нет таких документов, а те, которые имеются, свидетельствуют как раз об обратном *(С. 98, 147, 261, 283–284)* [8].

Интересно, что В. Е. Поляков, рассуждая об антипартизанских операциях немцев, только упоминает о Штабе по борьбе с бандитизмом. Этот специальный орган был создан при 11-й немецкой армии для координации таких мероприятий. И его роль в противостоянии советским «народным мстителям» не менее важна, чем роль его антипода – Крымского штаба партизанского движения. Следовательно, и написать о нем надо было бы больше, чем один абзац. К слову, начальника этого штаба звали Конрад Штефанус, а не Стефанус, как писали в работах советского периода *(С. 179)*.

Осенью 1943 года на сторону партизан хотели перейти солдаты из 804-го азербайджанского пехотного батальона. Заговорщиков кто-то выдал. Немцы расстреляли восемь человек, а сам батальон вывели из прилесной зоны. Эта история хорошо известна, более того, даже сохранились документы немецкого полевого трибунала по делу этих военнослужащих. Однако в тексте монографии В. Е. Полякова азербайджанцы превращаются в армян со всеми вытекающими из этого последствиями *(С. 254)*.

В формированиях Русской освободительной армии на территории Крыма не было грузинских частей, как утверждает автор *(С. 261)*.

В своей предыдущей книге о крымских партизанах В. Е. Поляков, помимо всего прочего, написал, что с партизанами боролись только эсэсовские части, а солдаты Вермахта этим заниматься не могли. Коллеги справедливо указали ему, что это заблуждение. В рецензируемой монографии автор несколько подкорректировал свое открытие. По его новой версии, крымские партизаны были единственными, кому противостояли регулярные части немецкой армии. С остальными же «народными мстителями» боролись только тыловые и полицейские формирования. Разумеется, это второе утверждение такое же ошибочное, как и первое *(С. 409)*.

Каждая глава монографии В. Е. Полякова заканчивается выводами. А сама монографиями – заключением. Однако с точки зрения содержательной стороны, многие обобщения автора являются спорными, голословными и, зачастую, ошибочными. Причина – в вышеуказанных недостатках. Но и с формальной стороны эти обобщения вызывают много вопросов. Фактически, они представляют собой краткий пересказ того, что автор написал в той или иной главе. В заключении к монографии нет ни одного ответа на поставленные исследовательские задачи. Напротив, много лишней информации, которая вообще не согласуется с основным текстом. В целом, было бы логичным ожидать, что автор покажет итоги партизанской борьбы, которые он подвел сам, опираясь на открытые им источники. Однако книгу завершает пассаж, взятый с какого-то Интернет-ресурса, где приведены некие цифры, которые абсолютно ничего не иллюстрируют из изысканий В. Е. Полякова *(С. 415–417)*.

В одном месте книги написано, что это монография *(С. 382)*, в другом – что это диссертация *(С. 53–54)*, а в третьем и вовсе сказано, что это статья *(С.132)*. Напрашивается вывод: работа писалась «комплексным» методом, когда что-то механически и без соответствующей вычитки соединялось в один текст, а что-то дописывалось потом, по мере того, чем планировалось сделать данное исследование. В книге много неавторского текста – фактически треть монографии занимают пространные цитаты из книг, газет, архивных документов и, зачастую, без ссылок на источник. К слову, научно-справочный аппарат также является «слабым местом» В. Е. Полякова. Некоторые ссылки перепутаны настолько, что практически невозможно понять, откуда взят тот или иной факт. В результате, получился научно-публицистический гибрид с массой грамматических, пунктуационных и стилистических ошибок.

Подводя итог сказанному, приходится констатировать, что В. Е. Полякову не удалось создать целостную картину партизанского движения на территории Крыма. Написав почти пятьсот страниц текста, автор так и не смог внятно сказать, кем для него являются советские «народные мстители» – борцами за свободу, «сталинскими коммандос» или стороной в гражданской войне. К сожалению, концепцию книги так и не удалось установить. Далее. В. Е. Поляков не решил поставленные перед собой исследовательские задачи. Причин этому можно назвать много, однако ограничимся только самыми главными. Автор не знает историографию проблемы, которую взялся изучать. Иначе, он не стал бы формулировать вопросы, на которые уже давно ответили его предшественники. И таких вопросов – больше

половины из списка. В. Е. Поляков в очередной раз подтвердил, что не умеет правильно собирать источники и работать с ними. Отобранный им корпус не является репрезентативным для обозначенной темы исследования. Более того, автор не использует анализ и критику документов, предпочитая применять их иллюстративным способом, иногда опускаясь до банальных подтасовок. С методикой подобного рода исследований у В. Е. Полякова также значительные проблемы. Несмотря на то, что об истории партизанского движения на территории Крыма он, в целом, имеет представление, ему так и не удалось построить нормальную структуру для своей монографии. Во многом она хаотична, лишена логики и содержит массу ненужного для данной темы материала. Наконец, следует отметить целый ряд ошибок в фактологическом наполнении текста. Они имеются практически во всех разделах монографии и носят системный характер. Поэтому, все вышесказанное не позволяет назвать работу В. Е. Полякова научным исследованием. Скорее, это «обнаученый» вариант его предыдущих книг и статей. Тем не менее, чуда не произошло. Изменение формы не привело к изменению содержания – оно осталось таким же псевдонаучным, как и ранее.

Примечания:

1. Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. – Симферополь, 2013.

Polyakov V.E. Partizanskoe dvizhenie v Krymu 1941–1944 gg. – Simferopol', 2013.

2. Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной: партизаны без грифа «Секретно». – М., 2009 и 2011.

Polyakov V.E. Strashnaya pravda o Velikoy Otechestvennoy: partizany bez grifa «Sekretno». – M., 2009 i 2011.

3. См., например: Гуркович В.Н. «Долой стыд!». – Симферополь, 2010. – С. 212–234; Романько О.В. Новое исследование о крымских партизанах: коллективный портрет на фоне мифов и некомпетентности. Рец. на кн.: Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной: партизаны без грифа «Секретно». – М.: Яуза-пресс, 2011. – 448 с. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2012. – Т. 25 (64). – №1. – Серия «Исторические науки». – С. 161–171.

Sm., naprimer: Gurkovich V.N. «Doloy styd!». – Simferopol', 2010. – S. 212–234; Roman'ko O.V. Novoe issledovanie o krymskikh partizanakh: kollektivnyy portret na fone mifov i nekompetentnosti. Rets. na kn.: Polyakov V.E. Strashnaya pravda o Velikoy Otechestvennoy: partizany bez grifa «Sekretno». – M.: Yauza-press, 2011. – 448 s. // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol', 2012. – T. 25 (64). – №1. – Seriya «Istoricheskie nauki». – S. 161–171.

4. Автор рецензии намеренно и из этических соображений не упоминает имена рецензентов монографии и ее научного редактора. Дело в том, что у нас нет полной уверенности, что эти ученые вообще знакомились с текстом данного исследования прежде, чем поставить на его вторую страницу свои фамилии.

Avtor retsenzii namerenno i iz eticheskikh soobrazheniy ne upominaet imena retsenzentov monografii i ee nauchnogo redaktora. Delo v tom, chto u nas net polnoy uverennosti, chto eti uchenye voobshche znakomilis' s tekstom dannogo issledovaniya prezhde, chem postavit' na ego vtoruyu stranitsu svoi familii.

5. Мельничук Е.Б. Партизанское движение в Крыму (1941–1944 гг.): в 2 кн. – Львов, 2008. – Кн. 1.

Mel'nichuk E.B. Partizanskoe dvizhenie v Krymu (1941–1944 gg.): v 2 kn. – L'vov, 2008. – Kn. 1.

6. Романько О.В. Новое исследование о крымских партизанах… – С. 163.

Roman'ko O.V. Novoe issledovanie o krymskikh partizanakh… – S. 163.

7. Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. – М., 2011. – С. 149–153.

Roman'ko O.V. Krym pod pyatoy Gitlera. – M., 2011. – S. 149–153.

8. Романько О.В. Об одной несостоявшейся сенсации, или Некоторые проблемы методологии исследований по истории Крыма в период Второй мировой войны // Язык как инструмент познания и

зеркало эпохи: Материалы международной научно-практической конференции «VII Кирилло-Мефодиевские чтения» (КГМУ им. С.И. Георгиевского) 22–23 мая 2014 г. – Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2014. – С. 76–88.

Roman'ko O.V. Ob odnoy nesostoyavsheysya sensatsii, ili Nekotorye problemy metodologii issledovaniy po istorii Kryma v period Vtoroy mirovoy voyny // Yazyk kak instrument poznaniya i zerkalo epokhi: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «VII Kirillo-Mefodievskie chteniya» (KGMU im. S.I. Georgievskogo) 22–23 maya 2014 g. – Simferopol': Dom Pisateley im. Dombrovskogo, 2014. – S. 76–88.

Romanko O.V. Crimean partisans without a retouch, or Whether a scientific form can to do scientific content / O.V. Romanko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Scince. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 76–87.

This article is a review of the monograph of the Crimean researcher V.E. Polyakov, devoted to history of soviet partisan movement on territory of Crimea in period from 1941 to 1944.

Based on analysis of text of monograph in detail authorial conception of partisan movement during Second World War in general and on territory of the Crimean peninsula, in particular, is considered. The fallaciousness of this conception from the V.E. Polyakov's actual errors is shown. Based on numerous examples, that an author does not know modern historiography of indicated issue, and his source base is not representative for the decision of the put tasks is well proven. It is convincingly reasonable, that from this V.E. Polyakov was not able to set forth the research subject and create the clear structure of the monograph – this structure has chaotic character. It as a result, that conclusions of author on the done work are unconvincing and does not answer the put questions is shown. In this connection, that V.E. Polyakov's monograph is not scientific research, and an author cannot be an expert on the indicated topic is well proven.

Keywords: review, V.E. Polyakov, Second World War, partisan movement, Crimea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимченков Виктор Владимирович	аспирант Центра памятниковедения НАН Украины (г. Киев, Украина)
Бекмамбетова Эльвина Мамутовна	аспирант кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Дмитрук Светлана Анатольевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры социологических и гуманитарных дисциплин Государственного университета телекоммуникаций (г. Киев, Украина)
Калиновский Владимир Витальевич	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Леписевич Наталья Зеноновна	аспирант кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Петрова Элеонора Борисовна	доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Романько Олег Валентинович	доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии, философии, социально-гуманитарных наук Крымского медицинского университета имени С. И. Георгиевского
Сеитова Эльвина Изетовна	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь)
Трещева Ирина Викторовна	аспирант кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

СОДЕРЖАНИЕ

Акимченков В. В.

Новые источники по истории музейного дела в Севастополе 3

Бекмамбетова Э. М.

Участие крымскотатарских женщин в общественно-политической, партийной, культурной и просветительской жизни Крыма (1917–1941)..... 14

Дмитрук С. А.

Чешские поселения в Крыму: история и современность..... 20

Калиновский В. В.

К вопросу о публикации эпистолярного наследия архиепископа Иннокентия (Борисова) профессором Н. И. Барсовым: крымский аспект 32

Леписевич Н. З.

Материалы журнала «Морской сборник» о Севастопольской морской библиотеке..... 44

Петрова Э. Б.

Крымский университет в 20-х годах XX столетия: малоизвестные страницы научной и педагогической деятельности профессора Павла Ивановича Голландского..... 53

Трещева И. В.

К вопросу об экономическом развитии Крыма в годы «Перестройки»..... 58

Seitova E. I.

Reasons for the organization of the post-war settlement of Crimea. Periodization of the problem..... 68

РЕЦЕНЗИИ

Романько О. В.

Крымские партизаны без ретуши, или Может ли научная форма сделать научным содержание 76

Сведения об авторах 88